НАЦИОНАЛЬНАЯ КНИЖНАЯ ПРЕМИЯ США 2024

ПУЛИТЦЕРОВСКАЯ ПРЕМИЯ 2025

CORPUS

ПЕРСИВАЛЬ ЭВЕРЕТТ

ДЖЕЙМС

РОМАН

БЛЕСТЯЩЕЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ
“ПРИКЛЮЧЕНИЙ ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА”. ШОКИРУЮЩАЯ,
НО БЕСКОНЕЧНО СМЕШНАЯ ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ
БЕГЛЫМ РАБОМ ДЖИМОМ

Джеймс
Персиваль Эверетт

Аннотация
Персиваль Эверетт. Джеймс
Записная книжка Дэниела Декейтера Эммета
Часть I
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18

Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Часть II
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Часть III
Глава 1

Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Благодарности

Аннотация

Этот роман – увлекательное переосмысление “Приключений Гекльберри Финна” Марка Твена, шокирующее и неистово смешное. История рассказана глазами Джима, того самого раба, вместе с которым Гек отправляется в опасное путешествие по реке Миссисипи. Многие детали сюжета сохранены, но Джим, точнее, Джеймс, предстает перед нами в новом, совершенно неожиданном свете. Эверетт написал роман о стремлении к свободе, о том, что требуется, чтобы эту свободу заполучить.

Персиваль Эверетт Джеймс

Посвящается Дэнзи

Percival Everett
James

Перевод с английского
Юлии Полещук

Russian translation rights arranged with Melanie Jackson Agency, LLC,
through AJA Anna Jarota Agency

© Percival Everett, 2024
© Michael Avedon, фото автора на обложке
© Ю. Полещук, перевод на русский язык, 2026
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026
© ООО “Издательство Аст”, 2026
Издательство CORPUS ®

Записная книжка Дэниела Декейтера Эммета

Я в город приехал позавчерась,

А тама шумят, тама просто ужасть,

Сторожа ночные так и снуют

Орут, дескать, старый Дэн Такер тут

Прочь, ты не нужен, прочь, ты не нужен,

Прочь, Дэн Такер, ты нам не нужен,

Ты уже опоздал на ужин.

Овца и барашек паслися середь полей

Барашек, сказала овца, ты могешь бежать шибчей

Тише, что ты, овечка, чу, слышишь, волк рычит,

Ой-ой, божечки, овечка, никак это бульдог рычит,

Прочь, ты не нужен, прочь, ты не нужен,

Прочь, Дэн Такер, ты нам не нужен,

Ты уже опоздал на ужин.

Бритва моя остра, прямо-таки загляденье,

Да еще с собою бутыль – славное угощенье,

Дэн Такер жует кукурузу, овечка жует овес,

Я сразу тебя обрею, как вода прогреется скрозь.

Прочь, ты не нужен, прочь, ты не нужен,

Прочь, Дэн Такер, ты нам не нужен,

Ты уже опоздал на ужин.

Навроде как сойка в ласточкином гнезде,

Ради спасенья души шастает он везде,

Старый Такер в нору забрался,

А там девять аль десять лисят.

Прочь, ты не нужен, прочь, ты не нужен,

Прочь, Дэн Такер, ты нам не нужен,

Ты уже опоздал на ужин.

Намедни пошел я в добрые люди

Послухать, как Такер молиться будет.

Все перепилися акромя меня

И старый Дэн Такер взял челюсть коня.

Прочь, ты не нужен, прочь, ты не нужен,

Прочь, Дэн Такер, ты нам не нужен,

Ты уже опоздал на ужин.

Старый Зип Кун

Я в Сэнди-Хук заявился под вечер,

Я в Сэнди-Хук заявился под вечер,

Я в Сэнди-Хук заявился под вечер,

Глядь – старый Зип Кун: ба, вот так встреча!

Старый Зип Кун самый ученый на всей земле,

Старый Зип Кун самый ученый на всей земле,

Он на банджо поет про енота в дупле.

Видели, как в океане плавает дикий гусь?

Видели, как в океане плавает дикий

гусь?

Видели, как в океане плавает дикий гусь?

Никого красивее гуся я вам сыскать не берусь.

Когда дикий гусь подмигнет, так и манит за ним нырнуть,

А когда дикий гусь взгогочет, всякий готов утонуть.

Кабы я был президент Соединенных Штатов

Кабы я был президент Соединенных Штатов

Кабы я был президент Соединенных Штатов

Я бы сосал леденец и ворота распахивал настежь,

А тех, кто мне не по нраву, я на порог не пущал бы,

И так я их не пущал бы, что Крокет сам осерчал бы.

Индюк в соломе

Когда наш отряд по дороге катил,

С тяжелой поклажей и вовсе без сил,

Я щелкнул кнутом, пристяжная прыгскок,

Оглобля ушла за малым не вбок.

Припев:

Индюк на соломенной крыше, индюк на стоге с травой,

Ночь напролет пляши, вкалывай деньденьской,

Заверни их, покрути да закинь повыше,

И песню спой про индюка на соломенной крыше.

Как доют коров, не видал я в глаза,

Доил я, доил – оказалась коза.

На скирде соломы мартышка сидит,

На тёщу свою этак хитро глядит.

(Припев)

Индюк на соломенной крыше, индюк на стоге с травой,

Старая сивка ни тпру ни ну – что поделать с такой?

Заверни их, покрути да закинь повыше,

И песню спой про индюка на соломенной крыше.

Синекрылая муха

Когда молод я был, я массе служил

За столом тарелки ему подносил

И бутыли, чтобы горло смочить, подавал,

И еще синекрылых мух отгонял.

Припев:

Хрусти кукурузой, Джимми, мне на всё наплевать,

Хрусти кукурузой, Джимми, мне на всё наплевать,

Хрусти кукурузой, Джимми, мне на всё наплевать,

Моего массы нет.

Днем хозяин мой ездит верхом,

Я за ним с метелкой бегом,

Коли муха укусит лошадь,

Та живо хозяина сбросит.

(Припев)

Ферму он объезжал как-то раз,
Мух слетелося – просто страсть,
Одна тяпнула его в ляжку,
Черт бы побрал канашку.

(Припев)

Лошадь вздыбилася, понесла,
В ров хозяина из седла.
Он помер – по чьей прорухе?
Суд решил: синекрылой мухи.

(Припев)

Под хурмой его схоронили,
А на камне ему сочинили:
“Здесь лежу я, любезные други,
По вине синекрылой мухи”.

Часть I

Глава 1

Эти маленькие негодники притаились в высокой траве. Луна, пусть еще и не полная, светила ярко и стояла как раз за ними, так что я видел их яснее ясного, хотя и было уже очень поздно. Возле черной холстины вились светляки. Я дожидался у кухонной двери мисс Уотсон, покачивая ногой расшатавшуюся ступеньку: завтра хозяйка наверняка велит ее починить. Я ждал, пока мисс Уотсон вынесет мне сковороду с кукурузным хлебом, который она испекла по рецепту моей Сэди. Вся жизнь для раба — сплошь ожидание: ждешь-пождешь и снова ждешь. Ждешь указаний. Ждешь кормежки. Ждешь скончания дней. И в довершение всего ждешь заслуженного и справедливого христианского воздаяния.

Эти белые пострелята, Том с Геком, наблюдали за мной. Они вечно выдумывали забавы, в которых я был то злодеем, то жертвой, но непременно игрушкой для них. Носились в бурьяне среди клещей, комаров и прочих кусачих мошек, но мне все-таки не докучали. Однако белым надобно потакать, так что я спустился во двор и выкрикнул в темноту:

— Енто кто еще там впотьмах?

Они захихикали, неуклюже закопошились. Эти мальчишки не сумеют подкрасться и к слепоглухому, даже если будет играть оркестр. Чем с ними возиться, лучше уж тратить время на пересчет светляков.

— Нешто сесть на крыльцо да пождать, вдруг опять чего и услышу. Не ровен час, там ведьма али нечистый. Побуду уж лучше тут, где меня, старика, не достанут.

Я уселся на верхней ступеньке, прислонился к столбу. И прикрыл глаза от усталости.

Мальчишки перешептывались увлеченно, я слышал их так же ясно, как церковный колокол.

— Никак уснул? — спросил Гек.

— Вроде да. Говорят, негры засыпают вот так. — Том щелкнул пальцами.

— Тс-с, — шикнул на него Гек.

— А давай его свяжем, — предложил Том. — Привяжем его к столбу, у которого он сидит.

— Нет, — возразил Гек. — Вдруг он проснется и поднимет шум? И тогда в доме узнают, что я на улице, когда мне положено быть в постели.

— Ну и ладно, — сказал Том. — Знаешь что, мне нужны свечки. Я проберусь на кухню мисс Уотсон и прихвачу свечек.

— А ну как разбудишь Джима?

— Никого я не разбужу. Спящего негра даже гром не разбудит. Неужели ты совсем ничего не знаешь? Ни гром, ни молния, ни львиный рык. Мне рассказывали об одном, он проспал даже землетрясение.

— Интересно, каково это, когда землетрясение? — спросил Гек.

— Это как твой папаша будит тебя среди ночи.

Мальчишки неловко двинулись в дом, по скрипящим жалобно половицам, и не то чтобы осторожно поползли на карачках на кухню сквозь голландскую дверь мисс Уотсон. Я слышал, как они шарят по ящикам и шкафам. Но глаза так и не открыл и не обращал внимания на севшего мне на руку комара.

— Нашел, — сказал Том. — Я возьму три.

— Нельзя просто так забрать у старухи свечки, — возразил Гек. — Это же воровство. А если подумают на Джима?

— Я ей оставлю пять центов. Этого более чем достаточно. И на раба никто не подумает. Где ему взять пять центов? Пошли уже, пока она не явилась.

Мальчики вышли на крыльцо. Вряд ли они отдавали себе отчет, сколько наделали шуму.

— Ты лучше оставь ей записку, — посоветовал Гек.

— Ни к чему, — возразил Том. — Пяти центов за глаза хватит.

Я почувствовал, что мальчики повернулись ко мне. Я не пошевелился.

— Чего ты? — спросил Гек.

— Да вот хочу подшутить над стариной Джимом.

— Ты разбудишь его, и все.

— Тише ты.

Том шагнул мне за спину и ухватился за поля моей шляпы.

— Том, — жалобно произнес Гек.

— Тс-с-с, — шикнул на него Том и снял с меня шляпу. — Я просто повешу шляпу на этот гвоздь.

— Чего ради? — спросил Гек.

— Он проснется и решит, что это проделки ведьм. Дорого бы я дал, чтобы это увидеть.

— Ладно, шляпа висит на гвозде, а теперь пошли, — сказал Гек.

Из дома донесся шум, мальчишки бросились наутек и, поднимая пыль, вприпрыжку умчались за угол. Я слышал, как их топот стихает вдали.

В дверях кухни кто-то стоял.

— Джим?

Мисс Уотсон.

— Да, мэм?

— Спал ты, что ли?

— Нет, мэм. Я умаялси, но не спал.

— Ты заходил ко мне в кухню?

— Нет, мэм.

— Кто-то еще заходил ко мне в кухню?

— Да я вроде как и не видел, мэм. — Что, кстати, была правда, поскольку я все это время просидел с закрытыми глазами. — Не видел я, чтобы кто заходил в вашу кухню.

— Вот твой хлеб. Скажешь Сэди, что мне понравился ее рецепт. Только я кое-что добавила от себя. Чтобы его улучшить.

— Да, мэм, всенепременно скажу.

— Гека не видел? — спросила она.

— Видел раньше.

— Давно?

— Порядочно, — ответил я.

— Джим, ответь мне на вопрос. Ты заходил в библиотеку к судье Тэтчеру?

— Куда к судье Тэтчеру?

— В библиотеку.

— Это комната с книжицами?

— Да.

— Нет, мэм. Книжицы-то я видел, а в комнате

не бывал. А для чего вы спрашиваете?

— Да просто он обнаружил, что кое-какие книги стоят не на своих местах.

Я засмеялся.

— Чего бы мне делать с книгой?

Она тоже засмеялась.

Кукурузный хлеб был завернут в тонкое полотенце, и я перекладывал его из руки в руку, потому что он был горячий. Думал было откусить кусочек, поскольку проголодался, но мне хотелось, чтобы Сэди с Элизабет попробовали его первыми. Когда я вошел в дом, Лиззи подбежала ко мне, принюхиваясь, как гончая.

— Чем это пахнет? — спросила она.

— Думаю, этим вот кукурузным хлебом, — сказал я. — Мисс Уотсон испекла его по рецепту твоей мамы, и пахнет, конечно, славно. Правда, она сообщила мне, что кое-что изменила.

Сэди подошла и поцеловала меня в губы. Погладила по щеке. Сама нежная, губы нежные, а руки, как у меня, огрубели от работы в поле, хотя не утратили ласки.

— А полотенце я непременно ей завтра отдам. Белые о таких вещах не забывают. Сдается мне, они каждый день выкраивают время пересчитать чашки, ложки, полотенце и прочую утварь.

— Чистая правда. Помнишь, как я в тот раз забыл вернуть грабли в сарай?

Сэди положила хлеб на колоду — точнее сказать, на пенек, служивший нам столом. Разрезала. Дала нам с Лиззи по ломтю. Мы откусили. И переглянулись.

— А ведь так хорошо пахнет, — сказала малышка.

Сэди отщипнула кусочек, отправила в рот.

— Честное слово, у этой женщины талант плохо готовить.

— Мне обязательно доедать? — спросила Лиззи.

— Необязательно, — ответила Сэди.

— Но что ты ей скажешь, когда она спросит тебя про хлеб? — поинтересовался я.

Лиззи откашлялась.

— Мисс Уотсон, я отродясь не едала такого вкусного хлеба.

— Лучше скажи “не едывала”, это будет правильная неправильная грамматика.

— Я отродясь не едывала такого вкусного хлеба, — повторила она.

— Отлично, — сказал я.

На пороге нашей хижины показался Альберт.

— Джеймс, ты идешь?

— Я сейчас. Сэди, ты не возражаешь?

— Иди, — разрешила она.

Я вышел из дома и направился к большому костру, возле которого сидели мужчины. Меня поприветствовали, и я сел. Мы обсудили, что стало с беглецом с соседней фермы.

— На нем живого места не оставили, — сказал Дорис.

Дорис — мужчина, но работорговцев, которые дали ему такое имя, это ничуть не смутило.

— Всем им место в аду, — сказал Старина Люк.

— А с тобою сегодня что приключилось? — спросил меня Дорис.

— Ничего.

— Наверняка ведь что-нибудь да приключилось, — заметил Альберт.

Они ждали, что я расскажу им историю. У меня это явно получалось неплохо — рассказывать истории.

— Ничего, разве что меня сегодня унесло в Новый Орлеан. А кроме этого ничего и не приключилось.

— Куда унесло? — удивился Альберт.

— Туда. А дело было вот как: задремал я около полудня, да так сладко, опомнился — глядь, а я уж на людной улице, вокруг меня экипажи,

запряженные мулами, и чего только нет.

— С ума ты сошел, — сказал кто-то.

Тут Альберт подал мне предостерегающий знак, что рядом белые. Я услышал, как в кустах кто-то возится неуклюже, и догадался, что это мальчишки.

— Дак я ж и говорю: сперва гляжу, шапка моя на гвозде. Эва, сказал я себе, а ить я ее туда не вешивал. Как она там очутилася? Я и смекнул, что ентo проделки ведьм. Я-то их сам не видал, но как пить дать они. И одна из ентих, как их, ведьм, которая сцапала мою шапку, отправила меня в самый Норлеан. Хочете, верьте, хочете, нет.

Мое деланое просторечие предупредило остальных о близости белых. Вот так мой спектакль для мальчишек заложил основу истории. А история стала не столько выдумкой, сколько уловкой, чтобы отвести глаза мальчишкам.

— И не говори, — сказал Дорис. — С ведьмами шутки плохи.

— Вот уж в точку, — согласился другой.

Мы слышали, как мальчишки хихикают.

— Стою я, значица, в Норлеане, и догадайте что? — продолжал я. — Вдруг подходит ко мне ентот травник. Говорит: “Ты какого тут делашь?” Я ему, мол, понятия не имею, как я тут оказался. И

знаете, что он мне сказал? Знаете, что он сказал?

— Что он сказал, Джим? — спросил Альберт.

— Он сказал, что мне, Джиму, будет волюшка. Сказал, мол, никто больше не назовет меня черномазым.

— Божечки, — крикнул кузнец Скинни.

— Нечистый сказал, я-де могу скупить все, чего душа моя пожелает. Даже и виски, коли приспеет охота. Что вы на это скажете?

— Виски — дьявольское пойло, — сказал Дорис.

— Начхать, — сказал я. — Начхать, и все тут. Он сказал, коли хочу, дак и получу. И все остальное. Ну да начхать.

— Это еще почему? — спросил кто-то.

— Да потому что я же не сам там очутился — нечистый меня зашвырнул. Не всамделе, а показалося. Да и монет у меня не было. Чего проще. И тогда ентот черт щелкнул своими нечистыми пальцами и отправил меня обратно.

— Зачем же бы это? — удивился Альберт.

— Экий ты бестолковый! Да потому что в Орлеане хучь во сне, хучь в яви, а без монет с тобою даже нечистый знаться не станет, — сказал я.

Слушатели рассмеялись.

— Вот и мне говорили, — сказал один.

— Обождите, — сказал я, — я вроде как слышу,

что в кустах шебаршит нечистый. Дайте-ка мне огня, я подпалю кусты. Чертям да ведьмам к полымю не привыкать. Тают, что тоё масло на сковородке.

Мальчишки бросились прочь, а мы расхохотались.

Наступив вчера вечером на скрипучие половицы, я сразу понял, что мисс Уотсон велит мне приколотить их и починить расшатавшуюся ступеньку. Я выждал почти до полудня, чтобы не разбудить белых. Спать они все горазды и, в котором часу их ни разбуди, вечно жалуются, что их подняли в такую рань.

Гек вышел из дома и стал наблюдать за мною. Топтался поодаль, как всегда, когда что-то задумал.

— А вы чего не бегаете с вашим другом? — спросил я.

— С Томом Сойером, что ли?

— С ним самым.

— Он, наверное, еще спит. Наверное, всю ночь грабил банки и поезда.

— А он нешто грабит когось?

— Да вроде как. Деньжата у него водятся, вот он и покупает книги, все время читает про приключения. Иногда я не знаю, что и подумать.

— О чем вы?

— Ну вот нашел он эту пещеру, мы туда лазием, собираемся с другими мальчишками, но когда мы туда залазием, он хочет быть за главного.

— Да ну?

— А все потому, что начитался книжек.

— И вам это вроде как против шерсти?

— Почему так говорят? “Против шерсти”? — спросил Гек.

— Сдается мне, Гек, ежли погладить кого по шерсти, собаку там али кота, то он и не разъерепенится, а вот ежли против…

— Понял.

— А с друзьями надоть помягше. Уж какие есть, такие есть.

— Джим, ты ходишь за мулами, чинишь колеса повозки и теперь вот чинишь крыльцо. Кто тебя всему этому выучил?

Я остановился, посмотрел на молоток в моей руке, перевернул его.

— Хороший вопрос, Гек.

— Так все-таки кто?

— Потребность.

— Что?

— Потреба, — поправился я. — Потреба — это когда надобно что-то сделать, иначе…

— Иначе что?

— Иначе привяжут к столбу да вздуют аль сволокут к реке и запродадут. Ну да вам об том волноваться нечего.

Гек посмотрел на небо. Задумался над услышанным.

— Красиво — глядишь в небо, а там ничего, синее. Говорят, разное синее по-разному называется. И красное и прочее. Интересно, как можно назвать синее?

— Цвета яиц дрозда, — подсказал я. — Видели яйца дрозда?

— Твоя правда, Джим. Оно как яйцо дрозда, только не в крапушку.

Я кивнул.

— Потому и не стоит обращать внимания на крапушки.

— Синее, как яйца дрозда, — повторил Гек.

Некоторое время мы сидели молча.

— Вас еще что-то глодает? — спросил я.

— По-моему, мисс Уотсон сошла с ума.

Я промолчал.

— Только и разговору, что об Иисусе, молитвах и прочем. Один Иисус Христос на уме. Сказала мне, что молитвы помогут мне поступать бескорыстно. Что это за чертовня?

— Не чертыхайтеся.

— И ты туда же. Что проку просить и не получить, чтобы что-то усвоить “о том, что значит не получить” того, о чем я ее попросил? Что это за галиматья? Все равно что молиться этой вот половице.

Я кивнул.

— Ты кивнул, потому что это галиматья или не галиматья?

— Кивнул, и все.

— Кругом одни сумасшедшие. Знаешь, что отчебучил Том Сойер?

— Расскажите.

— Заставил нас поклясться на крови, что если кто-то из нас выболтает секреты шайки, то мы убьем всю его семью. Ну разве не сумасшедший?

— А как вы клялися на крови? — полюбопытствовал я.

— Вроде как надо полоснуть по ладони ножом и пожать руку всем, которые сделали то же. Ну, чтобы кровь соединилась и перемешалась. И тогда вы братья по крови.

Я посмотрел на его ладони.

— Но мы вместо крови взяли слюну. Том Сойер сказал, что это без разницы, и как нам потом грабить банк, если у нас все руки в порезах? Один

мальчишка заныл, сказал, что все разболтает, и Том Сойер заткнул его пятачком.

— А вы сейчас разве не разболтали мне ваши секреты? — спросил я.

Гек примолк.

— Ты — другое дело.

— Потому что я раб?

— Нет, не поэтому.

— А почему тогда?

— Потому что ты мой друг.

— Эва как, спасибо, Гек.

— Но ведь ты никому не расскажешь? — он с тревогой уставился на меня. — Даже если мы пойдем и ограбим банк. Ты же не расскажешь?

— Я умею хранить секреты. И ваш секрет сохраню.

Тут к задней двери подошла мисс Уотсон и прошипела:

— Неужели ты до сих пор не починил ступеньку, Джим?

— Как не починить, мисс Уотсон, — ответил я.

— Не иначе как чудо, ведь этот мальчишка совсем тебя заболтал. Гекльберри, ступай в дом и заправь кровать.

— Все равно вечером расправлять, — сказал Гек, сунул руки в штаны и покачнулся, будто и

сам догадался, что хватил через край.

— Не заставляй меня выходить, — пригрозила мисс Уотсон.

— Увидимся, Джим. — Гек убежал в дом, обогнув мисс Уотсон, словно опасался удара.

Мисс Уотсон проводила его взглядом.

— Джим!

— Мэм?

— Говорят, Геков папенька снова в городе. — Она шагнула на крыльцо и уставилась на дорогу.

Я кивнул.

— Да, мэм.

— Ты пригляди за Геком, — попросила она.

Я не понял, что именно она от меня хочет.

— Да, мэм. — Я убрал молоток в ящик. — Мэм, а почему за ним нужен пригляд?

— Да смотри, чтобы этот сорванец, Сойер, к нему близко не подходил.

— Для чего вы мне все это говорите, миссум?

Старуха посмотрела на меня, потом на дорогу, потом на небо.

— Сама не знаю, Джим.

Я задумался над словами мисс Уотсон. Том Сойер этот Геку не угроза — так, человечек, который сидит у него на плече и нашептывает ему всякий вздор. А вот то, что вернулся его отец, уже другое

дело. Трезвый ли, пьяный, этот человек в любом состоянии избивал бедолагу Гека.

Глава 2

Тем вечером в нашей хижине я давал Лиззи и еще шестерым детям урок языка. Без этого не обойтись. Чтобы идти по жизни, не зная опасностей, нужно владеть языком, и свободно. Младшие уселись на утрамбованный земляной пол, я на один из двух наших самодельных табуретов. Дым от горевшего посередине хижины очага уходил в отверстие в крыше.

— Пап, зачем нам это учить?

— Белые привыкли, что мы разговариваем так, а не иначе, и лучше нам не обманывать их ожиданий, — пояснил я. — Если мы дадим им почувствовать их неполноценность, хуже будет лишь нам. Точнее, если мы не дадим им почувствовать их превосходство. Ну да хватит об этом, повторим-ка лучше основы.

— Не смотреть в глаза, — сказал мальчик.

— Верно, Верджил.

— Никогда не заговаривать первыми, — сказала девочка.

— Правильно, Февруари, — подтвердил я.

Лиззи посмотрела на детей, потом на меня.

— В разговорах с другими рабами никогда не

упоминать о чем бы то ни было прямо, — сказала она.

— Как мы это зовем? — спросил я.

— Намеки, — ответили дети хором.

— Отлично. — Они были довольны собой, и мне не хотелось их огорошивать. — Давайте поупражняемся в переводе на примере различных ситуаций. Для начала — крайние случаи. Вы идете по улице и вдруг замечаете, что на кухне у миссис Холидей пожар. Она стоит во дворе, спиной к дому, и ничего не видит. Как вы ей сообщите?

— Пожар, пожар, — ответила Дженьюари.

— Это прямо. Но почти правильно, — сказал я.

Самая младшая, тоненькая и высокая пятилетняя Рейчел, предположила:

— Божечки, миссум, вы ж поглядите!

— Великолепно, — сказал я. — Почему это правильно?

Лиззи подняла руку.

— Потому что мы должны оставлять за белыми право первыми замечать неприятности.

— И почему? — уточнил я.

— Потому что им нужно все знать лучше нас, — ответила Февруари. — Потому что им нужно самим все замечать.

— Хорошо, хорошо. Вы сегодня отлично соображаете. Ладно, а теперь представим, что загорелся жир. Она забыла бекон на плите. Миссис Холидей собралась заливать его водой. Что вы скажете? Рейчел?

— Миссум, от воды бундет только хужей, — подумав, ответила та.

— Разумеется, так и есть, но в чем недостаток этой фразы?

— Ты указала ей на ошибку, — вставил Верджил.

Я кивнул.

— И как лучше сказать?

Лиззи уставилась в потолок и задумчиво проговорила:

— Не угодно ли вам, чтобы я принесла песку?

— Верный подход, но ты забыла перевести.

Она кивнула.

— Ой, Божечки, миссум, мэм, али принесть толику песочку?

— Хорошо.

— “Принесть толику” трудно произнести, — подала голос Глори, старшая из детей. — “-сть — т”.

— Так и есть, — согласился я. — Но тут можно и запнуться. Это даже лучше. Аль п-п-принесть то-то-толику пе-пе-песочку, миссум Холидей?

— А если они не поймут? — спросила Лиззи.

— Ничего страшного. Пусть поскрипят мозгами, чтобы понять вас. Иногда нужно мямлить — не отказывайте им в удовольствии произнести: “Не надо мямлить”. Они обожают нас поправлять и считать дураками. И помните: чем меньше им хочется прислушиваться к нашим беседам, тем больше мы можем при них сообщить друг другу.

— Почему Бог так устроил? — спросила Рейчел. — Что они хозяева, а мы рабы?

— Детонька, Бога нет. Религия существует, а этого их Бога — нет. Их религия учит, что в конце мы получим награду. А вот про их наказание не говорит ничего. Но в их присутствии мы верим в Бога. Ой, божечки-божечки, верим-поверим. Религия — это лишь средство контроля, которое они применяют и пускают в ход, когда им удобно.

— Но что-то же наверняка есть, — заметил Верджил.

— Прости, Верджил. Пожалуй, ты прав. Пожалуй, дети, и впрямь существует некая высшая сила, но это не их белый Бог. Однако чем больше вы разглагольствуете о Боге, Христе, рае и аде, тем им приятнее.

И дети сказали хором:

— А чем им приятнее, тем нам спокойнее.

— Февруари, переведи.

— Чем им лучшей, тем нам тишей.

— Превосходно.

Гек застал меня за перетаскиванием мешков с куриным кормом из подводы в сарай на заднем дворе вдовы Дуглас. Гек над чем-то сосредоточенно размышлял, и я смекнул, что он хочет поговорить.

— Об чем задумалися?

— О молитвах, — ответил он. — Вот ты молишься?

— Да, сэр, молюся бесперечь.

— А о чем ты молишься? — спросил он.

— Да о разном. Один раз я молился, чтобы малютка Февруари поправилася от хворобы.

— И сбылось?

— Ну, поправилася же. — Я сел на подводу, поднял взгляд в небо. — А однажды я молился о дожде.

— И тогда тоже сбылось?

— Полило, а как же. Не сразу, но чуть опосля.

— Тогда откуда ты знаешь, что его послал Бог?

— А пожалуй, что и не знаю. Но рази ж не Бог все спосылает? Кто же еще послал дождь?

Гек подобрал камень, повертел его в руке, рассматривая, а потом зашвырнул им в белку,

сидевшую высоко на ветке вяза.

— Хочете знать, что я думаю?

Гек посмотрел на меня.

— Я думаю, молиться надо ради тех ваших ближних, которые хочут, чтоб вы молилися. Молитеся так, чтобы услышали мисс Уотсон и вдова Дуглас, и просите Иисуса о том, чего, как вы знаете, они хочут. И жизнь ваша станет куда как вольготнее.

— Может быть.

— И вворачивайте время от времени что-нибудь вроде новой удочки и протчего такого, чтобы вас не бранили.

Гек кивнул.

— Разумно. Джим, а ты веришь в Бога?

— А как же, верю. Если бы Бога не было, откудова бы взялася наша чудесная жизнь? Ну, бегите играйтеся.

Я проводил Гека взглядом: он скрылся за углом того здания, что стоит напротив большого дома судьи Тэтчера. Я изготовился было взвалить на плечо последний мешок зерна, как вдруг сзади ко мне подошел старина Люк.

— Ты меня напугал, — сказал я.

— Извини. — Люк подпрыгнул — росточком старик не вышел — и сел на подводу.

— Чего хотел этот маленький приставала?

— Он малец неплохой, — возразил я. — Просто хочет понять, что к чему. Наверное, как и все мы.

— Слышал, что случилось с братом этого Макинтоша в Сент-Луисе?

Я покачал головой.

— Он человек свободный. Светлокожий, как ты. Ввязался в драку в порту, явилась полиция и схватила его. Он спросил, что с ним сделают за мордобой. Один из полицейских ответил, что, скорее всего, повесят. И брат Макинтоша ему поверил. Почему бы и нет? Так вот он достал нож и прирезал обоих.

Подошел белый мужчина и отчего-то принялся рассматривать коня, впряженного в подводу. Люк замолчал. На белого мы старались не смотреть. Если уж мы разговаривали, значит, надо продолжать разговор.

— И что дальше? — спросил я Люка.

— Ну, значица, эта черномазая облизьяна нырк в проулок, что твой сатана, тут-то его и оглоушили пистолетом. Эти белые так и накинулися на него. Намылили ему холку по первое число.

Я кивнул.

— Эй! — крикнул белый.

— Сэр?

— Это лошадь мисс Уотсон?

— Нет, сэр. Подвода — та мисс Уотсон. А лошадка — от вдовы Дуглас.

— Не знаешь, она не думает ее продавать?

— Не могу знать, сэр.

— Как увидишь ее, спроси, — сказал он.

— Да, сэр, всенепременно.

Прохожий в последний раз оглядел лошадь, раздвинул ей пальцами губы и наконец ушел.

— Как думаешь, зачем такому дураку лошадь? Он же в лошадях ничего не смыслит, — сказал Люк.

— Этой кляче сто лет в обед, она и в вёдро-то еле тащит эту подводу, даже пустую.

— Любят белые покупать всякую всячину, — заметил Люк.

— Так что сталось с Макинтошем? — спросил я.

— Схватили, привязали к дубу, напихали под него хворосту и сожгли заживо. Говорят, он вопил, просил его пристрелить. Но присутствующие кричали, что пристрелят любого, кто попробует избавить его от мучений.

Меня замутило, но в целом эта история не так уж и отличалась от многих других, которые я

слышал. И все равно меня бросило в жар, я вдруг ощутил, что весь липкий от пота.

— Какая страшная смерть, — сказал я.

— А хороших смертей, пожалуй, и не бывает, — ответил Люк.

— Вот не уверен.

— Это еще почему? — удивился Люк.

— Ну то есть все мы умрем. Может, не всякая смерть так уж плоха. Может, какая из них меня и устроит.

— Чушь ты несешь.

Я засмеялся.

Люк покачал головой.

— Но и это еще не худшее. Цветные мрут каждый день, тебе ли не знать. Хуже всего, что судья заявил присяжным: это было деяние коллективное, и поэтому они не вправе выносить какие-либо вердикты. Получается, если сделали всей толпой, то это не преступление.

— Боже милостивый, — сказал я. — Рабство.

— Это ты верно подметил, — согласился Люк. — Если тебя убивают толпой, они невиновны. Угадай, какая фамилия у судьи.

Я молча ждал.

— Лоулесс[1].

— Как думаешь, мы с тобой когда-нибудь попадем в Сент-Луис или в Новый Орлеан?

— Рази токмо в раю, — ответил Люк и подмигнул мне.

Мы расхохотались и заметили чуть поодаль белого. Ничто так не раздражает белых, как смеющиеся рабы. Подозреваю, белые опасаются, что мы смеемся над ними — а может, им невыносима самая мысль о том, что нам может быть весело. Как бы то ни было, а успокоиться мы не успели и привлекли его внимание. Белый услышал наш смех и направился в нашу сторону.

— Чего это вы расхихикались как девчонки? — спросил он.

Я этого типа видел и раньше, но имени его не знал. Он напыжился, будто хотел показать, что с ним шутки плохи. Меня это несколько напугало.

— Да мы вот дивилися, правда ли это, — ответил Люк.

— Что — правда? — спросил этот тип.

— Мы дивилися, правду ли говорят, что эти, как их, улицы в Новом Орлеане из чистого золота, — пояснил Люк и посмотрел на меня.

---

[1] Примечания: 1

Lawless (англ.) — беззаконный.

— И правда ли, что в наводнение по улицам течет чистый виски. Я-то виски отродясь в рот не брал, нет, сэр, но уж больно история хороша. — Я обернулся к Люку. — Правда же, хороша?

На мгновение мне показалось, белый сейчас смекнет, что мы над ним потешаемся, но он произнес со смехом:

— История хороша, потому что хороша, парни. — И ушел, хохоча.

— И сейчас он напьется, не столько потому, что может, сколько потому, что мы не можем, — заметил я.

Люк усмехнулся.

— И когда мы позже увидим, как он шатается и дурит, будет ли это примером иронии провидческой или иронии драматической?

— Возможно, той и другой.

— Вот уж была бы ирония так ирония.

Глава 3

Весенний снег всех захватил врасплох. По приказанию мисс Уотсон я целый день колол дрова, чтобы ей хватило надолго. Но дров было немного, и ни мне, ни другим рабам она не дала ни полена. Мы подобрали, что сумели, с земли и тайком срубили несколько невысоких деревьев неподалеку от наших хижин. Эти дрова, конечно, были сырые, горели плохо, жутко дымили, но тепло худо-бедно давали. Я ухитрился спрятать несколько сухих чурбачков под крыльцо мисс Уотсон. Ночью вернусь за ними. Старым рабам — Эйприл и Коттону — они пригодятся. Может, кто-то назвал бы мой поступок кражей. Я и сам так его называл, но меня это не смущало. Я упарился за работой и снял рубаху, невзирая на холод.

— Ого, сколько дров, — сказал Гек. Я вздрогнул. — Я тебя напугал? — спросил он.

— Разве что самую малость. Вы как здесь?

— Я только что продал все, чем владею, судье Тэтчеру. Он дал мне вот этот доллар.

Я присвистнул.

— Цельный доллар. Вот не знал, что вы такой богатей.

Я продолжил колоть дрова и заметил, что Гек на меня смотрит.

— А вы почему прогуливаете уроки?

— Наверное, по привычке.

— Я бы вот поучился с моим удовольствием. — Я расколол еще два полена.

— Между прочим, твоя кожа ненамного темнее моей.

— А все ж таки темная.

— Почему ты раб?

— Потому что моя мама была рабыней.

— А твой папа? — спросил Гек.

— Да вроде нет. Ну да какая разница. Если прознают, что у тебя в родне хоть один цветной, всё, ты цветной. И неважно, какой ты с виду.

— Я видел следы на снегу, — сказал Гек.

— Сдается мне, их сейчас вдосталь. Там, где народ похаживает.

— В одном из следов на каблуке крест.

— То есть как это — крест?

— Как у Иисуса, такой крест.

— И нечего тут пужаться, — сказал я.

На мальчишку жалко было смотреть: до того он разволновался. Я понял, о чем он думает.

— Значит, ты тоже считаешь, что это он. — Гек говорил об отце. — Ты тоже считаешь, что он

вернулся.

— Я такого не говорил.

— Но ты так думаешь. Я же вижу, что ты так думаешь. Чего ему нужно, Джим? Ты ведь всякое повидал.

Я сунул руку в карман и достал волосяной шар, я держу его специально для белых детишек, я сделал его из хвоста мула.

— Знаете, что ento? — Я поднял шар повыше, к солнцу.

— Что?

— Волосяной шар из бычьего сычуга. А потому он знаете какой?

Гек помотал головой.

— Волшебный, — сказал я. — Ентот вот самый шар волшебный и говорит со мной.

— И что же он говорит?

Я поднес шар к уху.

— Да, слышу. Он говорит. Шар сказал, за вашим папашей всюду следуют два андела, белый и черный. Нашептывают ему всякое. Один андел хороший, а другой плохой, никто не знает, который одержит верх. Ему самому невдомек, что он будет делать дальше. Останется или уйдет. Ентот вот шар вроде как должен знать, да и он не знает.

— Толку-то от него.

— Обождите, вот шар опять говорит.

Гек прислушался вместе со мной.

— Как же, как же. Он говорит, все у вас образуется. Вам на пути встренутся две женщины. Вы женитеся сперва на бедной, а потом на богатой. И что бы вы ни делали, не приближайтеся к воде. Иначе речка-то вас приберет.

— Это все шар говорит?

Я кивнул.

— Он сейчас спит.

К двери подошла мисс Уотсон.

— Гек, — окликнула она, — иди в дом и умойся к ужину. — Она посмотрела на меня. — А ты все с дровами возишься?

— Их эть целая прорва, миссумс.

— Все равно перестань, у меня голова разболелась от твоей стукотни.

— Да, мэм.

Я шел домой, когда со мной поравнялся Люк.

— Помедленней, а то старику за тобой не угнаться, — сказал он.

Какое-то время мы шагали молча. Я понимал, что молчание затянулось, но разговаривать не хотелось. Я пнул камешек.

— Что тебя так беспокоит? — спросил Люк.

— Ничего, — ответил я.

— Ты переживаешь из-за дров, которые спрятал под крыльцом?

— Ты их видел?

— Видел.

— Нет, из-за дров я не переживаю.

— Ты переживаешь из-за этого мальчишки, — сказал Люк. Я посмотрел на него, и он добавил: — Из-за Гека. Из-за этого мальчишки, Гека.

— Да, отец у него пьянчуга и вечно его донимает.

— Тебе-то какая печаль? Это белых дела.

Я кивнул.

— Но Гек еще ребенок.

— Да, свободный ребенок. — Люк указал на меня. — Есть в этом мальчике что-то такое. И в нем, и в тебе.

— У него куча неприятностей, — сказал я. — Как ни печально, но я пока еще раб и ничем не могу ему помочь.

Глава 4

Погода оставалась холодной не по сезону, и я начал подворовывать дрова не только для Эйприл с Коттоном, но и для своего семейства и еще кое-кого. Я безумно тревожился, что дров хватятся, и однажды воскресным днем страх мой сбылся. Ко мне подошла Сэди.

— Что случилось? — спросил я.

Она выглянула из двери хижины, посмотрела на нашу девятилетнюю дочь, потом на меня.

— Что ты намерен делать? — спросила Сэди.

— Ты о чем?

— Я слышала, как мисс Уотсон разговаривала с судьей Тэтчером.

— Да?

Сэди шмыгнула носом.

Я обнял ее.

— Успокойся.

То, что она сообщила мне, захватило меня врасплох.

— Мисс Уотсон сказала судье Тэтчеру, что собирается продать тебя одному человеку из Нового Орлеана, — проговорила Сэди.

— Что это значит? — спросила Лиззи. — Папа,

что это значит?

Я подошел к двери, выглянул на улицу.

— Джим, — позвала меня Сэди.

— Папа!

— Она сказала, нас всех или только меня? — уточнил я.

— Только тебя, Джим, — воскликнула Сэди. — Что нам делать? Нас разлучат, и мы не узнаем, где ты.

— Что? — выдохнула Лиззи.

— Не разлучат, — сказал я, схватил большой лоскут ткани, разложил на полу.

— Что ты делаешь? — спросила Сэди.

Я положил на лоскут хлеб и сушеное мясо, завернул в узел.

— Никто меня не продаст, если меня не будет.

— Бежать нельзя, — сказала Сэди. — Ты же знаешь, что делают с беглыми.

— Я спрячусь. Я спрячусь на острове Джексона. Все подумают, что я убежал на север, а я буду тут. А потом что-нибудь придумаю.

— Так нельзя. Тебя непременно найдут. И поступят с тобой как с беглым. Может быть, тебя даже… — Она осеклась.

— Даже что? — спросила Лиззи.

— Все равно я побуду там, пока не решу, что

делать. — Я опустился на одно колено, посмотрел на Лиззи и крепко обнял ее. — Все будет хорошо. Слышишь, детонька?

Лиззи расплакалась.

Я выпрямился, поцеловал Сэди.

— Не говори никому, куда я подался. Даже Люку не говори.

— Ладно.

— Ты слышала, Лиззи? — спросил я.

— Да, папа.

Я направился к двери.

— Папа!

— Все в порядке, маленькая. — Сэди положила руку мне на плечо. Я поцеловал ее. — Я за вами вернусь.

Попрощавшись с домашними, я улизнул в лес. Наверное, глупо было пытаться скрыться среди бела дня, но я не знал, когда за мною придут. Я шагал не спеша. Бегать рабу нельзя, если, конечно, он не бежит. Никем не замеченный, я миновал задний двор вдовы Дуглас и по косогору спустился к реке. Устроился там, на подмытом берегу, и стал ждать. Днем на воду нечего и соваться. Слишком много паромов, прогулочных пароходов, рыбаков у реки. Мною владел столько же страх, сколько и злость, но что делать рабу

со злостью? Друг на друга мы можем злиться сколько угодно: все мы люди. Но истинная причина злости остается неназванной: эту злость мы вынуждены глотать, подавлять в себе. Нашу семью собрались разлучить, а меня отправить в Новый Орлеан, где я буду еще дальше от свободы и, скорее всего, никогда уже не увижу родных.

В сумерки комары сожрали меня заживо. Я стащил лежавшее на берегу бревно в ледяную мутную воду. Оттолкнулся и поплыл прямиком на другой берег, понимая, что сильное течение Миссисипи утянет меня вниз по реке. В темноте остров было толком не разглядеть, но я надеялся, что не промахну его. К счастью, по протоке между берегом и островом пароходы никогда не ходили. Но я не мог быть уверенным, что какой-нибудь белый бедняк не прошлепает мимо на каноэ или на плоту.

Наконец я увидел остров, но тут что-то уцепилось за мою ногу. Да так, что не вырваться и не стряхнуть. В речных страшилищ я не верю, а потому быстро сообразил, что угодил в чей-то перемет. Выпутаться было непросто, я даже испугался, что проплыву мимо острова, утону, или то и другое. Но все обернулось к лучшему. Когда я сорвал поводок с бечевки, то вместе с ним вытащил

трех крупных сомов, которыми мог поужинать, и хорошо, потому что мой хлеб весь размок. Да и поводок с крючками мне еще пригодится. Рассуждения эти пришлись кстати, поскольку отвлекли меня от мысли о том, что я совсем выбился из сил. Я выбрался на каменистый берег, растянулся навзничь, а рыбу положил себе на живот. Разбудил меня запах рыбы. Силы вернулись ко мне, но теперь меня била дрожь. Я замерз, но ничего не мог с этим поделать. Я стащил с себя промокшее насквозь пальто и другую одежду. Достал из кармана ножичек, выпотрошил добычу. Головы сомам я отрезал и выбросил, потому что я ими брезгую. Разводить в темноте костер я не решился. Рыбу пожарю и съем поутру. Надо было обсушиться, согреться и поспать. Я удалился в подлесок, в затишье, зарылся в опавшие листья. Мокрое пальто набросил поверх растительности и закрыл глаза. Тяжесть его хотя бы позволяла вообразить, что так теплее.

Настало утро, и я натянул чуть подсохшую, но ледяную одежду. Пальто по-прежнему было сырым, и я распластал его на кусте. Попрыгал, чтобы согреться, дожидаясь, пока солнце поднимется выше и можно будет с помощью моего стеклышка развести огонь. Вдруг послышался

шорох. Судя по звуку, его издавал человек, и я поневоле решил, что там кто-то из белых.

— Эвона, что еще там такое? Аль привидение? Не замай меня, старый черт!

— Джим? Джим, это ты?

Это был Гек.

— И нравится же вам пужать меня до смерти.

— Что ты тут делаешь? — спросил мальчишка.

— Перво-наперво замерзаю, — ответил я. — А вы-то чего позабыли на этом острове? И почему вы весь в крови?

— Я убил себя, — ответил мальчишка.

Я окинул его взглядом.

— У вас ento дело явно не задалось.

— Мисс Уотсон, этот треклятый судья и папаша считают меня покойником, а это главное. Они считают, меня убили.

— Почему они эдак считают? — спросил я.

— Я убил поросенка и выпачкал его кровью всю папашину хибарку. Устроил там беспорядок, будто драка была.

Я прикинул в уме. Гека вроде как убили, а я подался в бега. И кого теперь обвинят в этом чудовищном преступлении?

— Но ты-то что тут делаешь, Джим?

— Прячуся.

— Зачем?

— Я прячуся, потому что мисс Уотсон втемяшилося запродать меня вниз по реке. А теперь… — Я покачал головой.

— Что теперь?

— А теперь еще потому, что я вас убил. По крайней мере, так они и подумают. — Я посмотрел ему в глаза. — Вам надобно возвратиться.

— Не могу, — отвечал Гек. — Папаша меня непременно убьет.

— Пожалуй что ваша правда. — Я взглянул на видневшуюся за деревьями протоку, которую мы переплыли. — Боже помилуй.

— Что ты думаешь делать, Джим?

— Я собирался чуточку пожить здесь, на ентом вот самом острове, но теперь-то станут искать и убийцу, и труп.

— То есть как это мисс Уотсон решила продать тебя вниз по реке?

— Я ить раб, Гек. Оне могут продать меня, коли захочут. А оне явно хочут. Пришлося бежать, покудова не запродали.

— Но у тебя же семья.

— Ежли ты раб, енто ничего не значит.

Гек сел и задумался.

Взошедшее солнце пронзило листву, растопив

остатки прохлады. Я указал на сомов.

— Зато у нас есть завтрак, — сказал я. — Спички у вас найдутся?

— Нет.

— Тогда я воспользую свое волшебное стеклышко. — Я достал из кармана круглое донышко бутылки, которое нашел когда-то давным-давно.

— Волшебное?

— Волшебное, — повторил я. — Оно берет свет от солнца, перемешивает, обужает и превращает в огонь.

Я увел Гека на полянку и с помощью стеклышка поджег сухой мох, а парнишка добавил щепы. Поленце-другое — и у нас получился славный костер. У огня было приятно. Может, и зря мы его развели, но последнюю рыбу мы потрошить не стали.

— У меня есть хлеб, — сказал Гек.

— Мой размок. Зато копчушка, как я погляжу, готова. — Я посмотрел на рыбу. — Только что кожа сгорела, а так ничего.

— Папаша ест прямо с кожей.

— Гм…

Я смотрел на дымок. Вроде бы он рассеивался, не достигая вершин деревьев.

Рыба Геку понравилась.

— Как ты их наловил?

— Я их не то чтобы наловил, — пояснил я. — Я угодил в чужой перемет, а они вот они.

— Повезло, — сказал Гек.

Я кивнул.

— Как-то не верится, что мисс Уотсон решила тебя продать. Она же тебя любит.

— Надоть думать, деньги она любит больше. Очень многие больше прочего любят деньги.

— Только не я, — возразил Гек. — Я сказал судье, чтобы он забирал себе все деньги, которые я нашел.

— Енто сколько ж всего?

— Тысячи, — ответил Гек. — От денег одни беды. Как по-твоему, Джим?

— Откуда ж мне знать. У меня и денег-то никогда не водилося.

Гек кивнул.

Послышался выстрел, и мы распластались на земле. Подползли туда, где заканчиваются деревья, и увидели проплывающий мимо паром. На корме стоял судья Тэтчер с дочерью Бесси. Тетушка Тома Сойера, Полли, перегнулась через борт. Какой-то человек — я видел его впервые — заряжал пушечку для нового выстрела. Он поджег запал, и грохот вновь расколол воздух.

Ядро плюхнулось в воду.

— Джим, зачем они это делают?

— Чтобы ваше утоплое тело всплыло на поверхность.

— Вот будет умора, если и впрямь всплывет чье-то тело, — сказал я.

— Да уж курьез, — произнес я.

— Что? — Гек посмотрел на меня.

— Говорю, он принялся за дело всерьез.

— В каком смысле?

— В каком? Гляньте-ка.

Гек обернулся, и мы оба увидели, как человек на носу опустил что-то на воду. К моему облегчению, мне удалось отвлечь Гека. Впервые за всю мою жизнь я оговорился. Видимо, это указывало на то, в каком замешательстве и тревоге я пребывал.

— Чего это? — спросил Гек.

— Я так думаю, хлеб с ртутью.

— И для чего он нужен?

— Он вроде как приведет к утоплому.

— Неужели правда?

— Белые верят в такое, об чем я понятия не имею. Вечно у них на уме всякая чепушина.

— Ты хотел сказать “чертовщина”?

— Я же и говорю. — Мы проводили взглядом паром, он скрылся за излучиной. — Они как пить

дать считают, что вы померли. — И едва я это сказал, как меня вновь охватил страх. Лучше бы я в самом деле утонул в реке или ночью замерз до смерти. Ясно было одно: я должен позаботиться о том, чтобы Гек не стал тем покойником, которого они ищут. А главное — позаботиться о том, чтобы я сам не стал тем покойником, которого они ищут.

Глава 5

Мы раскинули перемет поперек небольшой заводи и ловили сомов во множестве; попадались даже и краппи. Еще мы нашли множество крыжовника и ежевики. Крыжовник был кислый, но если смешать его со смородиной и ежевикой, то совсем и не плохо. Погода исправилась, и мы зажили так хорошо, что я даже гадал, не поселиться ли здесь вместе с Сэди и Лиззи. Но тогда нам пришлось бы вести жизнь беглых, прятаться и таиться. Быть рабом само по себе штука скверная, а быть беглым рабом и того хуже. А быть беглым рабом и скрываться под самым носом у белых и вовсе невыносимо.

Впрочем, Гек, кажется, был всем доволен: ведь отцу его не достать. Мы набрели на большую пещеру у середины острова и вечерами жгли там костры, не рискуя себя обнаружить.

— Джим, — спросил как-то вечером парнишка, — как думаешь, за что папаша так меня ненавидит?

— Откудова же мне знать. Сами-то вы как думаете?

— Я думаю, ему не по нраву моя голова.

— Что?

— Ну, мои волосы. Не по нраву они ему. Вечно схватит да оттаскает меня за них, а потом как закатит плюху.

— Гм…

— Говорит, у меня, мол, вдовий мысок. А я знать не знаю, что это такое. Спросил у мисс Уотсон, она говорит, он много у кого есть. Это когда волос сужается как стрела. — Он поднял вихры со лба и показал мне. — Черт, Джим, да ведь у тебя он тоже есть. Ну-ка, приподними волосы.

— Неужто? — Я дотронулся до своих волос. — А пожалуй что так. И к чему этот вдовий мысок? К удаче?

— У меня так точно нет, — ответил Гек.

Повисло молчание, и я заметил, что Гек меня разглядывает.

— Что? — спросил я.

— Раз ты раб, должен делать все, что скажет тебе хозяин?

— Все, что скажут, — подтвердил я. — И когда скажут. Скажут они: “Прыгай”, а я: “Как высоко?” Скажут они: “Плювай”, а я: “Как далеко?”

— Как может один человек владеть другим человеком?

— Хороший вопрос, Гек.

— Смотри, что я нашел. — Гек показал мне змеиную шкуру. Он протянул ее мне, но я отодвинулся.

— Дурная примета — брать в руки змеиную шкуру, — сказал я. — А ну как змея возвратится за своей одежонкой.

— И кто теперь верит во всякую чертовщину?

— Енто не чертовщина, а просто-напросто здравый смысл.

Гек рассмеялся.

— А какие ты знаешь дурные приметы, Джим?

— Нельзя проходить под приставной лестницей. Енто я знаю. Но не верю.

— То есть ты сам бы прошел под приставной лестницей?

— Нет, сэр. Под лестницей ходить опасно, но дурного в ентом нету. Черные кошки вроде как не к добру. Белые-то ничего, а вот черные не к добру.

— А если днем увидел сову?

Я слушал его вполуха. Очень уж беспокоился за Сэди и Лиззи.

— Сову? — переспросил я. — Днем? Ах, господи, тут уж так точно жди беды. Енто значит, кто-то скоро отдаст Богу душу. — Мой ответ его явно обрадовал. — Но енто не значит, что я верю во

всякую чертовщину. Енто значит, что я кумекаю, что к чему, как я и сказал.

Гек рассмеялся.

— Одно я так знаю точно. Завтра польет как из ведра, так что лучше припрячем еды да изготовимся пережидать дождь.

— С чего ты взял, что завтра будет дождь?

— Ястребы так и кружат. Они любят охотиться перед дождем. И муравьи строют горки вокруг своих нор.

— Они-то откуда знают, что будет дождь? — спросил паренек.

— Они часть природы и погода часть природы, вот и сообщаются промежду собою.

— А люди разве не часть природы?

— Коли и так, то не лутшая ее часть. Протчая-то природа с людьми больше не сообщается. Может, время от времени и пытается, да люди ее не слушают. Как бы то ни было, а дождь потекет знатно.

Гека сморила усталость. Он уронил голову на грудь и заснул. Я вышел из пещеры и набрал много дров. Нам придется поддерживать огонь. Солнца не будет, новый не разведешь. Я не шутил про дождь. Я его чуял суставами.

Предсказание мое не только сбылось, но значи-

тельно превзошло всякие ожидания. Дождь лил не переставая, как в Библии. Наш берег почти исчез под водой. Я ухитрился вытянуть перемет, иначе б мы только его и видели. Что река разольется, не вызывало сомнений. Оставался вопрос, на сколько. Вода прибывала и прибывала и уже покрывала едва ли не весь остров Джексона. Молнии в небе вспыхивали ежесекундно. Гек боялся, что будет смерч, но я заверил его, что ветер дует хоть и по кругу, но в направлении противоположном, исключавшем такую возможность. Точнее, сказал я вот что: “Ветер кружит навыворот от торнады”. Чушь, конечно, но паренек успокоился. А потом указал мне на реку.

Я посмотрел туда. По протоке к нам приближался дом. Зрелище было пугающее. День клонится к вечеру, пасмурно, толком не разглядеть, но дом был огромный как то, чем он и был. Он зацепился за ветки деревьев, и нас с Геком одновременно осенило. Провизия. Мы вытащили каноэ Гека из пещеры к воде и погребли к дому. Грести оказалось непросто. Мы привязали лодку к дереву и сквозь разбитое окошко забрались в дом. В разрушенном доме стояла вода, всюду плавала одежда. Он так накренился, что нам пришлось исхитриться, чтобы добраться до кухонных шкафчиков. Гек

открыл один и взвизгнул, как поросенок, а нашел он — надо ж такому случиться! — не что иное, как бекон. Я повернулся и заметил между плитой и стеной сапог, потом осознал, что сапог этот надет на чью-то ногу.

— Что там? — спросил Гек.

— Берите бекон и несите его в каноэ, — сказал я.

Гек застыл, уставившись на меня.

— Делайте, что говорено!

Я наклонился, всмотрелся в лицо человека. Белый, мертвым-мертвешенек. Лицо искривленное, безобразное, мертвое. Я не сводил с него глаз, руки мои дрожали — не оттого, что он мертвый, но потому что я здесь, а он мертвый. Мертвый белый. Я разглядел его хорошенько. В каком-то смысле все белые на одно лицо, похожи между собою, как пчелы или медведи, особенно если мертвые.

— Он мертвый? — спросил Гек.

— Возвращайтеся в лодку!

— Кто это? Ты его узнал?

— Я с ним незнакомый. Идите уже. Нечего вам на ентакое смотреть.

— Я не ребенок, Джим.

— Самый что ни на есть — а теперь ходу. При-

хватите какую ни то одежонку и вылазийте за окно.

Гек принялся подбирать одежду, а я тем временем обнаружил заткнутую в угол полки десть бумаги. И еще пузырек чернил. Все это я рассовал по карманам.

Когда мы вылезали в окно и подтягивали к себе каноэ, Гек спросил, почему я так странно с ним разговаривал в доме.

— Об чем это вы? Садитеся в лодку. Ентот дом вот-вот оторвется от деревьев.

Едва мы отплыли, как дом сделал именно это и с шумом пронесся мимо нас.

— Ух ты, — сказал Гек. — Вот это да.

Дом стремительно скрылся из виду.

— Джим, он был мертвый?

— Да, мертвый.

— А кто это был?

Я ничего не ответил. Подгреб к берегу, и мы высадились на мокрую землю.

— Джим, кто это был? Я никогда раньше не видел мертвого человека.

— Я тоже его никогда не видал.

Вернувшись в пещеру, мы слушали грозу. Кажется, один раз молния ударила в дерево. Гром хорошенько встряхнул нас. Мы жевали бекон.

Не так чтобы вкусно, но чем дольше мы жевали, тем больше его становилось, так что наш голод он утолил.

— И все-таки интересно, кто это был, — заметил Гек.

— Раздумывать о мертвецах — дурная примета, — сообщил я ему. — Вы уж и так навлекли на себя несчастье, когда взяли в руки змеиную шкуру.

— Этот бекон — просто гадость, — сказал Гек.

— Да уж, — согласился я.

Но мы продолжали жевать.

— А ты слышал о том, что нельзя ставить зеркало против зеркала? — спросил Гек.

Я смотрел в его детские глаза и думал о Лиззи. Я гадал, насколько сильно она сейчас за меня боится, и досадовал, что ей страшно. Я осознал, что досадую оттого, что это чувство было слишком хорошо мне знакомо, каждый день и каждую ночь. Я засмеялся, сам не зная чему.

— Чего ты? — спросил парнишка.

Слово “ирония” я с ним использовать не мог.

— Да смешно енто, разве нет?

— Что?

— Вот жуем мы ентот поганый бекон, я, беглый, и вы, мертвец. А ить они наверняка уверены, что

я вас порешил.

— Я как-то об этом не думал, — признался Гек. — Мне и в голову не приходило, что из-за меня ты можешь попасть в беду. С чего бы тебе убивать меня?

— Ну уж енто белым неважно.

— Я не люблю белых, — сказал Гек. — Хотя я сам из них.

— Да уж похоже на то.

Возле устья пещеры вспыхнула молния, и нас снова тряхнул гром. Гроза бушевала ровно над нами. Насчет ливня я угадал, но как-то не сообразил, что, возможно, не только мы на острове решили спрятаться в сухом месте. Не глядя, потянулся за хворостом и почувствовал, как руку мою пронзила боль. Я заорал, подпрыгнул.

— Джим! — крикнул Гек.

Гремучая змея, повисшая у меня на запястье, упала в костер, но ухитрилась выползти из огня и шмыгнула прочь, под дождь.

— Она тебя укусила?

— Боюся, что да.

Я отошел к выходу из пещеры, упал на колени. Достал нож, разрезал укус, с силою отсосал кровь и сплюнул на землю. Потом залепил рану мокрой глиной.

— Возьмите-ка вон ту тряпицу да замотайте вот здесь.

— Для чего это нужно? — спросил Гек.

— Надеюся, глина вытянет яд. Затяните потуже.

— Думаешь, поможет?

— Ан поутру видно будет — хоша бы кому ни то одному.

Глава 6

Лицо мое распухло и онемело, руки и ноги не чувствовали ничего, разве что место укуса болело ужасно. Такой слабости я не припомню. Будь у меня в животе какая-то сытная пища, меня бы, пожалуй, вырвало. Голова кружилась, мир кружился — то ли от яда, то ли от беспокойства. Я лежал неподвижно, поначалу ощущал на себе встревоженный взгляд Гека, но потом провалился в горячку, как в водоворот. Я пылал в лихорадке, и меня — как ни странно — бил озноб. Я видел Сэди и Лиззи. Они стояли на небольшой деревянной пристани, брали с какой-то лодчонки овощи и складывали их в большие соломенные корзины. Потом я очутился в библиотеке судьи Тэтчера: я частенько там сиживал, когда судья был на работе или охотился на уток. Я увидел перед собой книги. Прежде я читал их украдкой, но теперь, в горячечном бреду, я читал, не боясь быть застигнутым. Всякий раз, пробираясь в библиотеку, я гадал, что белые сделают с рабом, который выучился читать. Что они сделают с рабом, который выучил читать и других рабов? Что они сделают с рабом, который знает, что

такое гипотенуза, что означает слово “ирония” и как пишется “воздаяние”? Я горел в лихорадке, то впадал в забытье, то вновь приходил в сознание, лицо Гека то явственно обозначалось, то расплывалось перед глазами.

Франсуа-Мари Аруэ де Вольтер сунул толстую палку в костер. Мне показалось, его тонкие пальцы слишком долго ее сжимали.

— Боюсь, дров больше нет, — сказал я. — Ну и пусть, у меня и так жар. Сильный жар.

Вольтер вновь протянул руку, поворошил обугленный хворост. Взглянул на свои почерневшие пальцы.

— Я такой же, как ты, — сказал он.

— Как это? — спросил я.

Он отер ладони о брюки, испачкав штанины.

— Тебе не пристало быть рабом, — со вздохом продолжил Вольтер, уселся подле меня, хотел было потрогать мне лоб тыльной стороной ладони, но передумал. — Я, как и Монтескье, считаю, что все мы равны, независимо от языка, обычаев и цвета кожи.

— Правда? — спросил я.

— Однако тебе надлежит сознавать, что климат и география в значительной степени определяют развитие человека. Дело не в том, что ваши

черты обрекают вас на неравенство, дело в том, что они суть признаки различий биологических, факторы, которые помогли вам выжить в жарких пустынных странах. Эти-то факторы не дают вам достичь более совершенного человеческого облика, бытующего в Европе.

— Неужели?

— Разумеется, африканца можно запросто обучить всем европейским премудростям. Он способен добиться большего, чем положено по рождению, овладеть всеми науками и манерами, которые наделят его равенством.

— Да?

— В этом и заключается самая суть равенства, Джим. В *способности* стать равным. Подобно тому, как чернокожий с острова Мартиника может выучить французский и так соделаться французом, он также способен овладеть навыками равенства и стать равным. Ну да я повторяюсь.

— Я вас ненавижу, — произнес я в жару и ознобе. — Вам, несомненно, известно, что меня укусила змея. А теперь в этом бреду мне являетесь вы.

— В общем, да, однако все люди равны. Вот что я имею в виду. Но ты и сам должен согласиться, что в вас, африканцах, сидит — как бы это сказать

— диавол. — Вольтер подвинулся ближе к костру, протянул руки к пламени.

— То есть вы утверждаете, что мы равные, но при этом низшие, — произнес я.

— В твоем тоне мне слышится осуждение, — сказал он. — Поверь, мой друг, я на твоей стороне. Я против института рабства как такового. Рабства любого рода. Я, знаешь ли, в высшей степени аболиционист.

— Спасибо.

— Не стоит.

— Вы не верите, что человек от природы зол? — уточнил я.

— Не верю. Кабы так, люди убивали бы, едва научившись ходить.

— Тогда как вы объясните рабство? Почему мой народ закабален, почему над ним измываются?

Вольтер пожал плечами.

— Осмелюсь предположить, — продолжал я, — у вас, как и у Рейналя[2], существует понятие свободы естественной, каковой мы располагаем по праву рождения. Но стоит этой свободе попасть под гнет общества или культуры, как она обращается в свободу гражданскую, а таковая

[2] Примечания: 2

Гийом Тома Франсуа Рейналь (1713–1796) — французский историк и социолог, представитель Просвещения.

зависит от иерархии и обстоятельств. Я угадал?

Вольтер что-то царапал на бумаге.

— Неплохо, неплохо. Повтори, сделай милость.

— Джим? Джим?

Это был Гек.

— Гекльберри?

— Что с тобой?

Паренек обозначился перед моими глазами.

— Жар вроде спал. — Я посмотрел в сторону выхода из пещеры и увидел дневной свет. — Я пожалуй что сдюжу.

— Ты во сне говорил странное.

— Правда?

Гек кивнул. И уставился на меня с подозрением.

— И чего я говорил?

— Кто такой Рейналь?

Я смутно припомнил сон, гадая, сильно ли разболтался.

— Один раб, мой старый знакомый.

— А что такое “иерархия”?

— Что? — переспросил я. — Нету такого слова.

— Ты сам его сказал. И много других слов. Ты так говорил, будто это не ты. Джим, в тебя вселился дьявол?

— Господи Боже. А все могет быть. То-то была

бы потеха. Та змея дьявол и есть. Надеюсь, она не напустила мне в кровь чертенят. — Я нащупал круглое стеклышко и показал его Геку. — Мое счастливое стеклышко меня защитит.

Я все еще был слаб и надеялся, что Гек отвлечется на стеклышко и избавит меня от расспросов.

— Ох и странные вещи ты говорил.

— Что-то меня опять пробирает озноб.

По правде сказать, так и было.

— На, попей воды. — Гек протянул мне старую жестянку, из которой мы пили воду.

— Спасибочки.

— Пойду посмотрю, может, не всю ежевику побило грозой.

— Подите, подите. А я еще подремлю. Да смотрите, берегитеся змей.

Парнишка скрылся в ярком свете за пределами пещеры, и я снова почувствовал, до чего же мне плохо. Я уже догадывался, что не умру, но не понимал, радоваться или нет. Голова кружилась, все болело. Мною владела дурнота, жар никак не спадал. Я попытался встать на ноги, но члены мои онемели и не желали слушаться. По правде сказать, я боялся, что я усну, а Гек возвратится и услышит мои мысли, не просеянные сквозь рабское сито. Еще пуще меня страшили дальнейшие

бесплодные разглагольствования с Вольтером, Руссо и Локком о рабстве, расах и — подумать только — об альбинизме. До чего странная штука мир, до чего странная штука существование, если равному должно отстаивать свое равенство, если равному должно занимать такое положение, которое позволяет заявить об этом во всеуслышание, если нельзя заявить об этом попросту от себя и если предпосылкам такового заявления до́лжно быть рассмотренным теми из равных, кто с ними не согласен.

Меня снова пробрал озноб, и я подумал, что умираю. Я пролежал час-другой весь в поту, пока не вернулся Гек.

— Джим, как ты себя чувствуешь?

— Получше.

— Я набрал ежевики: кое-что уцелело. — Он развернул тряпицу и показал мне ягоды. — И перемет растянул, так что вечером должна быть рыба.

— Сильно нас затопило? Вода уже убываеть?

— Пока не видать, — ответил парнишка. — До земли нам теперь далеко.

— Если шибко текеть, сомы могут и не спойматься.

— А ты выглядишь чуть получше, — заметил

Гек, поворошил костер и подбросил хвороста, чтобы огонь разгорелся.

Глава 7

Я проболел день-другой. Наконец лихорадка пошла на убыль, и ко мне постепенно вернулся аппетит. Что само по себе удивительно, учитывая, что, кроме рыбы и ягод, другой еды у нас не было. В конце концов я отважился выйти и расставить силки на кроликов.

Мы изловили кролика и устроили истинный пир — так нам казалось.

— Я рад, что ты не помер, — сказал Гек.

— Я и сам ентому оченно рад. — Я глядел в огонь. — Смерть, она всю потеху портит.

— Чего ты, Джим?

— За семью свою беспокоюся, — сказал я. — А они наверняка беспокоются за меня. Сходили бы вы, посмотрели, все ли у них хорошо.

— Нельзя мне туда. Я же вроде как умер.

— Лучше б вы были живы, — сказал я. Взгляд мой упал на вещи, которые Гек в спешке забрал из того плавучего дома. — Вот разве что вы надели бы ентo платье да притворилися девочкой?

— Не похож я на девочку.

— В ентом платье вы за нее сойдете. Ежли еще

завяжете волосы взади, как у белых девчонок.

— Нет.

— Мне надобно знать, что там с моей семьей.

— Да и мне неплохо бы выяснить, что происходит в городе. Какое мне выбрать имя? Девчачье.

— Чего-нибудь простое, — посоветовал я.

— Может, Мэри?

— Хорошее имечко.

— А фамилия? Может, “Магилликадди”?

— Вы ее смогете написать?

Гек понурился.

— Нет.

— Чего-нибудь простое, — повторил я.

— “Уильямс”?

— В точку.

Гек переоделся в платье. С его милым детским личиком, если не присматриваться, Гека можно было принять за девочку. Но если как следует приглядеться, сразу видно, что он мальчишка. Осанка не та.

— Как я выгляжу? — спросил он.

— Станьте прямо, не горбитеся, как ведмедь.

— Вот так?

Я кивнул.

— Божечки, ну и жара тут, я вам доложу, — пропищал он фальцетом, который, по правде сказать,

был ниже обычного его голоса.

— Вы же девочка, а не старуха.

— Да не получится у меня, — сказал Гек.

— Еще как получится.

Невзирая на слабость, я помог Геку оттащить каноэ из пещеры к реке. Вода существенно убыла, но тот берег явно обрел новые очертания. Из-за этого нам было трудно решить, где именно Геку лучше причалить. Мы попробовали угадать, но, когда Гек отплыл, стало ясно, что вряд ли ему удастся причалить сколько-нибудь поблизости от выбранного нами места. Я проводил его взглядом и поплелся обратно в пещеру, к костру.

Впервые в жизни у меня была бумага и чернила. Я не помнил себя от волнения. Я отыскал прямую палочку, заострил с одного конца и сбоку вырезал желобок. Положил на колени бумагу, окунул палочку в чернила и написал алфавит. Печатными буквами, которые видел в книгах, медленно и неуклюже. Потом написал свои первые слова. Я хотел быть уверенным, что они точно мои, а не вычитанные в книгах в библиотеке судьи Тэтчера. Вот что я написал:

Меня зовут Джим. Имя мне еще предстоит выбрать.

В религиозных проповедях моих белых поработителей я жертва проклятия Хама. Белые так называемые хозяева нипочем не признают собственной жадности и жестокости, но обращаются к тому лживому доминиканцу[3] *за религиозными оправданиями. Но я не допущу, чтобы меня обусловило это обстоятельство. Я не допущу, чтобы мой разум и меня самого заглушили страх и гнев. Разумеется, я буду гневаться. Однако меня интересует, имеют ли эти знаки, которые я вывожу на бумаге, хоть какой-нибудь смысл. И если имеют, значит, жизнь тоже имеет смысл и смысл имею я сам.*

---

[3] Примечания: 3

Очевидно, речь о Бартоломе де лас Касасе (1484–1566), испанском священнике-доминиканце, историке Нового Света.

Глава 8

Я был немало доволен тем, что отправил Гекльберри в экспедицию на другой берег. Радость моя оттого, что удалось его выпроводить, объяснялась тремя вещами. Если затея провалится и Гека раскроют, то, скорее всего, его обвинят в том, что он помог мне бежать, а значит, и не подумают, что я сам пустился в бега. Еще с меня, вероятно, снимут подозрения в убийстве или похищении Гека: то и другое карается пыткой и смертью. И, наконец, если Гек останется незамеченным и сумеет вернуться на остров, он доставит мне столь желанные и необходимые известия о состоянии моего семейства.

Я с восторгом смотрел, как он, напрягая все силы своего детского тельца, гребет против течения. Когда Гек высадился на берег, утренний туман почти рассеялся. Гек привязал лодку к дереву — я видел его с трудом — и прикрыл ветками. Вскарабкался в своем платье по косогору и исчез. А я вернулся в пещеру, поел сушеной рыбы и задремал, уже без сновидений.

Я по опыту знал, что змеиный укус едва ли меня

убьет. Меня главным образом беспокоило место укуса — рана, не яд. Две дырочки затянулись, отека не наблюдалось. От облегчения я спал спокойно. Меня немного тревожило, что я столько сплю, но мне становилось все лучше и лучше. Каждый раз, пробуждаясь, я чувствовал прилив сил. Я настолько окреп, что мной овладело нетерпение. Я собирал хворост, поддерживал костер. Снял с перемета сомов, часть съел, часть повесил коптиться над дымом. Я решил, что на время спрячусь в глуши, с Геком или без Гека. На второй день я разнервничался, насторожился. Притащил еще веток, чтобы скрыть вход в пещеру, и оборудовал себе место для наблюдения за происходящим. Я, правда, и сам не знал, как поступлю, если кого-то замечу. Каноэ забрал парнишка, и я несколько часов подряд связывал ветки в подобие плота. Настоящий-то плот мастерят подле воды, но так рисковать я не мог.

Я подумывал рассказать Гекльберри, что тот покойник, которого я видел в плавучем доме, был его папаша. Наверное, если бы Гек об этом узнал, то снова мог бы жить, ничего не боясь, в доме у мисс Уотсон. По правде сказать, я сам не знал, почему умолчал об этом. Наверное, я решил, что, как бы Гек ни боялся отца, как бы ни

ненавидел, узнай он, что тот мертв, наверняка огорчился бы. Я эгоистично предположил, что горе Гека непременно скажется и на мне, и даже на миг устыдился этой своей мысли. Но ведь я уже несколько дней скрывал от него правду: вполне возможно, что Гек на меня рассердится. И тогда выдаст меня, и меня поймают.

На третий день в сумерках я заметил столб дыма на другом краю острова. Это зрелище меня встревожило. Возможно, то были охотники или рыбаки, хотя вряд ли на острове водится какая-то дичь. Правда, я видел диких свиней, но их полно и на том берегу. Лично я видел лишь птиц, змей, белок и кроликов. Я напрягся и стал думать, куда мне бежать, если я кого-то увижу — или, точнее, если увидят меня. Тут я услышал, как сухая листва хрустит под чьими-то ногами, и едва не бросился туда, куда и рассчитывал, как вдруг услышал за деревьями голос Гека.

— Джим, — окликнул он, правда, не очень громко.

— Туточки, — ответил я.

— Нам надо бежать, — произнес Гек.

— Знаю. — Я указал на дым.

— Это я развел там огонь. Мне показалось, за мною гонятся какие-то люди, вот я и устроил

костер, чтобы отвлечь их, пока мы уходим.

— Ento вы правильно сообразили, — похвалил я.

— Я привязал каноэ у южного края острова.

— Они точно гналися за вами?

— Они плыли за мной: больше я ничего не знаю. Я так думаю, они преследовали меня. Но я не уверен.

— Тогда, по моему разумению, нам надо бегти. Рисковать мы не могем.

Я собрал наши припасы, а Гек тем временем скинул платье и надел штаны и рубашку. Мне хотелось услышать его рассказ, но приходилось ждать.

Мы пересекли остров посередине, под прикрытием деревьев. Местами еще сохранялся паводок, и мы брели по колено в мутной воде. Я не сомневался, что потом нам придется снимать друг с друга пиявок. Гек со своими короткими ножками высоко задирал колени и шлепал по воде, поднимая брызги. Я рассчитывал, что его шум отпугнет мокасиновых змей. Больше надеялся, чем рассчитывал. Заслышав голоса, разносящиеся по лесу, мы застыли на месте. Еду и скудные наши пожитки мы держали над головой.

— Не бултыхайте вы так.

— И то правда.

— Вы знаете, кто ento?

— Нет, Джим. Я даже не знаю, гонятся ли они за нами.

— Мне вовсе не хочется ento выяснять.

Мы нашли каноэ и столкнули на воду. Нас трясло, потому что мы не сели в лодку, а оставались в воде, чтобы нас не заметили. Вскоре течение унесло нас прочь.

Глава 9

Мы забрались в каноэ и улеглись на дно. Я спросил парнишку, как он себя чувствует, и он ответил, что замерз. Я сказал ему раздеться и завернуться в тряпицу, куда я сложил нашу сушеную рыбу. Я снял рубашку и выжал, насколько хватило сил.

— Видели вы мою се́мью?

— Издали, — сказал Гек. — Вроде все у них хорошо. Вроде они печальные.

— Что еще вы увидали? Что вызнали?

Рассказ позволил парнишке отвлечься от холода и грустных мыслей.

— Первым делом я высадился на бережку возле дома Стинсонов, ну, где забор порос виноградом.

— Да, знаю енто место.

— И в той хижине была женщина. Уж не знаю, из Стинсонов или нет. Высокая, почти как ты. По правде сказать, очень похожая на мужчину. Ручищи такие огромные. Я, верно, вымок и перепачкался, потому что она позвала меня в дом. Называла меня девочкой. Представляешь?

— Неужто?

— Но вроде не шибко поверила. Все таращилась

на меня. А поболтать она любит, вот и сообщила мне, что моего убийцу ищут. Она не сказала “твоего убийцу”, она сказала “убийцу Гека”. Сказала, сперва обвинили папашу и хотели его повесить.

— Но не повесили, — заметил я.

— Нет. Откуда ты знаешь?

— Угадал.

— Она сказала, потом все решили, что меня убил ты.

У меня екнуло сердце.

— Сдается мне, она все-таки догадалась, что разговаривает со мной. Ну, в общем, все решили, что это сделал папаша Финн. Наверное, потому что он убежал из города и никто его больше не видел. За его голову назначили награду в двести долларов.

Гек примолк.

— Что?

— А за тебя назначили триста.

Я промолчал.

— Я пробрался в город, хотел отыскать Тома Сойера. Думал, вдруг он нам поможет. Но всех детей заперли по домам из-за того, что по округе рыщет убийца. По крайней мере, я так понял.

— Слыхали вы чьих-нибудь разговоров?

— Я слышал, как судья Тэтчер разговаривал с

каким-то типом, но они говорили то, что я уже слышал от этой женщины.

— Вы не поговорили с никем из рабов?

Он покачал головой.

— Одну ночь я провел в сарае мисс Уотсон. Прокрался на кухню, взял нам свечей и спичек. И сыру, но я его потерял. А потом я не мог отыскать каноэ. Я схоронился в амбаре у той женщины, но, по-моему, она догадалась, что я там. А когда я отыскал каноэ и отчалил, заметил, что меня преследуют какие-то люди. То есть это я так решил, что они меня преследуют.

— Как там моя жена?

— Грустная, я же сказал.

— А доченька?

— Грустная.

Я лег на спину, уставился в небо — его не было видно — и задумался обо всем, что услышал от Гека. Я дал себе слово, что непременно вернусь за своею семьей.

Мы доплыли до берега и укрылись в лесу. Наутро позавтракали припасами. Ягодами и рыбой. Копчушки и булочки, которые стянул Гек, мы оставили на потом. Поглядывая на проплывавшие мимо лодки, мы смастерили немудрящий плот с навесом и привязали к каноэ.

— Плыть будем ночью, — сказал я Геку. — А днем можем рыбалить, есть, ну и вообще отдыхать.

— Так будет правильно, — согласился Гек и перевернул рыбу, которую держал на прутике над огнем. — Можно тебя спросить?

— Валяйте.

— Как ты думаешь, почему папаша меня ненавидит?

— Ненавидит — енто сильно сказано, — ответил я.

— Ну а ты как бы сказал?

— Ан пожалуй что так.

— Он и тебя ненавидит, — добавил Гек.

— Ненавидит, а как же. Я ить раб.

— Но почему он ненавидит тебя за то, что ты раб?

— Уж так повелося на белом свете.

— Не-а, он тебя ненавидит отдельно.

Я кивнул.

Наступили сумерки, и, поскольку вдобавок стоял туман, мы решили, что можно смело пускаться в путь. Миссисипи проворней, чем кажется. И потому опаснее. Пока шлепаешь по какой-нибудь заводи или рукаву, думаешь, она тихая, но стоит выбраться на стремнину — а там все

совсем иначе. Из-за недавнего наводнения мы вынуждены были отплыть подальше от берега, иначе запутались бы в кустах или наткнулись бы на корягу. Нам пришлось попотеть. С пароходов нас было не разглядеть, да и вряд ли они отвернули бы, чтобы избежать столкновения с нами. И хоть шума от них было много, но в тумане мы их зачастую даже не видели, пока они не окажутся слишком близко. Нас так и швыряло на их волнах — в основном потому, что плот наш кренился под тяжестью навеса. Мы то и дело вычерпывали воду двумя жестянками: ничего другого у нас не было. Адская работенка.

Туман рассеялся, и вдали мы увидели фонари пароходов. Мы увидели остров Формил. Казалось, он тянется бесконечно, и я вдруг осознал, как далеко от меня моя семья. А потом Гек вскрикнул, я обернулся и увидел, что на нас надвигается огромный пароход. У него, наверное, отказали двигатели, потому что шел он бесшумно. Мы что было сил погребли к берегу. Я чувствовал, как нас относит течением.

— Шибче, Гек! Поднажмите!

— Я стараюсь! — крикнул он.

Мы опасно приблизились к пароходу, но потом он будто бы передумал, смилостивился над нами,

и нам удалось вернуться на прежний курс. Я посмотрел на Гека: он тоже догадывался, что сейчас будет. Волна. Мы вцепились в наш плотик — не столько ради того, чтобы он не перевернулся, сколько чтобы не дать ему развалиться. Волна ударила в плот, стена воды. Мы лишились части навеса и промокли до нитки. Качало нас немилосердно. Одной рукой мы держались за плот, другой лихорадочно вычерпывали воду.

— Ты веришь в Иисуса? — заорал Гек.

— А как же, — ответил я. — Но, может, лучше вы сами попросите Его о помощи? Когда просют рабы, он не больно-то их и слушает.

Пароход прошел, а мы все вычерпывали воду. Качало нас уже меньше.

— Так вы помолилися Богу? — спросил я.

— Не успел, — ответил Гек. — Ну и ладно, мы и так справились.

— Да уж пожалуй.

Глава 10

Несколько дней мы плыли вниз по реке. Миновали Сэйвертон, но толком его не видели. Путешествовали мы главным образом ночью, а днем добывали себе пропитание. Раз-другой забросили перемет, но Гек едва не втащил в лодку мокасиновую змею, и мы оставили это дело. Река разделилась, сузилась, и мы решили, что можно сколько-то плыть и днем. Но вскоре мы отказались от этой мысли. Мы вернулись в широкий канал и однажды заметили, что с палубы пароходика на нас указывают мужчины. От испуга мы вновь решили придерживаться темноты.

Как-то вечером у костра Гек сказал:

— Почему ты не попросил меня просто перевезти тебя на другой берег? В Иллинойсе ты стал бы свободным человеком.

Я думал об этом, но мне отчего-то казалось, что так я буду дальше от своей семьи. Рабство не признает воображаемых границ. Мне нужны были деньги.

— Мне такое на ум впохаживало, Гек. Но мы ить с вами друзья. Статочное ли дело вас одного бросить.

И я не шутил. Гек еще ребенок.

Гек кивнул.

— А ты знаешь, куда мы направляемся? — спросил парнишка.

— Об том я понятия не имею. Но куда-нито приплывем.

С наступлением темноты мы отправились в путь. Час спустя налетела гроза, река швыряла нас, как игрушку. К югу вспыхивали молнии, но явно приближались к нам.

— Чего делать будем? — спросил я.

— Не знаю.

— При молонье на воде оставаться опасно.

— Смотри! — указал Гек.

Впереди на мели сидел пароход. Он накренился на добрые сорок пять градусов. Гек погреб к пароходу, я же, наоборот, орудовал веслом, как рулем, направляя плот в другую сторону.

— Что ты делаешь, Джим?

— Не надо бы нам туда соваться.

— Еще как надо. Вдруг мы там что найдем? Может, даже сокровища. Золото, серебро, бриллианты и все такое. Может, мы даже найдем лампу с джинном.

— Да ежели у раба вдруг заведется золото, оно сгубит его в два счета, как по-вашему? И едва

ли джинн согласится исполнить хоть одно его желание.

— Может быть, там еда, банки с фасолью и прочим. И бекон.

В этом уже был смысл, но я покачал головой.

— Ну а я все равно залезу на борт.

Я сдался, и мы погребли к пароходу. Приблизившись, мы увидели, что пароход не совсем сидит на мели, а привязан к большому дереву. Гек привязал наш плот к кустам на берегу.

Я остановился возле кормы парохода, у неподвижного гребного колеса. Одна сломанная спица смотрела в небо, другая на дальний берег. На корме виднелось название парохода.

— Чего там написано? — спросил я.

— “Вальтер Скотт”, — сказал Гек.

— Интересно, кто енто.

— Как кто, пароход.

— А…

— Ты не полезешь со мною? — спросил Гек.

— Я вас туточки обожду. Посторожу.

— Правильно, — одобрил Гек. — Свистни, если заметишь опасность или если кто-то появится.

Гек взобрался на скользкую палубу, я проводил его взглядом. И нырнул под накренившийся борт, чтобы спастись от дождя.

Из-за ветра мое укрытие толком не укрывало. Я вымок до нитки. Пытался думать, но не получалось. А потом с палубы кубарем скатился Гек и спрыгнул в воду. Его трясло.

— Сматываемся отсюда, — сказал он. — Сматываемся как можно скорее. Бежим.

— Что случилося? В чем дело? — спросил я, когда мы шагали к нашему привязанному плоту.

Но ответить Гек не успел: мы увидели, что плот отвязался и течение отнесло его далеко.

— Наверное, я плохо затянул узел, — сказал Гек. — Прячемся. Нам надо спрятаться.

— Но почему?

— На пароходе шайка грабителей. Они делили добычу, и один из них сказал, что другого придется убить. Я того не видал. И где он, не знаю.

— А ить я говорил, не ходите туда. — Я покачал головой. — Ну да уж теперь ничего не изменишь.

С “Вальтера Скотта” донеслись низкие голоса. Я утянул Гека в кусты. Мы увидели, как мужчины грузят поживу в ялик. Тут накатила большая волна, приподняла “Вальтера Скотта” и с грохотом опустила. Полыхнула молния, нас сотряс гром. Надвигалась гроза.

Мужчины скрылись на пароходе. Я сообразил, что нам надо сматываться. Плот наш унесло. Я

посмотрел на Гека и понял, что мы думаем об одном и том же. Прячась за кустами, мы подобрались ближе и бросились к лодке грабителей. Я развязал веревку, течение подхватило нас и стремительно понесло. Вновь накатила большая волна и разбилась о пароход. Грабители выбежали на палубу. Мы их не видели, но слышали крики и ругань. Я приналег на весла — правда, главным образом для того, чтобы мы не перевернулись, но и это стоило мне немалых усилий.

Небо разгладилось, гроза полыхала к северу от нас, раскаты грома были едва слышны. Я направил наш ялик к берегу — не потому, что светало, а потому что я устал. Мы спрятали лодку за деревьями и растянулись на земле. Мы промокли насквозь, но дождя не было.

Едва рассвело, мы принялись изучать поживу грабителей, как окрестил ее Гек. Он был в восторге от пережитого приключения. Я радовался, даже, сказать по правде, завидовал таким чувствам, вдобавок лишенным страха, что тебя повесят или чего похуже.

Выяснилось, что провизия грабителей не интересовала, поскольку еды в их мешках не нашлось. А были там драгоценности, одежда, сигары. И книги. При виде книг я с трудом скрыл восторг. О

денежной ценности этих книг я понятия не имел, но ценность интеллектуальная была для меня очевидна с первого взгляда.

Были здесь, среди прочего, Вольтеров “Кандид” и “Трактат о терпимости” и “Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми” Руссо. Все эти книги я видел на полках у судьи Тэтчера и очень хотел прочесть. Была здесь и Библия, и книга о выездке лошадей. И тоненькая брошюрка. Я взял ее в руки, рассмотрел потрепанную, цвета слоновой кости обложку. “Повествование о жизни и приключениях Венчера, уроженца Африки, однако же обитавшего более шестидесяти лет в Соединенных Штатах Америки”. На ощупь мягкая, будто ее брали потными руками. “Изложенное им самим”, читалось на обложке. *Изложенное*.

— Может быть, драгоценности удастся продать, — сказал Гек.

Я кивнул.

— Зачем ты взял эти книги? — спросил Гек.

— Их приятно держать в руках, — ответил я.

— Вот умора. Разве книга может быть приятной? — Он схватил Руссо, перелистал страницы. — Тут даже картинок нету.

— Мне по нраву их тяга, — добавил я.

Гек смерил меня долгим взглядом.

— Я все-таки не понимаю негров, — произнес он.

В его устах это слово отчего-то звучало дико. Он, наверное, тоже это заметил, поскольку между нами повисло неловкое молчание.

— Может, я по этим книжицам выучуся читать, — сказал я.

— Наверняка для начала найдется что-то получше. — Гек заметил, что Библию я отложил в сторонку. — А эта тебе не нужна? Библия?

Я смутился.

— Нет, — ответил я. — Можно я эти оставлю себе?

— Мне они так уж точно без надобности.

Я спрятал книги в мешок, в котором мы их нашли.

— Ты для меня загадка, Джим, как есть загадка.

— Пожалуй что так, Гек.

— Сначала ты отказываешься ехать в Иллинойс, где можешь стать свободным, потом берешь себе книги, потому что они приятные. Честное слово, не понимаю.

Глава 11

— Очень я обожаю эту историю про джинна, — сказал Гек. — Подумать только, в лампе кто-то живет.

— В лампе?

— Да, но внутри не масло, а человек.

— Поди, маленький, — сказал я.

Гек покачал головой.

— Да нет, думаю, не маленький. Я слышал, он выходит оттуда дымом и появляется себе.

— Откудова вы енто знаете?

— Том Сойер рассказывал, — ответил Гек.

— Вот оно че, — произнес я.

— В смысле?

— Том Сойер хоть раз вам рассказывал правду? Помните, как он рассказал вам про золото и про радугу?

— В общем, джинн выходит из лампы и дает тебе три желания. Все что захочешь. Только попроси. Но всего три.

— А можно попросить больше желаниев?

— Я вот об том же спросил, но вроде бы так нельзя, только три. Ты бы чего пожелал?

Подобные разговоры, как правило, утомля-

ют, но я и сам частенько размышлял о таких вещах и, как в том рассказе, который я прочитал в библиотеке судьи, осознавал: все, что мне представляется благом, может повлечь за собой дурные последствия. Например, вечная жизнь означает, что все, кого вы любили, умрут. Вопрос, который я обдумывал — но Геку я в этом, конечно, признаться не мог, — заключался в том, чего попросил бы Кьеркегор.

— Не знаю. Я, наверное, так испужался бы, что ничего и не попросил.

— А ты подумай.

— Джинн, он ить, наверное, белый. Что проку желать того, чему все равно не бывать. Хоть хорошего, хоть нет.

Гек задумался над моими словами, потом посмотрел на небо.

— А я скажу тебе, чего бы я попросил. Во-первых, я попросил бы какое-нибудь приключение. — Он широко улыбнулся. И взглянул на меня. — А потом попросил бы, чтобы ты был свободным, как я.

— Спасибо.

— А как иначе. Да я бы его попросил, чтобы вообще все рабы стали свободными.

Я кивнул.

— Разве не у каждого человека есть право на свободу? — спросил Гек.

— Прав вообще не бывает, — ответил я.

— Чего?

— Ничего.

Гек посмотрел на мешок.

— Уж не знаю, на что тебе сдались эти тяжелые книги, ну да ладно. Если нам вдруг подвернется настоящее сокровище, мы их выбросим.

— Ентo чисто лампа с джинном, — сказал я.

— Да, сэр, — согласился Гек.

Мы замолчали. Улеглись на мокрый ковер из листьев. Я заметил, что Гека сморила усталость. Вскоре он уже негромко похрапывал. Я смотрел на небо сквозь сень кроны платана. Мне всегда нравилось, как его кора изгибается и облетает.

Очень хотелось читать. Гек спал, но вдруг он проснется и увидит меня за книгой? Так рисковать я не мог. А потом подумал: “Как он узнает, что я и правда читаю?” Я просто скажу ему, что бездумно таращился на слова и на буквы, размышлял, что они означают. Где ему догадаться? В эту минуту сила чтения представилась мне ясно и живо. Если только я вижу слова, значит, никто не сможет контролировать ни их, ни то, что я из них извлек. Никто даже и не узнает, разглядываю

я слова или читаю их, пытаюсь их постичь или полностью осознаю. Это занятие глубоко личное и абсолютно свободное, а следовательно, абсолютно бунтарское.

Я придвинул к себе мешок книг, сунул в него руку, коснулся какой-то обложки. И задержал на ней руку, точно какой-нибудь волокита. Пухленький томик, за который я ухватился, оказался романом. Я никогда не читал романов, хотя и знал, что такое художественная литература. Если на то пошло, она не очень и отличается от религии или истории. Я выудил книгу из мешка. Взглянул на Гека, спит ли, и открыл роман. Страницы его издавали восхитительный запах.

В Вестфалии, в замке барона Тундер-ден-Тронка…[4]

И меня унесло куда-то. Я был не на том и не на этом берегу треклятой реки. Я был не на Миссисипи. Я был не в Миссури.

---

[4] Примечания: 4
Вольтер “Кандид, или оптимизм”. Перевод Ф. Сологуба.

Глава 12

К вечеру того дня мы с удивлением обнаружили наш плот и каноэ в кустах чуть поодаль от того места, где причалили накануне.

— Повезло, — заметил Гек.

— Пересядемте-ка лучше в нашу лодку, — сказал я.

— Зачем?

— Ну, во-первых, она не краденая. Наше каноэ никто не будет искать.

— И то правда.

Гек взглянул на мой мешок.

— Пойдемте, — сказал я.

— По-моему, мы приближаемся к Огайо.

— Все могет быть.

Отплыли мы уже в сумерках, я в каноэ, Гек на плоту. Мы были сухие, и это было прекрасно. Тумана в ту ночь не было, облаков всего ничего. Над нами висели звезды.

— Смотрите какие звезды, — сказал я.

— Ага, — откликнулся Гек и спросил с любопытством: — Как думаешь, человеку под силу их все сосчитать?

— Мне так уж точно нет.

— У меня к тебе вопрос, Джим.

— Какой?

— У тебя ведь нету фамилии, да?

— Енто и есть ваш вопрос?

— Нет, — ответил Гек. — Вопрос у меня такой: если бы ты мог выбрать себе фамилию, какую бы взял?

— Хороший вопрос. Могете, когда хочете.

— Как вообще рабу взять себе фамилию, если ее у него нету?

— Я так думаю, выбрать, и вся недолга.

— Наверняка это труднее. Иначе бы люди каждый день назывались по-разному.

— Как знать, может, они и называются, — заметил я. — Я слыхал, индейцам дают имена лишь когда люди хоть что-то о них узнают. Навроде “Проворный олень”, “Желтая рука”, “Быстрая стрела” или “Убегающий от медведя”.

— Это всё настоящие имена?

— Я их выдумал только что.

— А мне нравится. Я назвался бы “Ястребиный глаз”. А ты, Джим?

Я разглядывал небо, заметил падающую звезду.

— Голайтли, — произнес я.

— Что?

— Я б так назвался. Голайтли.

— Джим Голайтли, — повторил Гек. — Красиво.

— Джеймс Голайтли.

Я вел нас вниз по реке. Гек, дрожа, уснул на плоту. Я было задремал, но меня разбудил дикий шум пирушки на пароходе. Я посмотрел на освещенную палубу, кишащую людьми. Они меня не только не видели, но и не могли видеть. По какой-то причине эта мысль показалась мне забавной, и я захихикал, но спохватился и замолчал. Мой смех не разбудил Гека. Потому что его и не было. Наш плот и каноэ каким-то образом расцепились. Меня охватил испуг: вдруг плот не годится для плавания по реке?

— Гек! — позвал я, сперва тихонько, потом погромче. — Гек! — Я прокричал во все горло.

Безмолвная пустота реки сама по себе глотала все звуки, которые я издавал, а уж из-за музыки, смеха и плеска огромного колеса парохода Геку точно меня нипочем не услышать.

Я высматривал тени, скользящие по воде или в воде, вслушивался, не раздастся ли хоть какой-нибудь звук, вглядывался, не возмутилась ли где вода, но все тщетно. Мы разделились, и я, как ни тревожился за паренька, все же думал: возможно, не так уж это и плохо.

Чуть погодя — глубокую черную реку освещала только луна — я не иначе как чудом заметил Гека, стоящего на коленях на плоту. Гек так отчаянно крутил головой, что я догадался: он в панике ищет меня. Я направил каноэ к нему, а сам улегся на спину, откинулся на сиденье и притворился спящим. Я услышал, как Гек связывает наши суденышки, и сделал вид, будто проснулся.

— Гек, вы живы! — радостно сказал я.

— Жив, разумеется, как иначе?

— Ну, пологем, утоп.

— Каким же это манером?

Я смекнул, что он замышляет проказу.

— Каким же манером я утону, если ты вот он, здесь, со мною? — настаивал Гек.

— Но ведь мы с вами чуточку были поврозь.

— О чем ты, Джим? Ты же все время спал. Я наблюдал за тобой.

— Нет, сэр, мы с вами были поврозь, вы да я. Прошел ентот здоровеющий пароход, ан глядь, ни вас, ни плота и нету.

— Так ведь не было никакого парохода.

— Еще как был.

— Нет, Джим, ты все это время спал.

— Нет, — возразил я. — Я, конечно, соснул, но то было опосля.

— Тебе все это приснилось, — настаивал паренек.

Очень уж ему нравилось меня морочить.

— А ить было совсем как взаправду. И люди на пароходе — неужто их тоже не было?

— Нет, Джим.

— Божечки, боже, боже, — сказал я. — И жуткий же сон.

Гек расхохотался. Указывал на меня и покатывался со смеху.

— Это что ж получается, вы меня провели? — спросил я.

Гек веселился, а я и не возражал. Если белые время от времени посмеются над бедным рабом, жить становится проще.

— Я тебя разыграл, — сказал Гек.

Я притворился обиженным. Белые обожают чувствовать себя виноватыми.

— Прости меня, Джим. Я думал, это смешно, — сказал Гек.

— Да уж, смешно, Гек, еще как смешно. — Я чуть оттопырил нижнюю губу: эту мину я строю только для белых.

— Я не хотел тебя обидеть.

Тут бы мне устыдиться из-за того, что я играю чувствами паренька, который по малолетству не

в состоянии сообразить, чем дурно его поведение, но я решил, что не стану. Если рабу вдруг подвернется выбор, он его не упустит.

Мы плыли по течению, стараясь держаться подальше от прочих лодок.

— Джим, ты же принадлежишь мисс Уотсон, верно? То есть ты ее собственность, верно?

— Верно, — сказал я.

— То есть на деле я тебя у нее украл.

— Но вы ведь не то чтоб меня скрали, так? Мы же с вами вроде как вместе пустились в бега.

— Но ведь я не вернул ей тебя, так?

— Не.

— То есть это навроде кражи, верно? Если я уведу с обочины мула и я знаю, чей он, разве это не кража?

— Я ить не мул.

Мы плыли дальше.

— Но разве я не делаю ничего дурного? — обеспокоенно уточнил Гек. — Откуда мне знать, как поступить хорошо?

— Я вот чего думаю. Ежели нужен закон, чтобы понять, что хорошо, а что нет, ежели вам нужно объяснять, как поступать хорошо, значит, навряд ли вы поступаете хорошо. И ежели вам нужен какой ни то Бог, чтобы Он говорил, как

правильно, как неправильно, вы никогда ничего не поймете.

— Но закон говорит…

— Хороший поступок не касается до закона. По закону я раб.

Мы плыли дальше в молчании еще более глубоком.

— Вы только послушайте, — сказал я Геку.

— Что?

— Слушайте.

— Я ничего не слышу.

— Это оно, Гек. Это река разговаривает сама с собою.

— И что она говорит? — спросил мальчик.

— Она-то знает, а нам поди догадай. — Я посмотрел вдаль. — Вот еще голос.

Гек закрыл глаза и прислушался.

— Не слышу.

— Это Огайо, Гек. Она рассказывает старушке Миссисипи о свободе. Я раздобуду работу, скоплю деньжат, вернуся и выкуплю моих Сэди и Лиззи.

— И тогда они будут принадлежать тебе? — спросил Гек.

— Нет, но они и не будут принадлежать кому еще. Они вообще никому не будут принадлежать. Они будут свободные.

Глава 13

Из-за утренней тишины и журчания реки я ослабил бдительность. И уснул на воде. Приоткрыв глаза, я обнаружил, что на меня глядит дневной свет, но разбудил меня не он, а голос. Мужские голоса и голос Гека, совсем близко, как раз надо мною. Я оценил свое положение и определил, что лежу на нашем плоту, накрытый брезентом. Я догадался, что это Гек набросил на меня брезент, поскольку я не помнил, чтобы им укрывался. Я лежал неподвижно.

— Как тебя звать, малый? — спросил какой-то мужчина.

— Джонни, сэр.

— И что ты делаешь на реке один-одинешенек?

— Высматриваю подходящее место для рыбалки.

— Ты здешний?

— Да, сэр, — ответил Гек, помолчав.

— Кого ловишь? — спросил другой.

— Сомов.

— Место ты выбрал правильно, это точно.

— Ты не видел поблизости негра? — спросил

первый.

— Нет, мистер. А что?

— Он беглый.

— Беглый раб, — добавил второй.

— Кто же еще? — Это опять первый.

— А ну бы я говорил про беглого арестанта. Так? Разве не так, Джонни? Скажи ему.

— Могли и про арестанта, — подтвердил Гек.

— Никакой он не арестант, — продолжал первый. — А черный раб, негр, который принадлежит одной женщине из Ганнибала.

Я слышал, как завертелось колесико в Гековой головенке.

— Так ты видал кого, малый? — снова спросил первый.

Гек молчал. Я вслушивался в его молчание. Вода, плескавшая в борт каноэ, промочила меня сквозь доски настила. От холодной воды я, должно быть, легонько пошевелился.

— Малый!

— Нет, я никого не видал.

— Кто у тебя под брезентом? — громче спросил мужчина.

— Там мой больной дядька, — ответил Гек.

— Да ну?

Я почувствовал, как плот потянули — может,

крюком, может, рукой.

— Да, — сказал Гек. — Я каждый день вывожу его воздухом подышать. У него оспа.

Плот отпустили.

— И как же ты здесь, с ним? — поинтересовался второй.

— А я к нему не прикасаюсь. Я боюсь к нему прикасаться.

— Оспа, — повторил второй. Голос его стал тише.

— Он почти все время спит, — сказал Гек. — Мы всё думаем, он помрет, а он никак не помирает.

Первый хмыкнул.

— Я туда не полезу, с оспою шутки плохи, — заявил второй.

— Езжай, — сказал первый.

— Да, сэр, — ответил Гек.

— На что ты хоть ловишь сомов-то? — полюбопытствовал второй.

— На что придется. То на червей, то на сверчков.

— Раздобудь лучше сыру. Сомы обожают сыр.

— Езжай, малый, — повторил первый. — И берегись ты этого негра. Говорят, он опасный.

— Да, сэр, всенепременно.

— На вот тебе денег, — добавил первый. — Пар-

ню, который рыбачит на плоту с полумертвым дядькой, деньги не помешают.

— Ой, спасибочки, сэр! — сказал Гек. — Вы очень добры.

— Езжай.

Когда мы удалились от них на достаточное расстояние, Гек сообщил, что угроза миновала.

— Чуть не попались, — произнес он.

— Да уж, хорошего мало, — сказал я.

— Представляешь, этот тип дал мне десять долларов.

— Это же уйма денег. И что вы будете с ними делать?

— Не знаю. Наверное, что-то куплю. Может, еды какой.

— Еда у нас есть. Мы ловим еду.

— Тогда и не знаю даже. А ты бы что купил?

— Я покамест не знаю, во что мне встанут жена и дочь. — Я смотрел на дневной свет, на людей в лодках. — Пора нам убираться с этой реки. Теперь мы доподлинно знаем, что мене ищут.

Наступила ночь. Мы прошлепали по мокрой траве к тому месту, где спрятали лодку, и обнаружили, что каноэ наше исчезло.

— Его украли, — сказал Гек.

— И как нам теперь? — спросил я. — Видать,

придется плыть на плоту. Как иначе?

— Пожалуй, ты прав, Джим.

В ту ночь на реке было неожиданно оживленно. Мы старались не заплывать в фарватер, но паромы и пароходы, казалось, были везде. Мы еще прыгали на волнах от одного большого парохода, как уже заметили другой, встречный. Грести прочь, чтобы уйти от столкновения, у нас не оставалось ни времени, ни сил. Нас швырнуло в борт следующего парохода. От удара наш плот разломился надвое.

— Гек!

Его голова мелькала в волнах, как поплавок. Меня затянуло под пароход. Признаюсь, на миг я решил, что вот-вот утону. Утопленник, он всегда интереснее прочих, но мне в ту минуту хотелось побыть, остаться донельзя скучным. Я вынырнул где-то, не соображая, где именно, думая лишь об одном: как не пойти ко дну и отыскать берег. Гека я потерял.

Глава 14

Я не столько выплыл на берег, сколько река выплюнула меня. Выплюнула в жуткие заросли ежевики. Причем ежевики неспелой, что уж совсем обидно. Я боялся за Гека, но ничего не попишешь. Не мог же я расхаживать по окрестностям и спрашивать всех, не видел ли кто белого мальчишку, не знает ли, цел ли он, ведь меня самого ищут. Утешало меня лишь то, что мешок с книгами и бумагой висел за моим плечом. Поутру я набрел на поляну. Я раскрыл книги и разложил на земле, чтобы просохли на солнце.

На этом лужку я уснул на пригреве. Я лежал у всех на виду, но от усталости у меня не было даже сил спрятаться под кустом. Еще я очень тревожился за Гека и стыдился из-за своего облегчения оттого, что я от него избавился. Открыв наконец глаза, я сразу же понял, что дело близится к вечеру: солнце ушло далеко за реку. Еще я увидел, что не один. На земле рядом со мною сидели четверо и рассматривали меня. Я вздохнул и почувствовал, как тело мое расслабилось: я заметил, что они черные.

Тот, который из них явно был самым старшим,

трогал мои книги, листал страницы, словно хотел, чтобы они поскорее просохли.

Я взглянул на незнакомцев, откинулся на спину и уставился в безоблачное небо.

— Где я? — спросил я.

— Ты в Иллинойсе, — ответил старик.

— То есть в свободном штате?

Мужчины расхохотались.

— Парень, ты все же в Америке, — заметил крепыш.

Старик положил мою книгу.

— Да, мы в Иллинойсе, это правда, а Иллинойс вроде как штат свободный, это правда, но здешние белые нас убеждают, что мы в Теннесси.

— Наверное, они сами в это верят, — предположил я.

— А нам что прикажешь делать? — спросил здоровяк. — Прийти в суд с картой и заявить: “Вот, поглядите — мы вообще-то свободны?”

Косоглазый худой мужчина впился в меня взглядом.

— А ты кто вообще?

— Меня зовут Джим. Я бежал из города, который расположен вверх по реке. И, боюсь, меня всюду ищут.

Косой посмотрел на мои книги.

— А это тебе на что?

— Пожалуй, я их украл.

— Ты умеешь читать? — спросил меня самый старший.

— Умею.

— Я тоже немного умею читать, — признался здоровяк и пожал мне руку. — Я Джосайя.

— Джосайя.

— Джордж-старший, — представился старик.

— Джордж-младший, — сказал мужчина помладше, вылитый Джордж-старший.

Повисла пауза, и наконец последний, худой, произнес:

— Пьер.

Он будто подозревал меня в чем-то, хотя мне было невдомек, почему он относится ко мне с такой опаской. Наверное, он боялся, что я принесу им несчастье и неприятности. Поразмыслив, я счел такой страх оправданным.

У Джорджа-младшего на коленях лежал инструмент. Резной деревянный гриф прикреплен к горлянке, на которую натянуты струны.

— Это банджо? — спросил я.

— Я сам его сделал, — похвалился Джордж-младший. — Но здесь играть не решаюсь. Вокруг ни души, но звук же передается, знаешь? Осо-

бенно музыка. Люди услышат музыку за многие мили и пойдут искать.

— Особенно музыка, — согласился Джордж-старший.

— Особенно музыка, — повторил Джосайя.

— Ты сам издалека? — спросил Пьер.

— Издалека. Ганнибал, штат Миссури.

— Оттуда путь неблизкий, — согласился Пьер. — Как же ты ухитрился добраться в такую даль, ведь тебя всюду ищут?

— На каноэ.

— Чернокожий один-одинешенек на реке? Да какой-нибудь белый пристрелил бы тебя просто для развлечения.

— Да, они называют это охотой, — подхватил Джосайя.

— Джосайя бежал три раза и не ушел даже на десять миль, — пояснил Пьер. — А уж он бегать здоров.

Я всмотрелся в лицо Пьера.

— Я не бежал по суше. Я уплыл по реке. Причем ночью.

Пьер усмехнулся.

Я хотел было упомянуть о Геке, но передумал. До сих пор не понимаю почему, но тогда я просто не придумал, как о нем заговорить, и решил, что

это неважно.

— Не знаешь, объявили за тебя награду? — спросил Джосайя.

— Знаю.

— Тебе, наверное, лучше двигаться дальше, — сказал Джордж-младший.

Я огляделся.

— Много здесь народу живет?

— Да не то чтобы, — ответил Джордж-старший. — Сколько-то рабов. Горстка белых. Хозяева, надсмотрщики.

— И еще эти чокнутые белые, — добавил Джосайя.

— Грэнджерфорды и Шепердсоны, — с нескрываемым удовольствием произнес Джордж-младший. — Вечно друг друга убивают. Причем им все равно как. Ружья, ножи.

— И замечательно, как по мне, — вставил Пьер. — Хорошо, когда белые убивают белых. Чем их меньше, тем лучше.

— Я, пожалуй, на день-другой схоронюсь в этих лесах, — сказал я. — Как думаете, получится?

— Если тебя не станут искать с собаками, — ответил Джордж-старший.

— Все дело в собаках, — подхватил Джосайя. — Стоит собакам учуять твой запах, пиши пропало.

— Три раза? — спросил я.

— И хватит с меня, — ответил здоровяк. — Больше не побегу.

— Из-за собак? — уточнил я.

— Нет. Первые два раза меня поймали, вернули и отделали почем зря. — Джосайя задрал рубаху, повернулся и показал мне красные шрамы на спине. — А в третий раз высекли и меня, и некоторых прочих.

— Даже одну женщину, — добавил Джордж-старший.

Я посмотрел на Пьера, он отвернулся.

— Я не хочу, чтобы вам попало из-за меня. Лучше держитесь от меня подальше.

— Тебе ведь нужно что-то есть, — сказал Джордж- старший.

— Нет, он прав, — вмешался Пьер. — Если узнают, что мы ему помогли, еще неизвестно, что сделают эти ублюдки.

— Это как раз известно, — возразил Джосайя. — Прекрасно известно, что именно они сделают.

Я посмотрел на Джорджа-старшего.

— Они правы. Я добуду себе пропитание. До сих пор же как-то справлялся и дальше буду.

Пьер взглянул на мои книги.

— А это тебе зачем?

— Они меня утешают, — пояснил я.

— Это я понимаю, — сказал Джордж-старший.

После этого Пьер, казалось, смягчился.

— Лучше бы нам вернуться до того, как начнут пересчет.

— Мне нужна одна вещь, — произнес я.

Мне было неловко об этом упоминать, ведь я сам только что сказал, что не хочу быть им обузой.

— Какая же? — спросил Пьер.

— Карандаш.

— Что? Карандаш? — Пьер посмотрел на других, словно хотел сказать: “Я же вам говорил”. — Зачем рабу, черт возьми, понадобился карандаш? Ты собрался писать письмо? И кому, черт возьми, раб отправит письмо?

— Президенту? — пошутил Джосайя.

— Я добуду тебе карандаш, — пообещал Джордж-младший. — Ты правда умеешь писать?

Я кивнул.

— Ладно, — сказал Пьер. — Джордж-младший добудет тебе карандаш. — Он взглянул на меня. — Карандаш.

Глава 15

Раздобыть пропитание оказалось нетрудно. Я же раб. Я привык любой ценой добиваться своего. И я приспособился жить на реке. Краппи, сомы и ягоды. Там, где я устроил лагерь, никто не ходил. Я прислушивался, не услышу ли лай собак, но эти жуткие звуки ни разу не раздались. Минуло два дня, я продумывал разные способы поисков Гека, но ни один из них не имел смысла. Я читал. Я никогда не чувствовал себя настолько беззащитным и уязвимым, как с открытою книгой среди бела дня. Что, если меня заметит кто-нибудь из надсмотрщиков со здешней плантации? Или раб, которого напугает эта картина? Или раб, который попросту решит выслужиться перед хозяином? Некоторые рабы утверждают, будто все хозяева разные — одни хорошие, другие плохие. Но большинство из нас полагает, что разница между ними, может, и есть, а различия нету.

Я читал и читал, но сознавал, что на деле мне нужно писать. Мне нужен был карандаш. Я не мог уследить за своими мыслями. Вскоре я уже потерял нить своих рассуждений. Наверное, потому что никак не мог перестать читать, чтобы

освободить место в голове. Я был как тот человек, который не ел месяцами, а потом обожрался до тошноты. И книги мои, едва я дочитывал их, оказывались не тем, чего я хотел, не тем, что мне было нужно. Так называемая история Венчера Смита, изложенная им самим, злила меня тем больше, чем больше я в нее вчитывался, гадая, каким образом пятилетний мальчишка ухитрился запомнить столько подробностей, причем разумных и ясных. Я уже осознал, что лжи свойственна аккуратность, я вынес этот урок из тех историй, которые рассказывают белые, дабы оправдать мое положение. Я понял, как Вольтер представляет себе терпимость в том, что касается религиозных различий, но, хоть я читал его труд с увлечением, все-таки отдавал себе отчет, что интересует меня не содержание, а развитие повествования, то, что скрывается за его ложными умозаключениями. После всех этих книг Библия занимала меня в меньшей степени. Я не мог за нее приняться, не желал за нее приниматься, а потом вдруг догадался, что воспринимаю ее как орудие моего врага. Я употребил слово “враг”, и по-прежнему употребляю, ведь “угнетатель” непременно подразумевает и жертву.

В сумерках заморосило, и комары притихли.

Серьезное облегчение. Притихли и звуки леса. Шагов Джорджа-младшего я не слышал, и он меня напугал.

— Извини, Джим, — сказал он.

— Ты тут ни при чем. Это я обленился. Надо впредь держать ухо востро.

Он посмотрел на небо, дождь капал ему на лицо.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я.

— Я принес тебе кое-что.

Джордж-младший сунул руку в карман и достал огрызок карандаша. Тот лежал на его широкой ладони, как птичка.

— Господи боже, — проговорил я.

— Он не очень большой, — произнес Джордж-младший.

— Он огромный. Вот диво. Спасибо тебе, Джордж-младший.

— На здоровье.

— Где ты его раздобыл?

— Я его украл.

Он заметил мой всполошенный взгляд.

— Джордж-младший!

— Никто ничего не заметил.

Улыбался он совсем как ребенок и радовался заразительно.

— Ты страшно рисковал, — заметил я.

— Пустяки. Хозяин сидел на крыльце, что-то писал, налетел ветер, разбросал его бумаги. А я как раз во дворе рыл лунку под азалию, ну и подбежал, помог ему собирать бумаги. И в суете прикарманил его карандаш. А когда он его хватился, угадай, что я сделал?

— Что?

— Помог ему искать.

Мы рассмеялись.

— А ты умеешь писать. Если ты умеешь писать, тебе нужен карандаш. Жаль, я не умею. Что ты расскажешь, Джим?

— Пока не знаю.

— Расскажи свою историю, — посоветовал он.

— Что ты имеешь в виду? Рассказать мою историю? Как ты предлагаешь мне рассказать мою историю?

Джордж-младший уставился на свои ноги. Я последовал его примеру. Ноги были босые, большие пальцы дергали мокрые травинки. Он посмотрел мне в лицо.

— Уши тебе помогут, — сказал он.

— Как это?

— Твои уши помогут тебе рассказать историю. Прислушивайся.

— Я попробую.

И Джордж-младший был таков. Стояла ночь. Он произвел на меня впечатление, и хотя я толком не понял, о чем он меня попросил, однако осознавал, что совет он дал мне глубокий. Еще я не знал, понятия не имел, о чем именно буду писать и почему буду писать об этом, но, как и было сказано, непременно прибегну к помощи ушей.

Я взял в ладонь карандаш. В длину он был дюйма три. И на ощупь плотный, как камень.

В глуши ночной из глуши лесной послышался лай и вой собак. Я еще туже сжался в комок на корнях дерева, служивших моей постелью. На этом дереве обитала енотиха. Она привыкла ко мне и в темноте, как ни в чем не бывало, шастала мимо. Но сегодня осталась на высокой ветке, прислушиваясь к собакам. Мы с ней были животные и не знали, который из нас добыча. Мы рассудили, что добыча мы оба. Я подумывал было бежать, оставив мою подругу-енотиху, но в какую же сторону бежать от молнии?

Глава 16

Меня зовут Джеймс. Хотел бы я рассказать мою жизнь с чувством истории, а не только усердия. Меня продали при рождении, потом продали еще раз. Мать моей матери была родом с африканского континента: так мне говорили — а может, я догадался сам. Я не могу утверждать, будто знаю тот мир или тот народ и кем были мои родные — нищими или королями. Я восхищаюсь теми, кто, подобно Венчеру Смиту, в пятилетнем возрасте помнит поколения своих предков, имена их и перемещения их семейств по складкам, канавам, расселинам работорговли. Смею заверить вас, что я такой человек, который знает жизнь, у которого есть семья, который любит свою семью и которого оторвали от его семьи; человек, который умеет читать и писать, человек, который не допустит, чтобы история его была связана только с ним, но лично ее напишет.

Этим карандашом я записал себя в жизнь. Я записал себя здесь. Укрытие мое стало мне надежным пристанищем, и я задержался в нем дольше,

чем предполагал. Я не знал, как отправиться в путь, ведь у меня не было плана. Беглецу на дорогах и тропах лучше не появляться, а лодки у меня не было. Те люди, которые навестили меня когда-то, по-прежнему время от времени захаживали ко мне. Часто они приносили объедки, но, как правило, выяснялось, что еды у меня больше, чем у них. У меня был запас сушеной рыбы, поблизости росли ягоды. Пьер раз от разу относился ко мне все с меньшей опаской. Джордж-старший казался все старше. Джосайя опять задумывался о побеге.

— Но мне больно думать, что моих близких выпорют, — признался он.

— Если тебе удастся бежать, — сказал Джордж-старший, — ни единая порка в мире не погубит надежду, которую ты нам дашь.

— Чушь, — возразил Пьер. — Порка есть порка. Ни единая мысль в мире не остановит кровь и не избавит от шрамов. Даже Джим не готов так рисковать.

— Я никак не решусь уйти, — признался я. — Ведь чем дальше я убегу, тем дальше буду от своей семьи. А я хочу вернуться и купить им свободу.

— Не получится, — сказал Джордж-старший. — Ты беглый. Ты никому ничего не купишь, если

тебя вздернут на суку.

— Тебе придется найти белого, который приедет и выкупит их, — согласился Пьер. — А это вряд ли случится, так ведь?

Я промолчал в знак согласия.

— Езжай-ка ты лучше на север и живи свою жизнь. А о семье твоей позаботится Бог.

Мы посмотрели на Пьера. Он расплылся в улыбке.

— Черт, я думал, ты переметнулся, — сказал Джордж-старший.

— Верить приятно, — заметил Джосайя. — Но мы ить просто рабы.

— А и правда, — согласился Джордж-старший.

— Божечки мои, боже, — произнес я.

— Так что ты намерен делать? — спросил Джордж-младший.

— Бежать, — ответил я.

В те дни под моим деревом я сплел мешок из тростника и травинок. Набил мешок рыбой и отправился в путь. Разумеется, дождавшись ночи. Пока что мне удавалось перемещаться в темноте, пусть на реке и случались крушения, и отказываться теперь от такого образа действий было неблагоразумно. На суше ночью, пожалуй, и не темнее, чем на реке, но зато темнота эта гуще,

страшнее и тягостнее. Наверное, потому что само перемещение стоит бóльших усилий: ты идешь осторожно, обдумываешь каждый шаг. Наверное, потому что на суше живут белые. И еще я не мог отделаться от мысли, что мне не хватает юного Гека. Я беспокоился за его благополучие, ощущал ответственность за него.

Леса в тех краях густые, но мне помогал лунный свет. Через полмили я услышал знакомые звуки. Они отдавались эхом вокруг меня. Хлоп. Щелк. Вдали я увидел костер. Шум поманил меня. Чем ближе я подходил, тем он становился громче, громкий прерывистый стук, полный дурного ритма. Я остановился за кустами и стал наблюдать оттуда.

Рабы собрались в широкий печальный круг. Кое-где белели лица надсмотрщиков. Посередине стоял белый со свернутым длинным кнутом. Белый нанес очередной оглушительно громкий удар. Лицом ко мне был привязан к столбу Джордж-младший. После удара по спине он скривился и вжался в столб. Каратель — а до него от столба было добрых десять футов — подтянул к себе по земле кнутовище.

— Давай, кради у хозяина карандаш! — крикнул мужчина с кнутом и вдругорядь вытянул

Джорджа-младшего. — Хочешь, чтобы я перестал, негритос? — Кожаный кнут он обратно тянул так медленно, что этот звук был частью истязания.

Я вздрогнул вместе с Джорджем-младшим. Кнут ожег меня, точно это была моя спина, вскрыл меня. Среди собравшихся я при свете костра разглядел Джосайю. Он держался твердо и мужественно, будто пытался передать Джорджу-младшему силы, и явно, подобно мне, ощущал каждый удар. Но наши муки сочувствия не шли ни в какое сравнение с муками Джорджа-младшего. И от этого было больнее всего.

Джордж-младший заметил мое лицо в кустах. Карандаш был при мне. Лежал в кармане. Джорджа ударили снова, и я содрогнулся. Мы не сводили друг с друга глаз. Джордж-младший, кажется, улыбнулся, но тут до него снова добрался кнут. По ногам избитого текла кровь. Джордж-младший поймал мой взгляд и произнес беззвучно: “Беги”.

И я убежал.

Глава 17

Я пробирался во мраке так тихо и быстро, как мог. Сердце никак не желало замедлиться до нормального ритма. Приближался рассвет, и меня обуял худший страх: что я не найду, где спрятаться. Место, где при свете дня никто не бывает. Отчасти и потому, что в темноте те дорожки, по которым часто ходят люди, было не отличить от звериных троп.

Я услышал крики. Разъяренные мужские голоса. В разгар ссоры раздался высокий, знакомый мне голосок. Я лег на живот. Я не пополз на шум — он настиг меня сам.

— Дерьмо ты кобылье, и ничего больше! — орал какой-то мужчина. — Проклятый Шепердсон! София, а ну отойди от Гарни!

— Никуда она не пойдет! Мы с нею окрутимся! — выкрикнул Гарни.

— Черта с два! — парировал первый.

— София, беги! — Это был голос Гека, голос, так хорошо мне знакомый. Но самого Гека я не видел.

— Я нашпигую тебя свинцом, Грэнджерфорд.

— Попробуй, трусливый ты козолуп!

— София, беги! — крикнул Гек.

Я увидел, как юная белая женщина промчалась по полю к купе деревьев. Затем я заметил Гека: он бежал в мою сторону, пригибаясь к земле. Он был в футе от меня, когда выпалил пистолет. Я выставил руку из-за кустов и втащил Гека к себе. Он, разумеется, вздрогнул и принялся вырываться.

— Гек, это я, Джим, — шепнул я.

— Джим?

— Да.

Снова вспышки и оглушительные хлопки. Перестрелка оборвалась так же резко, как началась. С поля не доносилось ни слова, ни звука. Мы встали.

— Они все мертвые, как думаешь? — спросил Гек.

— Похоже на то, — ответил я.

Занимался рассвет. Мы вышли на луг. На земле лежали четверо, распластавшись так, будто ждали, когда их омоет дождь.

— Они мертвые, Джим. Все до единого.

— Нам надо сматываться, Гек.

— Как ты меня нашел? — спросил парнишка.

— Повезло. Я случайно на вас наткнулся.

— Они все мертвые.

Я потянул мальчика за собой к деревьям.

— Нет, сюда, — сказал он.

Я отправился следом за ним в противоположную сторону, сквозь частокол тюльпанных деревьев и вниз по косогору к реке.

— Эта дорога надежная? — уточнил я.

— Ты не поверишь, что я нашел, — едва не со смехом ответил Гек. — Джим, ты просто не поверишь.

Он оказался прав. Я и правда не верил глазам.

— Неужели это наш плот?

— Его вынесло на берег день-другой назад. Я починил его, заново связал бревна.

Уже рассвело.

— На реку днем? — подумал я вслух.

Я поглядел туда, где остались лежать убитые. Близость убитых белых еще ни разу не обернулась для чернокожих ничем хорошим.

— Садитесь на плот, — сказал я.

Мы забрались на плот и оттолкнулись от берега.

— Джим, — произнес Гек.

— Что?

— Почему ты так странно говоришь?

— Об чем енто вы? — спросил я, объятый тревогой.

— Ты говорил… не знаю… не как раб.

— А как говорит раб?

Гек впился в меня взглядом.

— Я ить иначе и разговаривать не умею. Испужали же вы меня. И как енто я странно говорю?

— Сейчас уже нет, но, честное слово, именно так ты и говорил.

— А сейчас, Гек? Как я говорю сейчас?

— Сейчас нормально.

— Божечки, ну и славно.

Гек снова бросил на меня подозрительный взгляд.

Глава 18

Река здесь, ниже по течению, была широкая, местами добрые полторы мили. А поскольку мы плыли ночами, она по этому случаю была в полном нашем распоряжении. Широкий большак в пугающее никуда. Пароходы предпочитали курс далеко в стороне от нас и казались такими маленькими, будто вовсе и не опасные. Гек с большим удовольствием рассказал мне о кровной вражде Шепердсонов и Грэнджерфордов, о нескончаемой битве между семействами и о том, как его приютили Грэнджерфорды. Я так уморился, что слушал его без особого интереса.

— Этот папаша Грэнджерфорд был человек хороший. Он мне чем-то напоминал судью Тэтчера. Вот разве что книг отродясь не читал, но вел себя так, будто читает. Понимаешь, что я имею в виду?

— Пожалуй, — ответил я.

— И эта София, конечно, красавица. Но вот втюрилась по уши в Гарни Шепердсона. Чего-то увидела в нем, чего я не видал.

— Отчего ж эти семьи так друг друга возненавидели?

— Не знаю. Но даже я понимал: если Гарни с Софией сойдутся, добра не жди.

— Так и вышло, — согласился я.

Гек замолчал.

Как-то утром, привязав наш плот к веткам дерева в стоячей воде близ отмели, мы с Геком увидели песчаный берег в устье протоки, где можно выкупаться и, пожалуй, помыться. Там-то мы и нашли спрятанное каноэ. Судя по виду, оно лежало там давным-давно, поскольку в нем было полно сухих листьев, земли и паутины. Но корпус был целый.

— Ну ты подумай, — заметил Гек. — Одно каноэ потеряли, другое отыскали. От чего ушли, к тому и пришли, так?

— Так, — согласился я.

Мы отчистили лодку, и Гек сказал, что готов отправиться в небольшое приключение.

— Енто как? — спросил я.

— Поднимусь-ка я на каноэ по этой протоке, испытаю его. В дырявой лодке на большой реке делать нечего.

Я понял, что Геку по-детски хочется поиграть.

— И то верно, — сказал я. — А я здесь обожду, покамест переметом займуся.

— Договорились, я скоро.

Я помог ему столкнуть каноэ в воду. Видно было, что история с враждующими семействами встревожила Гека. Своими глазами увидеть убийство всегда тяжело. Тем более для ребенка. По правде сказать, я сам-то нечасто видел убийства, разве что изо дня в день жил с этой угрозой, в этой опасности. Тот, кто видел одно линчевание, все равно что видел десяток. Тот, кто видел десяток, все равно что увидел сотню — с характерною позой трупа, склоненной головой, скрещенными ногами.

Книги мои снова вымокли, и спасти их на этот раз вряд ли удастся. Я, как мог, постарался высушить страницы. По крайней мере, на свободных местах можно что-нибудь нацарапать моим сокровищем. Я рассматривал эту палочку, обошедшуюся так дорого. Я понятия не имел, забили Джорджа-младшего до смерти или все-таки пощадили; узнать не было ни единой возможности. Но я понимал, что ради него обязан написать что-нибудь важное. Мягкий грифель оставлял темную отметину. Я решил сильно не нажимать на него, чтобы карандаша хватило как можно дольше. На нем было вытиснено слово FABER. Не взять ли мне такую фамилию? Джеймс Фабер. Вроде неплохо.

Я закрыл глаза, а когда открыл, увидел, что из воды вышел сухопарый, но не слишком высокий человек и направляется ко мне. Его угловатые черты можно было бы счесть благородными, но я воздерживаюсь от подобных суждений о человеке, пока не услышу, что́ он говорит.

— Да это же Джон Локк, — сказал я.

— Джеймс.

Я сознавал, что крепко сплю и вижу сон, но не знал, сознает ли это Джон Локк.

— А я о вас вспоминал, — признался я. — Размышляя о лицемерии.

— Даже не начинай, — сказал он. — Это была работа. После того как я написал конституцию для Барбадоса, каролинцы попросили меня написать и для них тоже, и я написал.

— То есть вы утверждаете, если вам как следует заплатить, вы не видите большой беды в том, чтобы отказаться от всего, что сами же провозгласили добродетельным и справедливым.

— Если ты так ставишь вопрос… — произнес он.

— Если я так ставлю вопрос, то что?

— Им нужна была конституция, которая оправдала бы их поступки. Не напиши ее я, написал бы другой. А коли так, то какая разница?

Я уставился на него.

— Это вы мне скажите, — ответил я.

— Некоторые говорят, что мои представления о рабстве сложны и неоднозначны.

— Запутанны и неоднородны.

— Взвешенны и нетривиальны.

— Извилисты и противоречивы.

— Изощренны и замысловаты.

— Лабиринтообразны и подобны творению рук Дедала.

— Отлично подмечено, мой темнокожий друг.

— Джим! Джим! — крик Гека расколол воздух.

Локк снова скрылся в воде.

Гек приплыл с двумя белыми мужчинами. Я испугался было, но заметил испуг на их лицах. Обоим было так страшно, что на цвет моей кожи они даже не обратили внимания. Тут я услышал собак.

— Гребите сюда, Гек. Давайте привяжем плот к каноэ да и ходу.

Собачий лай нагнал на меня такого страху, что я действовал не раздумывая. Ни один, ни другой из наших визитеров пальцем не шевельнули, чтобы помочь. Но мы и вдвоем с Геком проворно вывели плот и каноэ с отмели на стремнину.

— Лучше нам переправиться на ту сторону, —

сказал я. — На той стороне народу не так чтоб много.

— Твоя правда, — согласился Гек.

Один из мужчин был в годах, лет семидесяти, если не старше. Он так жутко хрипел, что я было подумал, он того гляди умрет. Второй был намного моложе. Оба щурились на ярком солнце и наконец обратили внимание на меня.

— А у тебя и раб есть? — спросил молодой Гека.

— Джим мне не раб, он мой друг, — пояснил Гек.

— Ясно. Как тебя звать, мальчик?

— Гекльберри, но все зовут меня Геком. А это вот Джим.

— Да я уж понял, — откликнулся молодой. — Дружок твой.

Эти двое внушали мне страх, но куда больший страх мне внушали собаки, судя по лаю, направлявшиеся в нашу сторону. Мне втемяшилось, что они гонятся за мной, а потому присутствие в нашей лодке этих двух белых господ меня смущало. Абсурдность происходящего усиливало то, что оба были полными противоположностями. Старик высоченный и тощий, молодой ростом с Гека и толстый. У молодого густые темные волосы. Старый почти лысый. И с бородой. Молодой

гладко выбрит. У одного глаза голубые, у другого карие. Роднило их только то, что оба белые и глазки бегают. У старшего при себе был рваный и грязный ковровый саквояж.

Старик посмотрел на молодого.

— Из-за чего у вас вышли неприятности, друг мой?

— Да пожалуй что из-за некачественного товара. Продавал я тут одну пасту, которая счищает налет с зубов. И, между прочим, неплохо счищает.

— Тогда почему у вас из-за этого вышли неприятности? — спросил Гек.

Молодой вздохнул.

— Оказалось, вместе с налетом она счищает эмаль.

— Это нехорошо, — брякнул я, не подумав.

Молодой бросил на меня злой взгляд.

— Сам знаю.

Я отвернулся, осознав, что из-за общения с Геком один на один я расслабился, а это опасно.

Молодой продолжал рассказ:

— Смотай я оттудова в тот же день, не вышло бы неприятностей. — Он обернулся к старшему. — Вот вам моя история. А вы что?

— Да я тут рассказывал о вреде адского зелья.

Проповедь трезвости — дело верное, и если найдешь подход к недовольному женскому полу, то зашибешь на этом неплохую деньгу.

— И что случилось?

Старший откашлялся. Поболтать он любил.

— В общем, деньги я греб лопатой, за вечер долларов пять или шесть, по десять центов с носа, дети и негры бесплатно. Но однажды вечером, как ни смешно — ее звали Пенни. и она была красавица, — она застукала меня за тем, что я втихомолку прикладываюсь к бутылке. Что тут началось! Меня попросили о невозможном.

— И о чем же? — спросил Гек, жадно ловивший каждое его слово.

— Меня попросили вернуть все деньги. А я на такое по природе своей неспособен. Ну и, поскольку этому не бывать, я сбежал.

— Зато хоть барыш остался при вас, — сказал молодой.

— Да уж, вот он где у меня. — Тут-то старик и заметил большую прореху на дне своего саквояжа. — Не иначе как Господь решил покарать этого старого грешника.

— Слушайте, старина, — сказал молодой, — а вы никогда не задумывались о том, чтобы обзавестись компаньоном? Мы могли бы какое-то

время поработать вдвоем и посмотреть, что из этого выйдет.

— Я не против подобной затеи. Только скажите мне, будущий компаньон, чем же вы занимаетесь?

— Я наборщик, но не особо умелый, наверное, потому что, хоть я и знаю буквы, а составить их так, чтобы прочесть, не могу. В последнее время я приторговываю патентованными лекарствами. И актером я был, хотя опять-таки чтение подкачало. Еще я попробовал себя в месмеризме и читал по шишкам на голове.

— А, френология, — сказал старик. — Это дело хорошее.

— Ну а вы что, старина?

— Я занимался врачеванием, но люди не любят, когда из-за тебя им становится хуже. Особенно если существенно хуже. Особенно если кто-нибудь, например, умирает. И теперь я разве что время от времени лечу наложением рук. От рака там, паралича и прочего.

— Вам наверняка и гадать доводилось.

— Да, но лучше всего мне удаются проповеди: в этом я дока. Когда я рассуждаю о трезвости, дамочки так и выпрыгивают из корсетов.

Верю, подумал я, притворившись, как водится

у рабов, будто меня здесь нет. Легковерие — самое примечательное после жестокости свойство белых. И восхищение Гека тому доказательство.

— Какие же вы молодцы, — сказал он.

— Это вряд ли, сынок, — возразил старший. — Посмотри, как низко я пал в жизни, посмотри, на какое общество обрек меня Господь. Но винить мне некого, кроме себя самого. Только не обижайтесь.

— Я, признаться, обиделся, — ответил младший. — Но, пожалуй, могу сказать о себе то же самое.

— Однако же я сказал это первый, не так ли. — Старик посмотрел на младшего, потом на Гека и даже на меня.

— Я поделюсь с вами тайной, — произнес молодой.

Гек подался вперед.

— Обещаете не проболтаться о том, что я вам расскажу, ни единой живой душе? Даже если вам посулят доллар?

— Обещаю, — сказал Гек.

Молодой перевел взгляд на старика, тот кивнул.

— Ну а ты, негр? Ты умеешь хранить секреты?

— Да пожалуй что и умею.

— Мой прадед, старший отпрыск герцога Бриджуотера, бежал в эту страну, чтобы стать свободным. Здесь он женился, здесь и умер. Приблизительно в ту же пору скончался его отец, а его младший брат заполучил и поместье, и титул. Настоящий герцог оказался позабыт, сгинул под колесами истории, ну а я его потомок, следовательно… — он примолк — …законный наследник титула. Я герцог Бриджуотер.

— Божечки, — сказал Гек. — Герцог. Настоящий герцог. Прямо здесь, на нашем плоту. Ты слышал, Джим?

— Слышал, Гек. Божечки мои боже.

— Как прикажете к вам обращаться? — спросил Гек. — "Господин герцог"?

— Принято говорить "ваша светлость", — ответил тот.

— Герцог Бриджуотер, — произнес Гек в пространство.

— А вы зовите меня Бриджуотер, — добавил герцог, обращаясь к старшему. — Что в титуле?

— И правда, — согласился старик.

Бриджуотер покосился на него.

— Послушайте, Блажуотер, — произнес старик.

— Бриджуотер.

— Вы ведь моей истории еще не слыхали. Не у

вас одного от рождения есть тайна. Моя так еще печальнее вашей.

Старик обвел нас всех взглядом.

— И какая же у вас тайна? — спросил Гек.

— Блажуотер, я знаю, что могу доверять и ребенку, и негру, но могу ли я доверить мой секрет вам?

— Моя фамилия Бриджуотер, и да, можете.

— До самой смерти?

— Да.

Старик на мгновение затаил дух, а потом произнес:

— Дитя, джентльмен, негр, я бывший дофин.

— Кто-кто? — переспросил Бриджуотер.

— Да, мой друг, это правда, с вами на этом плоту по могучей реке Миссисипи плывет безвестно пропавший дофин. Я самый и есть Луи семнадцатый, сын Луи шестнадцатого и Марии-Антуанетты. Меня тайком увезли из Франции в бочке, где прежде держали какой-то вонючий сыр. Меня еще долго тошнило от себя самого.

— Божечки, — сказал Гек. — Ты это слышал, Джим?

— Да, друзья мои, я и есть законный король Франции.

— Джим? — произнес Гек.

— Я слышал, — откликнулся я.

Дофин уронил лицо в ладони и разрыдался.

— И вот я здесь, — продолжал он. — В страшной дали от родины, и никто даже не назовет меня ни “вашим величеством”, ни “вашим высочеством”.

— Не расстраивайтесь, ваше высочество, — сказал Гек. — По крайней мере, до вас не добрались ни члены общества трезвости, ни собаки.

Старик вскинул голову — в глазах ни слезинки.

— А знаешь, сынок, ты прав. Я от них ушел. Отчасти благодаря этому вот Блажуотеру. Что вы скажете, друг мой, если мы с вами, как две королевские особы, объединимся и займемся делом?

Мы с Геком переглянулись. Я подозревал, что он подозревал, что герцог с дофином лжецы, но его завораживал их авантюризм. Тем более что теперь они плыли с нами и так просто от них уже не избавишься.

Глава 19

Наши спутники расспросили нас довольно подробно. Откуда мы родом? Как фамилия Гека? Есть ли у нас деньги? Геку хватило ума не проболтаться о том, что ему дали десять долларов. Потом их любопытство перекинулось на меня.

— Этот негр беглый? — спросил Герцог.

— Я вам уже говорил, он мой друг, — ответил Гек.

— Как будто с беглым нельзя дружить, — заметил Король.

— А у негра что, языка нет? — спросил Герцог.

— Его зовут Джим, — сказал Гек.

— Я помню, — ответил Герцог. — Малый, ты беглый?

— Нет, сэр.

Гек уставился на меня. Я скользнул взглядом по реке и посмотрел на него.

— Какой же беглый вместо севера отправится на юг? — спросил Гек.

— Парень прав, — согласился Король. — Разумеется, все будут искать раба, убежавшего на север. Удрать на юг — это ловко.

— Так он твой раб? — уточнил Герцог.

Гек взглянул на меня, я еле заметно кивнул.

— Наверное. Пожалуй, да, — произнес мальчик. Я видел, что ему неловко и больно так говорить.

— Это не объясняет, что вы двое делаете на реке, — сказал Король. — Мальчик и раб, одни-одинешеньки.

Я всмотрелся в лицо Гека и увидел, как он входит в роль. Взгляд его просиял, и, наверное, вдохновившись баснями наших спутников, Гек произнес:

— Родня моя из округа Пайк в Миссури. Я там родился. Но вся моя семья вымерла от какой-то странной заразы, вся, кроме меня, папаши и моего младшего брата, Айка. Денег у папаши не было, тем более после похорон. Вы знали, что нужно заплатить священнику, чтобы он представил ваших дорогих усопших тому дядьке возле жемчужных врат? В общем, папаше пришлось выплатить кучу долгов, а когда он с ними разделался, у него всего и осталось, что несколько долларов да этот Джим.

— Ужасно, — сказал Король.

— А у папаши в Орлеане есть брат, мой дядя Бен. Он держит маленькую ферму, и папаша решил, что мы поедем ему помогать.

— Разумно, — заметил Герцог.

— Еще бы, — поддакнул Король.

— Денег на пароход у папаши не было, даже и на билеты третьего класса, но однажды ему повезло: он нашел плот.

— Ты хочешь сказать, украл, — поправил Герцог.

— Он нашел ничейный плот, — заупрямился Гек. — Правда, Джим?

— В точности так. Никовойный, — подтвердил я.

— Мы сели на плот и отправились в путь. Наверное, мы разленились, решили, пусть река сама нас несет, потому что опомниться не успели, как на нас пароход налетел. Жуткое дело. Это его здоровенное колесо резало воду, как бабуся взбивает яйца.

— Божечки, — сказал Король.

— Папаша был пьяный, ну да он всегда пьяный, и я мигом потерял его из виду. Я было поплыл за братиком, но его затянуло под пароход. Последнее, что я видел, прежде чем свет померк в моих глазах, — Джим гребет как сумасшедший к малышу Айку.

Герцог взглянул на меня и кивнул.

— Хороший негр, — сказал он. — Но ведь спасти малыша ты так и не сумел?

— Видит Бог, я пытался, — ответил я, — да колесо огрело мене по башке.

Гек откашлялся.

— Мы с Джимом вцепились в обломки нашего плота. Вот так я в мгновение ока потерял и папашу, и маленького братишку. — Гек скривился и разразился плачем, который мне показался неубедительным.

Оказалось, обжулить жуликов проще, чем прочих смертных. Стоило Геку захныкать, как эти двое ударились в слезы. Мне для отвода глаз тоже стоило бы присоединить голос к их хору, но я от изумления как-то не догадался.

— За всю мою бесчестную и подлую жизнь я не слыхал рассказа печальней, — сказал Король.

— Бедный малыш Майк, — сказал Герцог.

— Айк, — поправил Гек. — А ночью мы передвигались, потому что всякий раз, как нам случалось отправиться в путь днем, к нам непременно кто-нибудь подплывал и пытался забрать у меня Джима.

— Нет существа хуже человека, — заметил Король.

— Я постараюсь придумать, как бы нам двигаться днем. Дайте только раскинуть мозгами. — И с этими словами Герцог откинулся на спину,

прикрыл глаза и подставил солнцу лицо. — Я чуточку поразмыслю.

— А знаете что, это разумное времяпрепровождение. Я, пожалуй, тоже попробую. — Король закрыл глаза.

Когда стемнело и в обычных обстоятельствах мы отплыли бы, налетела сильная гроза. Зарницы полыхали низко, и мы решили переждать на берегу, отдохнуть. Не хватало еще поджариться. Едва зарницы закончились, как мы отправились в путь. На привычных наших местах спали Король и Герцог. По правде сказать, их величества заняли почти весь плот, так что мы с Геком ютились с краю. Мы устроились бок о бок под самой кромкой навеса: полностью от дождя он не защищал, но хотя бы спины наши не вымокли.

Дождь кончился глухой ночью; мы плыли вниз по реке. Аристократия потянулась, зевнула и огляделась в поисках пищи. Мы поделились с ними сушеной рыбой.

— Человек подобным питаться не может, — заявил Король. — Нам нужна нормальная еда. Яичница с беконом.

— Нам нужны деньги, чтобы ее купить. Нам нужен город, — сказал Герцог.

— В город нельзя, — подал голос Гек. — У нас

отберут Джима.

— Не отберут, если я скажу, что он принадлежит мне, — сказал Герцог.

— Никто не поверит, что у вас есть раб, — возразил Король. — Манеры у вас не соответствуют человеку состоятельному настолько, чтобы владеть людьми.

— А у вас, значит, соответствуют?

— Сынок, я все ж таки король Франции.

— Ну ладно, король, в следующий раз, как мы приедем в какой-нибудь город, сойдем на берег, вы устроите представление перед тамошними обитателями и заработаете нам деньжат. Что вы умеете?

— Я знаю отрывки из нескольких пьес. Я свяжу их между собой строчка за строчкой, а вы подхватите, если вы понимаете, о чем я.

В разговор их вмешался Гек:

— Вы не можете всем говорить, будто Джим ваш.

— Это еще почему?

— Потому что он не ваш. Откуда мне знать, вдруг вы сперва станете всем рассказывать, что он ваш, а потом и вовсе решите его продать?

Король с Герцогом переглянулись.

— Я этого не допущу, — добавил Гек.

Глава 20

Перед самым рассветом показались огни городка. Герцог велел нам править к середине реки.

— Мы проплывем это поселеньице и причалим за ним. А оттуда пойдем в город и провернем какое-нибудь дельце. Хорошо я придумал, ваше высочество?

— Вне сомнения, ваше величество, — ответил Король.

— А мы подождем у плота, — сказал Гек.

Мошенники рассмеялись.

— И мы уж конечно больше не увидим ни тебя, ни этого негра, — сказал Герцог. — Нет, мальчик, вы оба останетесь с нами.

— Он прав, — согласился Король. — Улепетнете от нас быстрей, чем рыбешка от утки, отправитесь дальше по Миссисипи.

Под их присмотром мы с Геком привязали плот к купе ив. Я подумал было швырнуть в них крысиную змею, которую заметил в траве, толкнуть Гека на плот и попытаться уплыть, но там была отмель и тянулась она так далеко, что они наверняка нас догнали бы. Это придало бы нашим с ними отношениям определенной живости, но

она не сулила ничего хорошего ни Геку, ни уж тем более мне.

— Вяжи как следует, негр, да покрепче, — напутствовал меня Король.

— Да, сэр.

— Ты ведь не думаешь бежать, а, Джим? — спросил он.

— Нет, сэр.

— Если тебя спросят, чей ты, что ты ответишь?

— Ваш, сэр.

— Превосходно.

— Ну что, мы готовы? — спросил Герцог.

— Пошли, — ответил Король. — Мальчик, вы с моим рабом идите впереди.

И мы пошли. Мы продирались сквозь кусты, пока не наткнулись на звериную тропку, а потом вдруг очутились на проезжей дороге. Я постарался как можно точнее запомнить и тропку, и перепутье. Я не хотел, чтобы мы заблудились, пытаясь попасть обратно, но не хотел и делать метки. Нам встретился высокий платан, на его толстом суку виднелись следы от веревки. Я с замиранием сердца вспомнил о Джордже-младшем.

— Что с тобой, Джим? — спросил Гек.

— Ничаво, — ответил я.

— Люблю я проселки, — признался Король. — Есть в них что-то такое — воздух, простор.

— Все дороги одинаковы, — возразил Герцог. — Они ведут тебя куда-то, потом уводят откуда-то и снова ведут куда-то.

Мы вышли на задворки домов на окраине городка. Вокруг не было ни души.

— Городишко как вымер, — заметил Герцог. — Промышляй я другим мошенством, ограбил бы дом-другой.

— Нехорошо это, — возразил Гек.

Тут Король заметил шагавшего посреди улицы человека.

— Сэр, позвольте вас побеспокоить!

Человек смерил Короля взглядом.

— Не могли бы вы мне сказать, куда подевались все добрые люди этого городка? Здесь что-то уж слишком тихо.

Я, как обычно с недавних пор, первым делом испугался, что незнакомец слышал о моем побеге.

— Это ваш негр? — спросил он.

— А то чей же, — ответил Король. — Свет не видал такого дрянного раба, однако он мой. Только еду и воздух зря переводит.

— Так где все? — спросил Герцог.

— На молитвенном собрании. Какой-то хрыч-

проповедник совершенно заворожил их исцелением и прочим. Шут он чертов, вот вам и весь мой сказ. Легковерное дурачье так и сыплет монеты в корзины.

Он не отрываясь смотрел на меня.

— Я вижу, вам понравился мой раб, — сказал Король. — Быть может, вы хотите мне что-то предложить?

— Вы же сами назвали его дрянным.

Гек собрался было возмутиться, но я бросил на него взгляд.

— Дрянной, но не вовсе же никудышный, — ответил Король.

— Не нужен мне раб. Фермы у меня нету. Лавки тоже. Я обычный старик. — И незнакомец, занятый собственным жалким жребием, направился прочь, бормоча под нос: — Вся моя жизнь не стоит кучки дерьма. К чему мне кормить лишний рот?

— Молитвенное собрание? — У Герцога разгорелись глаза. — Если не возражаете, уважаемый компаньон, я выкину штуку над теми, кого мы с вами сейчас увидим.

— Пожалуйста, не стесняйтесь, хоть это моя компетенция, — ответил Король.

По дороге к окраине города Гек сказал Королю:

— Вы правов не имеете рассуждать о продаже

Джима.

— А не заткнулся бы ты, малый.

— Почему тогда у вас нету акцента?

— Чего ты лопочешь, мальчик?

— Говорите вы не как француз. Вы вообще умеете по-французски?

— Я не из тех, кто станет бахвалиться, мальчик. Не хочу подавать дурной пример. К тому же французский — язык очень сложный. И если б тебе довелось услышать французскую речь, она так поразила бы твой слух, что ты вряд ли б уже оправился. Вот почему я пускаю ее в ход очень редко и с осторожностью.

На лугу на вершине холма собралось, наверное, триста с лишним белых. Некоторые дамы принесли с собою складные стульчики и сидели под солнцем, вязали на спицах или вышивали, проворно орудуя иголкой. Некоторые из молодежи разбрелись по парочкам, спрятались за деревьями, целовались и обнимались. Перед толпой устроили приземистый навес, под которым стоял высокий дородный господин весь в белом. По бокам от его величественной фигуры расположились двое помощников, ростом гораздо ниже, но тоже в белом. Великан вопросил громоподобным голосом:

— Где же наш следующий грешник?

Две дряхлые старушенции подвели к нему третью, еще более дряхлую, и встали перед великаном.

— Что мучит тебя, сестра?

— Она еле ходит, — ответила одна из женщин. — Если ветер дунет сильней, то унесет ее, как листок.

— Она одною ногой шагает таково широко, а другою узко, — пояснила вторая старуха, поддерживавшая больную.

— Которая из ног короче, милые? — спросил проповедник.

Две старухи посовещались.

— Вон та. — Одна из них указала на правую ногу своей подопечной.

Великан хлопнул огромной ладонью по голове больной.

— Господи! — Он примолк. — Как твое имя, сестра?

— Дженет Бут, — ответствовала старуха.

— Господи! У Дженет Бут разные ноги. Иисусе, Господи, Боже всемогущий, Дженет Бут нуждается в том, чтобы дух Твой прозвучал в ней, укрепил ее плоть и выровнял ее ноги. Исцелись! Дженет Бут, исцелись! Прими Иисуса Господа нашего

Христа всемогущего в свое огромное сердце.

Дженет Бут чуть выдвинула левую ногу вперед, потом вскинула ее высоко и опустила со стуком.

— Молодец, Дженет Бут. Сделай еще шаг. Ступай ровно, сестра. Ступай ровно.

Дженет Бут, припадая на одну ногу, направилась прочь от проповедника, потом развернулась и устремилась обратно. Правой ногой она делала широкий шаг и подтягивала к ней левую.

Люди зааплодировали. Кто-то из женщин запел. Некий мужчина издавал невнятные звуки губами и неестественно длинным развевающимся языком. Какая-то пышка лишилась чувств.

Верные помощники проповедника, коротышки в белом, обходили толпу с корзинками, а слушатели, как и описывал тот старик, расставались с деньгами так, будто терпеть их не могут.

— Божечки, да это же золотая жила, — сказал Герцог. — Смотрите, что я сейчас сделаю, старина.

— А тут у нас кто? — спросил проповедник. — Неужели тоже недужный и обездоленный грешник?

— Все они отпетые жулики, — шепнул Гек, подавшись ко мне.

— Так и есть, — согласился я.

Герцог вскинул руки.

— Нет, преподобный, я хоть и грешник, но здесь по другому поводу. Ваше собрание меня воодушевило, изумило, я бы даже сказал, ошеломило. Оно растрогало меня до слез. Под вашим скромным навесом, без сомнения, собрались достойные люди.

— Что ж, спасибо тебе, незнакомец, — ответил проповедник.

— Я вспомнил молитвенное собрание, которое спасло мне жизнь. И совершенно меня изменило. — Герцог стоял рядом с проповедником перед толпой, и сейчас все внимание было приковано к нему. — Видите ли, друзья мои, раньше я был худшим из людей. Я был пиратом.

Собравшиеся ахнули.

— Я бороздил моря и океаны, грабил, и убивал, и творил прочие мерзости, о которых приличные люди не говорят.

— Где тогда твой попугай и твоя глазная повязка? — крикнули из толпы, и раздался взрыв смеха.

— Было, все у меня было, братья и сестры. И повязка была, вот на этом глазу, но Господь, подобно тому, как ныне уврачевал одну из вас, вернул зрение моему омертвевшему глазу. — На этих

словах все притихли. — Я был дурным, дурным человеком. Но потом я попал на молитвенное собрание вроде этого, белый шатер как облако, и нашел Господа Бога, всемогущего Иисуса Христа, нашего Спасителя.

— Ох и шельма, — шепнул мне Гек.

— Да уж, надоть отдать ему должное, — шепнул я в ответ и обвел взглядом собравшихся, чтобы понять, какое впечатление произвел на них Герцог.

Они жадно ловили каждое его слово. А потом я заметил кое-что странное, то, что мне следовало бы заметить сразу же. В толпе не было негров. Не было рабов. Я вспомнил отметины на ветке того платана, и у меня от испуга засосало под ложечкой.

А Герцог все разливался:

— Я много где побывал, много кого повидал, и язычников, и безбожников, и распутниц, и шлюх, и шулеров, и законченных нечестивцев. Но на том собрании под белым облаком шатра Господь наш Иисус вдохнул в мои легкие дивный дух Свой, и оставил я пути свои блудные, и решил посвятить жизнь мою превращению язычников, безбожников, игроков, нечестивцев и шлюх в добрых богобоязненных христиан, любящих

Иисуса.

Толпа захлопала, заголосила.

— Возьмите хотя бы этого моего негра, — продолжал Герцог, указывая на меня. — Он был дикарем с Борнео. Я нашел его, когда он обгладывал кости незадачливого миссионера, моего предшественника. А посмотрите на него теперь — и вы увидите, что он сияет светом Христовым. Конечно, при ярком свете этого толком не разглядеть. Поди-ка сюда.

Я повиновался, оставив Гека стоять где стоял.

Герцог возложил руку на мою голову.

— Доводилось ли вам наблюсти, чтобы от негра исходило такое сияние? — спросил он. — И ведь нипочем не скажешь, что перед вами раб. А все потому, что он раб Божий.

И тут незавидная роль, которую негр играет в мире белых, сослужила мне добрую службу: Герцог забыл мое имя и представил меня как Цезаря.

— Этот вот Цезарь — пример моего положительного влияния, влияния Господа. Разве ты не поможешь мне спасти прочих безбожников, язычников и нечестивцев этого мира? — Он кивнул Королю.

Король раскрыл мешок и протянул Геку.

— Иди, малый, собирай деньги. — Гек взял мешок. — Да не торопись, — напутствовал его Король. — Обходи людей не спеша, пусть им станет неловко перед соседями.

Герцог же продолжал:

— А пока вы роетесь в карманах в поисках вспомоществования, мой компаньон по проповеди христианства развлечет вас пиеской этого англичанина Шекспира. Вы про него слыхали наверняка, про этого барда из Старого света: он пишет стихотворения, драмы и прочее в этом роде. Мистер Блажуотер?

Король бросил на Герцога тяжелый взгляд. Вышел вперед, встал перед толпой, набрал в грудь воздуху. Блики плясали на его лысине.

— На что годится его мясо? Рыбу удить на него! — произнес Король басовитее прежнего. — Пусть никто не насытится им, оно насытит месть мою. Он меня опозорил, помешал нажить мне полмиллиона, смеялся над моими убытками, глумился над моими барышами, поносил мой народ, препятствовал моим делам, охлаждал моих друзей, горячил моих врагов, — а все почему? Потому что я еврей. Да разве у еврея нет глаз?[5]

---

[5] Примечания: 5

У. Шекспир “Венецианский купец”. Перевод И. Мандельштама.

Герцог поморщился, подался к Королю и прошептал:

— Еврей? Что вы несете?

— Это единственный отрывок, который я знаю наизусть, — так же шепотом ответил тот.

— Ну и плохой отрывок.

— Что ж, попробую другой, — сказал Король, откашлялся, тряхнул головой, обвел взглядом растерянную публику.

— Скажи, кто та, чья прелесть украшает танцующего с ней? Она затмила факелов лучи! Сияет красота ее в ночи, как в ухе… как в чьем-то ухе жемчуг несравненный, редчайший дар, для мира слишком ценный, как белый голубь в стае воронья…[6]

— Он сказал, что он еврей? — выкрикнули из толпы.

— Я сам слышал, — ответили ему.

— Вы должны понимать, — вмешался Герцог, — что эти строки из пьесы должны были распоясать чресла вашего ума.

Тут великан-проповедник в белых одеждах снова шагнул вперед, явно раздраженный тем, что у него вырвали инициативу. Он увидел воз-

---

[6] Примечания: 6

У. Шекспир “Ромео и Джульетта”. Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

можность вернуть себе власть.

— Но он совершенно ясно сказал, что он еврей.

— Нет, это сказал Шекспир, — возразил Король.

— Шекспир был евреем?

— Нет, евреем был Шейлок.

— Какой еще Шейлок, черт побери? — спросил проповедник.

— Тот тип, который в пьесе произносит эту речь, — пояснил Король.

— Вы действительно были пиратом? — спросил проповедник у Герцога.

И явно пожалел об этом, поскольку Герцог сразу же попытался перехватить внимание публики.

— Вот он я, на палубе славного корабля “Виски Мэк” с капитаном Ахавом, он чудовище, и нога у него деревянная. Мы только что ограбили испанский галеон, забрали припасы, золото, а случившихся на борту женщин изнасиловали.

Женская часть публики ахнула.

— Сам я, прошу заметить, к этому не причастен, — добавил Герцог. — Я и в безбожниках был обходительным джентльменом. — Он оглядел женщин. — Сказать по правде, в лоно церкви меня вернуло столько же то молитвенное собрание, сколько и женщина. Ее звали Энни.

Одна-две женщины подались вперед, обратившись в слух.

— Ладно, хватит, — сказал великан. — Это все-таки моя проповедь.

К нам подошел Гек с полным мешком денег. Король забрал у Гека мешок, даже не заглянув туда.

— Разумеется, ваше преподобие, господин проповедник, я прошу меня извинить, но ваши прихожане уж больно приятные люди, меня так к ним и потянуло. Благодарю вас всех за содействие в моем миссионерском дерзании.

— Хорошо сказал, — прошептал Король.

— Эй, — крикнул плечистый малый, — этот ваш негр не похож на уроженца Борнео.

— А вы знаете, где находится Борнео? — поинтересовался Герцог.

— Нет.

— Вот и я не знаю, — сказал Герцог. — А этот несчастный негр знает, потому что оттуда родом. Правда, Октавий?

— Вы вроде бы говорили, его зовут Цезарь, — заметила женщина, сидевшая в первом ряду.

— Неграм в Борнео принято давать два, иногда и три имени, — вмешался Король.

— Я ни слову вашему не верю, — заявил плечистый. — Верните мне деньги.

Гек придвинулся ко мне. Странное решение, ведь я был единственным человеком, который никак не мог его защитить.

— Вруны! — заорала толпа. — Шарлатаны!

— А мы на этой неделе еще никого не повесили, — воскликнул некий мужчина.

— Тебе бы только вешать, — прикрикнула на него какая-то женщина.

— И что с того? — крикнул он ей в ответ. — Эти вруны заслужили.

Глава 21

Мы с Геком помчались к домам на окраине городка, да так быстро, что иной не успел бы выговорить “старина Бен Франклин”. Судя по беспокойному гомону за нашей спиной, Король с Герцогом поспешали следом. Я обернулся и увидел, что козырек навеса наполовину оторван, и это произвело существенное замешательство, поскольку навес сдуло в толпу. На окраине городка мы остановились, и я заметил, как запыхался Гек. Вдруг он отодвинулся от меня и направился в сторону.

— Что там? — спросил я.

Мальчик застыл перед витриной лавки: к стене был прибит плакат. Я взглянул на него и увидел нарисованное карандашом лицо чернокожего.

— А вдруг это ты, Джим, — сказал Гек.

Под рисунком было написано “БЕГЛЫЙ”.

— Но, может, и кто другой? — продолжал Гек. — Рабы ведь все время бегут.

— Боюся, что енто я, — ответил я. — А ежели нет, то оченно уж похож.

— Тут за тебя предлагают награду — триста долларов.

— Пошлите уже.

Я потянул Гека за собой. Краем глаза я заметил, что Король и Герцог остановились у того же плаката. У меня перехватило дыхание. Мысли мои устремились к бедному Джорджу-младшему у столба, изнывающему под плетью, к тем трем повешенным рабам, кого мне довелось видеть, и к рубцу на ветке придорожного платана. Я, опустив голову, припустил прочь, энергичнее, если и не быстрее, да еще с Геком в руках.

Я не говорил ни слова, только пыхтел и отдувался, пробегая между строений, стараясь оторваться как можно дальше не только от горожан, но и от наших августейших приятелей. Ведь для них я очередная пожива.

— Джим?

Я поставил мальчика на землю, чтобы перевести дух.

— Я боюсь, что Король и Герцог надумают тебя сдать за денежное вознаграждение. Тебе это в голову приходило?

Я посмотрел Геку в глаза, изобразил удивление.

— А ить вы правы. С них станется.

— Я видел, как они разглядывали тот плакат.

Мы стояли на той же дороге, по которой при-

шли в городок. Позади нас не было ни видно, ни слышно никого.

— Как думаешь, эти люди догнали Герцога с Королем? — спросил Гек. — Коли так, помогай им Бог.

— Не знаю, — ответил я, надеясь, что их и правда поймали.

— Что с ними сделают?

— Нам надо иттить.

Мы направились прочь; наконец я заметил уже знакомый платан.

— Откуда ты знаешь, что мы идем правильно? — спросил Гек.

— Чую.

Я побежал обратно на дорогу и ветками замел наши следы. Я практически не сомневался, что ни один, ни второй мошенник не запомнили эту развилку. Начался дождь, сперва легкий, потом достаточно сильный, и звериная тропа стала скользкой. То и дело поскальзываясь, мы скатились к реке и поискали плот. Не сразу, но мы нашли его. Герцог завязал с одной стороны такой узел, что не распутать. Гек, как ни бился, не сумел его одолеть, и я сам принялся за дело.

Тут из лесу донеслись сердитые крики и вопли. Я обернулся и отвязал тот конец веревки, кото-

рый крепился к плоту. Затащил Гека на плот и вытолкнул нас туда, где воды было по пояс. Когда Герцог и Король выбежали на берег и заорали нам, чтобы мы возвращались, мы уже выбрались на стремнину.

— Может, спасем их, Джим?

Невинное дитя.

— Ежли мы их спасем, они меня наверняка сдадут. Как по-вашему?

Гек задумался над моими словами.

— Пожалуй, ты прав. Но что с ними сделают горожане?

— Не знаю. Может, просто взымут с их штраф. А может, вымажут их в дегтю и обваляют в перьях. Не знаю.

— Но это же просто ужас.

— Ужас-то ужас, но они обворовывали людей. И еще врали. Не был он никаким пиратом.

— Да, но ведь людям это нравилось, Джим. Ты видел их лица? Наверняка они понимали, что им врут, но решили поверить. Что ты на это скажешь?

— Люди странные, что есть, то есть. Они принимают ложь, которая им по нраву, и отвергают правду, которая их пужает.

Река стремительно уносила нас прочь, остав-

шиеся на берегу становились все меньше и меньше.

— Я, наверное, тоже такой, — признался Гек.

— Как это?

— Я ведь вижу, как сильно ты скучаешь по своим, и все равно об этом не думаю. Я все время забываю, что ты все чувствуешь точно так же, как и я сам. Я же знаю, что ты их любишь.

— Спасибо.

В дождь мы не так волновались, что вышли на воду днем, а вскоре уже стало смеркаться. Дождь перестал, и мы разделись донага, чтобы высушить одежду.

— А ить я знавал вашу матушку, Гек.

— Правда?

— Да, она добрая была женщина. Жалко, что померла. И хоть она пробыла с вами недолго, но любила вас. Так и знайте.

Гек ничего не сказал.

— Я просто решил, что вы должны это знать.

— Она красивая была? — спросил Гек.

— Не знаю. Наверное. Рабу об таком и подумать страшно.

— Почему?

— Так уж водится.

— Как по-твоему, эта река красивая? — спро-

сил Гек.

— По мне — да, — ответил я.

— Тогда почему ты не можешь ответить, красивая ли была моя мама?

— Река ить не белая женщина.

— Ну а Сэди, твоя жена? Она ведь красивая. Ты же наверняка считаешь ее красивой.

— Так-то оно так, да я раб. Вы уж не забывайте об этом. Я не черномазый, но я раб.

— Она была добрая? — спросил, помолчав, Гек. — Уж об этом ты можешь сказать.

— Да, Гек, добрая. Мы тогда были совсем молодые.

— Вы дружили?

— Глядите-ка, — указал я.

— Господи боже.

На реке горел пароход. Пламя било высоко в небо. С бортов люди бросались в воду. Рядом кружили лодки, подбирали несчастных. Если кто и кричал, значит, ветер относил крики к противоположному берегу, поскольку мы не слышали ничего, и казалось, будто мы смотрим диковинный сон. С верхней палубы спрыгнул объятый огнем мужчина и шутихой ухнул в воду.

Глава 22

Если плывешь на юг между Миссури и Иллинойсом, то перед встречей с Огайо Миссисипи делает две широкие излучины, так что в какой-то момент, по сути, течет на северо-запад, потом опять поворачивает и вновь устремляется к югу. Больше всего мне хотелось скорее достичь Огайо. Теперь, когда оказалось, что, направляясь на юг, я не избавился от преследователей, мне нужно было добраться до Огайо, чтобы попасть на север. То, что мы плыли ночами, лишь замедляло наш путь. Тот, кто плывет днем и ночью, перемещается в два раза быстрее. Иными словами, Король и Герцог могут преодолеть то же самое расстояние за половину времени. Я обращаю внимание на этот факт, потому что именно так и случилось.

Мы спрятались, поспали под солнцем, а когда вышли из своего дневного укрытия, увидели Герцога и Короля, они сидели на нашем плоту и поджидали нас.

— Никак это Гекльларри и его негр, — сказал Герцог.

— Гекльберри. Как вы здесь оказались? — спросил Гек.

— Мы же воры, — ответил Король. — Мы украли лодку. — Он указал на ялик, привязанный к ивняку.

Новая встреча с ними показалась мне дурным сном. Они появились словно из ниоткуда, самоуверенные и очень довольные собой.

— Как вам удалось убежать от толпы? — спросил Гек.

— Мы юркнули в лавку и подождали там, — пояснил Герцог.

— Подождать никогда не мешает, — добавил Король.

— Вот именно. — Герцог взглянул на холм, высившийся за нами. — Я на вашем месте не пытался бы убежать. Тут рядом есть дорога, а ну как я крикну "беглый". — Он достал из кармана бумагу, развернул ее и показал нам с Геком мой портрет. — "Беглый". Какое гадкое слово. Не так ли, Дельфин?

— Дофин, До-фин, Блажуотер.

— Бриджуотер. — Герцог взглянул на меня. — В общем, мы с Королем придумали новое дельце.

— Какое? — спросил Гек.

— Мы займемся работорговлей, — пояснил Герцог.

Оба расплылись в улыбке.

— Это просто прекрасно. Смотри, вот мы продаем Цезаря. Он бежит, и мы продаем его снова. Он и без того беглый, так что какая разница. От мертвого проку нет. Линчевать можно лишь однажды, а продать мы тебя можем много раз.

— Это гениально, я сам это предложил, — сказал Герцог.

— Вообще-то индея была моя, — возразил Король.

— Вы не способны предложить хорошую индею, даже если она забредет к вам в голову. Вы за всю жизнь не предложили ни одной хорошей индеи.

— Вы меня знаете два дня от силы, — запротестовал Король.

— И за все это время…

— Слушайте, Блажуотер…

Я ткнул Гека локтем, и мы попятились было, но Герцог заметил и покачал головой.

— Даже не думайте.

— Он не ваш раб, — сказал Гек. — А мой. Ни один из вас не имеет на него права.

— Видишь ли, парень, ты несовершеннолетний, а закон штата гласит, что у несовершеннолетнего рабов быть не может, — сказал Герцог.

— И по нашей легенде он принадлежит мне, — добавил Король. — По той легенде, которую мы

сочинили, а вы от нее отступили. Нет ничего хуже подельников, отступающих от легенды. Если бы нас спросили, надо было отвечать, что негр мой. Следовательно, я им владею. А владение — девять десятых закона.

— Что это значит? — спросил Гек.

— Если по легенде Цезарь мой, значит, и в жизни он тоже мой.

— Вдобавок он убежал от нас, а мы этого не потерпим, — подхватил Герцог и снял кожаный ремень. Я, разумеется, усмотрел в этом дурной знак и инстинктивно шарахнулся от него. — Видите, вот он опять. Он, наверное, по натуре своей беглец. Ну, от этого не убежишь. Скидывай штаны, негр.

— Он этого делать не станет, — воскликнул Гек и выпрыгнул передо мною.

Герцог оттолкнул Гека, тот неуклюже упал и расплакался. Я двинулся было к нему, но Король преградил мне путь.

— Понятно. — Герцог улыбнулся. — Я тебе так скажу: я могу выпороть тебя или выпороть этого парня. Что ты выберешь, негр?

— Лупцуйте меня, — сказал я. — Но штаны я не скину.

Герцог взмахнул ремнем и хлестнул меня по

икрам. Больно. Он засмеялся и снова меня ударил. Я не дрогнул.

— Видели? — сказал Король. — Видели, спрашиваю? Они даже чувствуют не по-людски.

— Все он чувствует, — возразил Герцог.

И снова меня хлестнул. Снова. Раз десять по ляжкам. Я чувствовал, как рвется плоть. От жгучей боли я упал на колени. Герцог взопрел. Гек плакал.

— Не переусердствуйте, — предостерег Король. — Нам его еще продавать. А если он будет весь в рубцах, нам за него не дадут и десяти центов.

— Черт побери, — сказал Герцог. — Все люди как люди, а он даже боли не чувствует. Не то что мы. Его следует проучить, да так, чтоб запомнил. Чтобы знал наперед, как бежать. С этими тварями по-другому нельзя.

— Прекратите! — выкрикнул Гек.

— Мне хватит сил и тебя протянуть, — пригрозил Герцог.

Гек поймал мой взгляд, умолявший его отойти.

Глава 23

В тот день мы остались на берегу: река была бурная, неспокойная. Король заявил, что с такими волнами его обязательно укачает. Король и Герцог отлеживали бока, пока мы с Геком ловили рыбу. Ни один, ни другой не прятались, не боялись, что их увидят. Для нас с Геком это было непривычно. Мальчишка и негр — зрелище подозрительное, а два белых мужчины и негр — самое обыкновенное.

Мы с Геком таскали сомов, а эти двое трепали языками.

— Никогда не видел, чтобы два человека говорили так много и сказали так мало, — заметил Гек.

— Можно подумать, они проповедники, — произнес я.

— А знаете, Блажуотер, чего бы мне сейчас хотелось?

— И чего же, Дельфин?

— Выпить. Нет, конечно, я сам проповедовал трезвость среди благородных дам Иллинойса, но как же славно, когда по телу разливается приятная теплота, какую может тебе подарить только

большая круглая бутыль бурбона.

— Как ни тяжко мне соглашаться с вами, однако из чистой принципиальности я вынужден это сделать. Когда прибудем в следующий городок, так сразу пойдем в салун, — сказал Герцог.

— Следующий городок. Он занятный и годится для нашего плана. Тут поблизости есть городишко наполовину в Миссуре, наполовину в Иллинойсе. То есть там непонятно, кто откуда пришел и куда ушел. Вот я и подумал, что можно было бы с одного его краю нашего негра продать, а с другого — устроить ему побег.

— Такой городок по мне. Сейчас бы еще покурить.

Король замурлыкал себе под нос мотивчик, а потом пропел:

— Если б виски мне вместо крови, вместо воздуха дым табака, я бы всю жизнь пробе́гал, но далёко не умахал.

— Если б дамы меня любили так же сильно, как я их люблю, я тогда бы… я тогда бы… забыл, как там дальше, — сказал Герцог.

— Жаль, — ответил Король. — А так хорошо начиналось.

— Как по-вашему, удастся нам провернуть здесь наше дельце? — спросил Герцог.

Король притворился, будто затягивается воображаемой сигарой.

— Пожарь еще одного сома, — велел он, посмотрев на меня.

Я отвел взгляд.

— Что-то с тобой не то, Цезарь, — продолжал Король.

— Его зовут Джим, — поправил Гек.

— Один черт. — Король отмахнулся. — Цезарь, Джим, Эйприл, Бойбой, Мандинго, без разницы. Я тебе так скажу: попробуешь убежать, получишь сильнее, чем в прошлый раз. Не то с тобой что-то, — повторил он.

Путь до города выдался долгим. Рабы, в основном женщины и дети, выкапывали картошку и бросали в мешки. На моих глазах крошечная старушонка волочила по полю мешок размером с нее саму. Как ни печально, однако, увидев их, я успокоился, будто это и есть картина нормальной жизни. Я заметил, что прихрамываю из-за порки, которую устроил мне Герцог. Он шагал позади, Король — впереди.

— Иди прямо, — сказал Герцог. — Парень, я с тобой разговариваю.

Я оглянулся на него.

— Сэр?

— Ты припадаешь на обе ноги. Не хромай. Кто мне даст хорошую цену за калечного негра?

Я постарался идти ровно.

Король махнул рукой.

— К югу от этой дороги весь городок — Миссура. Вроде то же, да с изъяном. Думаю, мы можем провернуть в этом городишке дельце-другое одновременно. Я, кстати, гадать могу.

— Это всегда хорошо, — согласился Герцог. — Только ту речь больше не говорите. И вторую тоже.

Мы остановились возле таверны. Изнутри неслись звуки расстроенного пианино. Герцог потрепал Гека по щеке.

— Слышь, парень, мы пропустим по маленькой, а вы с негром подождете нас тут. Не в сторонке. — Он указал пальцем. — И не там. А вот тут. — Он обвел нас взглядом. — Где вы будете?

— Вот тут, — ответил Гек.

— Потому что, если вас тут не будет, я вам покажу, что есть кое-что пострашнее смерти. Поняли?

— Поняли, — сказал Гек.

— Идемте, Дельфин.

Они вошли в салун. Гек посмотрел на меня.

— Может, сбежим?

— Ежели мы убегем, они нас догонют, вас отлупят, а меня повесют. — Я обвел взглядом пустынную пыльную улицу. — С такой ногой далёко не убегешь. Да и от реки мы шагали долгонько.

— Можно просто сбежать на другой конец города, — предложил Гек.

— Всё едино. Штат свободных, штат рабов. Разницы нет, один конец али другой.

— Не нравятся они мне, — сказал Гек.

— Мне тоже, — согласился я.

Мы долго сидели, где нам было велено — на крыльце сбоку салуна. В бар вошли двое-трое мужчин, но на нас никто не взглянул и даже, кажется, не заметил.

— Что, если тебя продадут, а вернуться ты не сумеешь? — спросил Гек. — Что нам тогда делать?

— Тогда у меня будет другой хозяин. Может, будет бить, может, нет. Жизнь моя не сильно-то переменится.

— Не нравится мне это, — сказал Гек.

Я пожал плечами. Задумался над нашим положением.

— Ежели мы отыщем короткий путь до реки, тогда, может, и убегем.

— Но как нам это узнать? — спросил Гек.

— А вы расспросите кого, — посоветовал я.

— Пожалуй и расспрошу.

И пока мы так рассуждали, из бара вышел мужчина. Прислонился к стене и уставил на нас невидящий взгляд. Мужчина был пьян.

— Эй, ты же негр, — сказал мужчина. — Так почему не копаешь картошку? — Он икнул. — А хотя правильно. Даже негры имеют право посидеть отдохнуть. — Он хохотнул. — Впрочем, полная чушь.

Я ткнул локтем Гека.

Гек посмотрел на меня, потом на пьянчужку и наконец сообразил.

— Эй, мистер!

— Да, молодой человек?

— Не подскажете ли, как быстрее пройти к Миссисипи?

— Река Миссисипи, — произнес мужчина. — Большая Грязища, Большая Река, Старушка Река, Старая Синь. На что тебе река, сынок? Она мокрая, большая, глубокая. Там я потерял жену и все деньги на пароходе, что звался “Честер”. Река Миссисипи. Кому нужна эта река?

— Мне, — ответил Гек.

— Собрание вод. Миссисипи. Кому нужно знать?

— Мне, мистер.

— Это твой раб? — спросил пьяница.

— Да, — ответил Гек. — Река. В какой она стороне?

— Да на что она тебе?

— Мы хотим наловить сомов.

Пьянчужка закрыл глаза и запрокинул голову.

— М-м-м, сомы. Это дело хорошее. Я их знатно готовлю. Принеси мне сома — и я пожарю его как надо. Я люблю их обжаривать на свином сале. Ты не против?

— В какой она стороне, мистер?

— Что в какой стороне?

— Река, Миссисипи.

— У тебя есть ножик? Чтобы почистить рыбу, тебе понадобится ножик.

— Да, у меня есть ножик, — ответил Гек. — Мистер, скажите, пожалуйста, в какой она стороне?

Пьяница молча указал на север.

— Даже ежели мы короткой дорогой и выйдем к реке, — заметил я, — без плота нам там делать нечего.

— Можно украсть лодку, — предложил Гек.

Я лично не видел беды в том, чтобы украсть лодку, если на ней удастся уплыть от этих типов в Огайо, но все-таки я понимал, что это вряд ли возможно. Если меня поймают, считай, моя пе-

сенка спета. От кривых деревянных ступенек у меня затекла задница.

— Надоело мне здесь сидеть, — сказал Гек.

Пьяница очнулся.

— Значит, вам нужно к реке.

Мы с Геком посмотрели на него.

— Да, так это сюда. — Он опять указал на север. — И туда. — Он указал на восток. — И туда. — На запад. — Если подумать, то к ней не ведет только эта дорога. — Он указал на юг, но палец его уткнулся в стену таверны. — Разумеется, я не имею в виду этот салун.

— Понятно.

— Бабушка всех вод.

— Да, сэр.

Пьяница развернулся, прислонился к стене и захрапел.

— Спит? — уточнил Гек.

— Вроде как, — ответил я. — Ежели нам и бегти, так только той же дорогой, какой мы сюда пришли. Там и плот наш.

— Ты же сам говорил, это далеко.

— Да, но мы же не знаем, сколько иттить до реки сюда или туда. От этого белого не было толку, но это он объяснил. Знакомый путь завсегда короче незнакомого.

— Пожалуй, ты прав, — сказал Гек и посмотрел на спящего. — Знаешь, Джим, сегодня у меня уже не хватит сил бежать.

— И то правда.

Я ощупал израненную ногу. Штанины липли к крови, раны горели. Геку я этого не сказал, но сам чувствовал, что бежать смогу. Бежать я всегда смогу. Но побег и спасение — не одно и то же. Я мог бы, подобно Джосайе, бежать и опять возвращаться туда, откуда пришел, снова и снова. Плана у меня пока еще не было, однако я понимал, что он необходим. Мне пришлось задать себе вопрос и ответить на него честно: “Насколько сильно я хочу стать свободным?” И нельзя было упускать из виду мою цель — освободить родных. Без них какая свобода?

Глава 24

Мы с Геком задремали на крыльце. После недолгого сна моя решимость бежать только окрепла, и, если бы у меня на плече не покоилась голова Гека, приковавшая меня к месту, я, пожалуй, утек бы один. Но не успел я об этом задуматься, салунная дверь распахнулась и вышли Король и Герцог.

— Смотрите-ка, — сказал Герцог. — Спят как младенцы.

— Нежится негр, разморило раба, — произнес Король так, будто декламировал Шекспира. — Спит собственность. — Он был пьян и гордился своим каламбуром.

— Заткнитесь, — отрезал Герцог. — Бармен сказал, тут поблизости есть нумера.

— А с этими что? — Король указал на нас.

— На конюшню. Мы оставим их на конюшне.

И Герцог направился прочь посередине улицы. Уже стемнело. Кое-где в окнах горели лампы. Конюшню мы отыскали на другом конце городка. Король позвонил в колокольчик, и вышел старик негр.

— Где конюх? — спросил Герцог.

— Я он самый и есть, — ответил старик.

— Как тебя звать, малый?

Старик потер глаза и ответил:

— Звать меня Пасхою.

— Ты родился на Рождество?

— Нет, сэр. Я родился на Пасху.

Король с Герцогом рассмеялись.

— У тебя здесь найдется цепь с кандалами? — спросил Герцог.

— Найдется.

— Ну так заклепай в них моего раба, чтобы мы пошли спать.

Старик посмотрел на меня, я согласно прикрыл глаза. Я чувствовал, что Гек наблюдает за нашим безмолвным диалогом.

— Не надо его в кандалы. Джим никуда не сбежит.

— Разумеется, не сбежит, если на нем кандалы, — сказал Король.

— Закрой их, а ключ дай мне, — велел Герцог.

Старик ушел искать то, о чем его попросили.

— Ты хочешь что-то сказать, негр? — спросил меня Герцог.

— Нет, сэр, — ответил я.

— Вот и славно.

Вернулся Пасха.

— Куды их, сэр?

— Клепай на эту вот ногу. Которая в крови.

— Да, сэр. — Пасха опустился на колени и надел мне на щиколотку железное приспособление. Меня охватил ностальгический ужас. Я уже и забыл, когда меня в последний раз заковывали в кандалы, но тело мое вспомнило это чувство. Если когда я и был на грани побега, так в эту минуту.

Гек дрожал.

— Не надо.

— Ключ. — Герцог протянул руку, Пасха опустил в нее ключ. Герцог засунул ключ в кармашек своей жилетки.

— Спокойной ночи, — сказал Король.

Они направились прочь. Гек от злости готов был на них наброситься. Я удержал его за плечо. Пасха наблюдал за нами.

— Уж не взыщите, — сказал он.

Я кивнул.

— Ненавижу их, — сказал Гек.

Пасха взглянул на меня и вопросительно кивнул на Гека.

— Он нормальный, — заверил я.

Пасха сунул руку в карман и достал ключ.

— Без цепи всяко спать слаще.

Гек рассмеялся.

— Два ключа?

— Есть у меня подходящий ключ, который подходит к этому замку. Идите туда да поспите на сене. А утром я вас закрою.

— Спасибо, Пасха, — сказал Гек.

Старик улыбнулся.

— Подумать только, белый сказал спасибо негру. Ха-ха. Что дальше-то будет.

— Подумать только, — повторил я.

Мы с Геком подошли к вороху сена. Мы устали до смерти, но, по счастью, не умерли. Паренек мгновенно уснул. Я утомился не меньше Гека, но не сомкнул глаз. Я ни о чем не мог думать, кроме как о побеге.

— С такою ногой ни от кого не убежишь, — сказал Пасха.

— Тут вы правы, — сказал я, наклонился и посмотрел в лицо Гека. — Он крепко спит.

— Как вас зовут?

— Джим.

— Рад знакомству.

— Взаимно. Спасибо за помощь.

Пасха пожал плечами.

— Ежели от нас чего требовается, так мы потрафляем.

Мы рассмеялись.

— Скажите, Джим, кем приходится вам этот мальчик?

— Он мой друг, — признался я и сам подивился такому ответу, а Пасха, должно быть, удивился ему еще больше. — Он пытается помочь мне сбежать.

Пасха посмотрел на Гека.

— Гм…

— Что?

— Белый мальчик?

— Что вы имеете в виду?

— Он же белый? — уточнил Пасха.

— Посмотрите на него.

— Я в этом лице вижу много чего. Я вижу…

— Вода у вас есть?

— Ведро вон там.

Я встал и направился к бочке с водой. Умыл лицо, напился из пригоршни. Посмотрел сквозь открытые двери сарая на темную дорогу, ведущую из городка, и вернулся на свое ложе из сена.

— Не сердитесь, — сказал Пасха. — Просто не забывайте: белые не видят того, что видим мы. Не могут — или не хотят.

Я кивнул.

— Я сейчас потушу фонарь, — предупредил старик.

— Хорошо.

Он погасил свет и удалился на зады конюшни. Гек шевельнулся рядом со мною.

— Пасха ушел? — спросил он.

— Да, ушедши.

Гек сел.

— Ты мне не доверяешь, да, Джим?

— Ну конечно же доверяю. А почему вы спрашиваете?

— Я слушал ваш разговор с Пасхой. Ты говорил не так, как говоришь со мной.

Я промолчал.

— Почему, Джим? Я думал, мы с тобой друзья. Я думал, ты мне доверяешь.

— Я доверяю вам, Гек. Разве же вы не видите? Я вам жизнь свою доверяю.

— Я буду спать дальше, — сказал мальчик. — Только вот что…

— Да?

— Я понимаю, почему ты так разговариваешь.

— Что вы имеете в виду? — уточнил я.

— Я имею в виду, что это разумно.

Я вгляделся в его лицо. Гек говорил с закрытыми глазами, как будто боролся со сном, но явно проигрывал. В этом лице было столько всего.

— Вы сообразительный мальчик.

— Спокойной ночи, Джим.
— Спокойной ночи, Гек.

Глава 25

— Что за черт?

Чей-то голос кошмаром рассек мое забытье. Это был Герцог. Он высился надо мной, лежащим на ворохе сена. За его спиной стоял Король.

— Как звать этого старого негра? — спросил Герцог.

— Пасха, — сказал Король.

— Пасха! — рявкнул Герцог. — Пасха, а ну тащи сюда свою черную задницу!

— Пасха! — вторил ему Король.

Шаркая, подошел Пасха.

— Сэр?

— Что ты скажешь об этом? — спросил Герцог.

— Божечки, — сказал Пасха. — Это как же он так выпростался?

— Я тебя об этом спрашиваю, — сказал Герцог.

— Это я сделал, — вмешался Гек. — Не хотел, чтобы Джим спал в кандалах.

— И как же ты их снял? — поинтересовался Король.

— Они сами соскользнули.

— Значит, их закрепили плохо, а, Пасха?

— Сэр, вы же сами видели, как я их крепил.

Герцог сорвал кнут с гвоздя на столбе.

— Но он ведь не убежал, — сказал Гек.

По глазам Герцога я догадался, что на этот раз он избрал мишенью не меня. Я посмотрел на Пасху и увидел во взгляде его испуг.

— Нет, — произнес я.

Герцог уставился на меня. Король уставился на меня. Гек уставился на меня. Но пристальней всех на меня уставился Пасха. Я же сказал “нет”. Герцог мигом забыл о Пасхе и впился взглядом в меня.

— На этот раз, парень, я вздую тебя на обе корки. Ну-ка, Король, привяжите этого раба вон к тому столбу.

Король огляделся в поисках веревки.

Но Герцог не забыл и о Пасхе. Свистнул кнут, и Пасха свалился на пол. Кнутовище хлестнуло его по груди и плечу. На тонкой коже раба сразу же выступила кровь.

— Проклятье! — выкрикнул кто-то. — Пасха! — В конюшню вошел мужчина и опустился на колени возле раба. — Кто ударил этого человека?

— Я, — признался Герцог.

Вошедший был крупный и белый — белые волосы, белая борода, весь белый.

— Пасха — мой раб, — сказал он. — Кто вы

такой, чтобы его бить? — Он впился в Герцога взглядом и вырвал у него кнут. Великан нависал над Герцогом.

Я заметил испуг в лице Герцога, и, признаться, мне это понравилось. Взгляд у него был точь-в-точь как у Пасхи. Король попятился.

— Он ночью выпустил нашего раба, — сказал Герцог.

— Этого вот раба? — незнакомец указал на меня.

— Этого самого.

— Да вот же он. Никуда не убежал.

— Джим не его раб, — вмешался Гек. — Он принадлежит мне.

— Мал ты еще, — сказал ему великан.

— Не слушайте этого мальчика, — сказал Герцог. — Он не в своем уме. Вообразил, что они с этим негром друзья.

Белобородый тряхнул головой, то ли раздраженно, то ли озадаченно.

— Я знаю одно: вы били моего Пасху. Вы не имели права.

— Простите меня, мистер…

— Уайли.

— Мистер Уайли.

— Как ты себя чувствуешь, Пасха? — спросил

Уайли, снял с него рубаху и осмотрел рану. — Это нехорошо, — сказал он. — Это вовсе нехорошо. Как теперь прикажете ему работать? Скажите-ка. Вы кузнец?

Герцог ответил, что он не кузнец.

— А этот ваш раб что-то смыслит в ковке?

— Джим на все руки мастер, — вставил Гек.

— Это правда? — спросил Уайли, посмотрев на меня.

— Пожалуй, коня подковаю, — подтвердил я.

— А подкову скуешь?

— Могем и енто, пожалуй.

— Да, но, видите ли, мы в городе вашем проездом, — подал голос Король.

— Ну так и ступайте себе вместе с мальчиком куда вам угодно. А этот негр будет работать здесь, пока в нем не исчезнет нужда.

— Не думаю, — возразил Герцог.

— Тогда пусть шериф нас рассудит, — предложил Уайли.

— Мне не следовало бить вашу собственность. — Герцог взглянул на Пасху. — И я ужасно об том сожалею. У нас дела в соседнем городке. Мы покончим с ними и вернемся за нашим рабом.

Уайли кивнул.

Герцог бросил на меня тяжелый взгляд, будто

это я всему виной.

— Мы вернемся, — сказал он и произнес беззвучно: — Не смей бежать.

Гек подошел и встал рядом со мною.

— Ты это чего удумал? — спросил его Уайли.

— Я остаюсь с Джимом.

— Еще не хватало, — сказал Уайли. — Ты пойдешь с ними.

— Но я их даже не знаю, — сказал Гек.

— Ну конечно ты знаешь своего старого дядюшку, — возразил Герцог. — Давай не будем опять играть в эти игры. — Он схватил Гека за руку. — Ты пойдешь с нами.

Уайли так бережно поднял старика Пасху с пола, что я невольно обратил на это внимание. Герцог подался ко мне и прошептал зловеще:

— Мальчишка у нас, так что вряд ли ты убежишь.

Глава 26

Все трое, два взрослых мужчины и мальчик, отправились прочь и скрылись за поворотом. Необычайно яркий утренний свет выглядел неуместно после всего, что было. Нас с Геком силою разлучили — событие неизбежное, но от того не менее болезненное и невероятное. Теперь я, временно или нет, попал в рабство к другому белому. Я не знал, где живет мой новый хозяин, — знал лишь, что у него есть еще как минимум один раб и что от меня требуется делать подковы и прибивать их к лошадиным копытам.

Уайли строго взглянул на меня и вдруг по-приятельски хлопнул меня по спине.

— Ну смотри, работай хорошо, и я стану обращаться с тобой хорошо. Верно, Пасха?

— В точности так, масса Уайли, — согласился старик.

— Пойду завтракать, — сказал Уайли и, направившись прочь, произнес в пустоту: — Так легко мне рабы еще ни разу не доставались.

Я посмотрел на Пасху.

— Он прав. Если бы у него не было рабов, я охотно признал бы, что старина Уайли — славный

малый.

— Если бы, — сказал я.

— Что тебя связывает с этим парнишкой? Ты учил его выдавать себя за белого?

— Что?

— Выдавать себя за белого, — повторил Пасха.

— За белого? Пасха, этот парнишка белее Уайли.

Пасха улыбнулся.

— Так малый не знает?

— Не знает о чем? — спросил я. — Я был знаком с его родителями.

Пасха покачал головой. Поморщился: отметина от хлыста причиняла ему боль. Он провел пальцем по ране.

— Сильно болит?

Пасха рассмеялся.

— А если даже и так, что с того? Уже ничего не попишешь. Ты-то мне чем поможешь? Да и бывают ли раны, которые болят несильно?

В словах его был резон.

— Что я должен здесь делать? — спросил я и взглянул на металлические прутья и наковальню.

— Ты должен к закату выковать три набора подков. То есть двенадцать штук. Работы уйма.

Ты ведь ничего не смыслишь в ковке, да?

— Вообще ничего.

— Ну да я все тебе подскажу. Сперва разведи сильный огонь и подбрось в него угля, да побольше, и чтоб раскалился как следует, как в аду. — Он указал на мехи и велел мне их раздувать. — Когда угли раскалятся докрасна, сунь в них прут, чтобы тоже раскалился докрасна. Придется чуть-чуть подождать.

Пока мы ждали, я весь вспотел. Жар от огня шел крепкий и неослабный, но он отвлекал меня от тревожных мыслей о Геке.

— Вверх по реке одного линчевали, — сказал Пасха.

— Мне больно об этом слышать.

— Угадай, за что?

Я угадывать не собирался, да Пасха этого и не ждал. Я вытер предплечьем лоб и посмотрел на него.

— За карандаш.

Ледяное копье вонзилось мне прямо под ложечку.

— За что?

— За карандаш. Представляешь? Раба обвинили в краже карандаша и повесили. Карандаша при нем даже не обнаружили. Зачем рабу карандаш?

Представляешь?

— Да уж, такое представить трудно. — Я ощущал карандаш, лежавший в моем кармане. Меня тогда поразил тот факт, что я думаю о нем как о чужом, а не моем личном карандаше.

— Жестокий мир. И белые еще уверяют нас, что, когда мы попадем в рай, там все будет замечательно. А они-то будут в раю, позвольте спросить? Коли так, мне, может, туда и не надо. — Пасха расхохотался.

Я засмеялся с ним.

— И тебя еще назвали Пасхой.

Я обвел взглядом железные прутья, которые мне предстояло превратить в подковы.

— Тут наскоро не управишься, — сказал я. — Вот и хорошо.

— Белые смотрят, как мы работаем, и забывают о том, что мы надолго остаемся наедине со своим мыслями. Работаем и ждем.

Я улыбнулся.

— Если бы они только знали, чем им это грозит.

— Они вряд ли даже догадываются, что мы говорим друг с другом, — заметил Пасха.

— Для них это неприемлемо. Есть и будет. И они всегда удивляются. Ты слышал о Денмарке

Визи[7]? Он почти захватил тот город в Южной Каролине. И ружья у них были, и все организовано.

— И что с ним случилось?

— Повесили его. Конечно, его повесили. Прознали про его планы и повесили его, — сказал я.

— А как они прознали про его планы? — Пасха покосился на дверь, словно хотел удостовериться, нет ли поблизости Уайли.

Я посмотрел ему в лицо.

— Народ мой, народ мой.

— Думаешь, эти люди вернутся за тобой?

— Не знаю. — Прут в огне постепенно накалялся. — Пасха, если бы я сбежал, как думаешь, что сделал бы Уайли?

— Не знаю, — ответил старик. — Есть у него собаки, но толстые и ленивые. Друг друга не выследят, даже если тот след ведет к дому.

— Значит, он, может, за мною и не погонится. Погоня ведь дело хлопотное. Тем более что я даже не его раб. По закону.

— Не знаю. Я даже не знаю, так ли он смотрит на эти вещи. Однако я знаю точно: если он увидит, что ты пытаешься убежать, пристрелит тебя на

---

[7] Примечания: 7

Денмарк Визи (1767–1822) — свободный чернокожий, глава общины в Чарльстоне, штат Южная Каролина, в 1822 году обвиненный в подготовке массового восстания рабов.

месте. Он же сперва стреляет, а потом спрашивает: такой уж он человек.

— Не нравится мне это.

— Ему главное — чтобы работа была сделана. А поскольку я пока не могу раздувать меха и махать молотом, он разозлится. Но если ты выкуешь эти подковы, тогда он, быть может, и не рассердится, что ты убежал.

— Или ему понравится моя работа и он решит, что такого хорошего раба надо оставить себе, — заметил я.

— Тут уж как повезет.

— Конец прута раскалился докрасна, — сказал я.

— Хорошо. Теперь положи его на толстую круглую часть наковальни и постучи по нему молотком, чтобы он по форме стал как подкова.

— Вот так?

Я принялся стучать по горячей стали тяжелым молотом. Под его ударами наковальня издавала не лишенный приятности звон.

— Пусть молот отскакивает, — посоветовал Пасха. — Так тебе будет проще.

Я последовал его совету. Молот и впрямь показался легче — или, по крайней мере, задал ритм, диктующий новый удар. Вскоре железо приобре-

ло знакомую полукруглую форму.

— Теперь сунь ее снова в огонь, — велел Пасха.

Я послушался.

— Раскали хорошенько прут и отломи подкову.

— Из твоих уст это звучит проще простого.

— Много народу знает? — спросил Пасха.

— Что знает?

Пасха улыбнулся, покачал головой, почесал лоб.

— Раздуй пламя мехами. Это видно с первого взгляда.

— Я тут вообще-то кую подкову. Ты собираешься мне помогать?

— Конечно, брат.

Пасха давал мне указания, а я слушал.

— Ты помнишь, как здесь оказался?

— Здесь у Уайли или здесь в аду?

— В аду.

— Дом родной я толком не помню, зато помню корабль. Помню побои. Помню порки. А ты?

— Я в аду родился. Меня младенцем отняли у матери, даже не дав ей меня обнять.

— Ты держишь молот неровно, — сказал Пасха.

— Извини.

— Не ошибешься — не научишься.

Я взял готовую подкову длинными клещами.

И подивился тому, какая у Пасхи должна быть силища в руках. Я бросил подкову в ведро с водой. Осознал, что мне нравится и звук, и пар. Потом опять постучал по ней молотком — удары отдавались в моих руках и туловище, — и снова сунул в огонь.

— Сталь закаляется, когда ее то нагревают, то остужают, — сказал Пасха.

— Метафора, — сказал я.

— А что еще нам остается, — сказал Пасха.

Я сунул руку в карман, достал из него карандаш, показал Пасхе.

— Будь я проклят, — произнес он.

— Джордж-младший украл его для меня, — пояснил я.

— Ты умеешь писать. — Это был не вопрос и не обвинение, скорее догадка, возможно, призыв к действию.

— Я умею писать, — подтвердил я.

— Тогда тебе лучше писать.

— Буду, — сказал я.

Близился полдень, а я все возился с первой подковой. На конюшню зашел Уайли, посмотрел на меня.

— Ну как этот малый, справляется? — спросил он Пасху.

— Маленько мерекает, — ответил тот.

Я обливался потом. Но отчего-то чувствовал себя странно чистым. Я бил молотом по железу, ловя ритм, подсказанный мне Пасхой.

— Спой мне, — приказал Уайли.

Я посмотрел на Пасху. Тот кивнул и завел песню:

Старый молот, чего же ты не звенишь?

Молот, звени!

Старый молот, чего же ты не звенишь?

Молот, звени!

Уайли взглянул на меня, и я подхватил:

Ручку сломал у молота!

Молот, звени!

Ручку сломал у молота!

Молот, звени!

Как ни противно мне было петь для Уайли, с песней работалось легче, и мне нравилось, как наши голоса отражаются от стен конюшни. Я поймал себя на том, что пою с нарастающим увлечением, поглядывая на Пасху, и песня еще

приятнее оттого, что мы оба в душе посмеиваемся над происходящим.

Даже в Библии стучат молотом!

Молот, звени!

Даже в Библии стучат молотом!

Молот, звени!

— Петь этот раб уж точно умеет, — заметил Уайли, глядя на меня.

— Еще как умеет, — послышался голос за его спиной.

В дверях конюшни стоял невысокий белый мужчина, а с ним еще с десяток белых мужчин разной формы и величины; в руках они держали черные футляры разной формы и величины. Мужчины все как один были в черных костюмах, от одного вида которых мне стало жарко.

— А вы кто? — спросил Уайли.

— Меня зовут Дэниел Декейтер Эммет. Мы “Виргинские менестрели”.

Глава 27

— Хватит петь, поработай молотом, — сказал Уайли и повернулся к Дэниелу Декейтеру Эммету. — И чем же вы, ребята, занимаетесь?

— Мы “Виргинские менестрели”. Музыканты мы. Выступаем у вас в ратуше. — Эммет протянул Уайли какие-то карточки. — Вот вам билеты на наш концерт.

Уайли взглянул на билеты.

— А пришел я сюда, потому что у этого раба необыкновенный голос. Видите ли, мы потеряли нашего тенора, а у вашего малого голос просто чудесный.

— Как это — потеряли тенора? — удивился Уайли.

— Да вот так, не можем его найти, и все тут. Мы ехали в поезде, и он, скорее всего, по пьяному делу — с ним такое бывает нередко — выпал или вышел, словом, исчез из поезда на ходу.

— Ясно.

— А у вашего раба, как я и сказал, дивный голос. Лучше, чем у нашего бывшего тенора. Его звали Роли Наггетс, ну да теперь это вряд ли имеет значение — и для нас, и для вас, да и, пожалуй,

для него самого.

— И вы зоветесь “Виргинскими менестрелями”? — спросил Уайли.

Все мужчины дружно подались вперед и пропели милый мотивчик.

— Сколько? — спросил Эммет.

— Чего сколько? — уточнил Уайли.

— За вашего раба. Того, который поет.

Вопрос застал Уайли врасплох. Наверняка он подумал о том, что формально я принадлежу не ему и продать меня он не может. У него и купчей-то нет. Но еще он наверняка подумал о том, что вообще-то сейчас мною владеет он, а владение, как я недавно услышал и понял, девять десятых закона.

— Так вы хотите купить этого Джима?

— Да, если его так зовут.

Уайли посмотрел на меня. Он по натуре был честный, хоть и рабовладелец. Но не успел он сказать то, что собирался, как Эммет поднял руку, знаком попросив его помолчать.

— Выслушайте меня, мой добрый друг. Великолепного тенора найти особенно трудно. Хотите верьте, хотите нет, но басов я могу найти где угодно. Я дам вам за него двести долларов.

Уайли округлил глаза.

— Двести долларов, и ни пятаком больше.

Уайли взглянул на Пасху, словно ожидая совета, но Пасха ему ничего не сказал. Уайли взглянул на меня, словно хотел извиниться.

— Ну? — спросил Эммет.

— И как вы себе это представляете — чтобы негр выступал с вами? — спросил Уайли.

— Мы выступаем как чернокожие, — пояснил Эммет. — Такое у нас ремесло.

— Как чернокожие? — переспросил Уайли.

— Да, мажем лица ваксой и притворяемся неграми.

— Неграми? — Уайли это слово рассмешило. — Мажете лица ваксой?

Эммет кивнул.

— Что только люди не выдумают.

— Это хорошее представление, — сказал Эммет.

— Даже не сомневаюсь, — ответил Уайли.

— Двести долларов, — повторил Эммет. — Двести долларов и, как я сказал, ни пятаком больше.

— То есть вы говорите, что этот малый будет с вами петь на сцене.

— Никто ничего не узнает. Мы его тоже намажем ваксой. Так, как есть, он недостаточно черный. Ну?

— Вы прикупили себе негра, — сказал Уайли. — Негра.

— Я бы желал получить купчую, — сказал Эммет.

— Разумеется.

Уайли явно не хотелось оставлять никаких документов, которые связывали бы его с этой сделкой, но его приперли к стенке. Он повернулся к Пасхе:

— Иди принеси мне из кабинета листок бумаги.

Пасха убежал.

— Он мигом, — сказал Уайли.

— Мы не торопимся, — заверил Эммет.

— Вы купили хорошего раба, — сказал Уайли. Вернулся Пасха с бумагой, пером и пузырьком чернил. — Спасибо, Пасха, очень предусмотрительно. — Скорее жалоба, чем комплимент. — Ну вот. Пожалуйста.

Я посмотрел на Пасху. Он знал, что у меня на уме. Я стоял и слушал эти переговоры, и ни разу меня не спросили, что я думаю, чего хочу. Словно я конь, животное, собственность, просто вещь; видимо, я и есть вещь, конь, только вдобавок поющий.

Уайли протянул Эммету купчую.

— Спасибо, — поблагодарил тот.

Уайли осклабился, так что встопорщилась борода; Эммет отсчитывал деньги. Уайли протянул свою лапищу и принял у Эммета деньги.

— Знакомься, Джим, — произнес Уайли, — вот твой новый хозяин.

— Дэниел Декейтер Эммет, — представился менестрель и отмочил невиданное. Уайли и Пасха застыли на месте. Дэниел Декейтер Эммет протянул мне руку, словно для пожатия.

Я уставился на его руку, потом перевел взгляд на Уайли и Пасху. На предмет сделки ни один, ни другой не смотрели: оба вытаращились на руку, вытянутую в пространство передо мною. Я посмотрел Эммету в лицо. Оно было открытое и на диво доброжелательное. Я протянул руку, пожал его ладонь.

— Вот это да, — сказал Уайли.

— Мне нравится, как ты поешь, парень, — сказал Эммет.

— Спасибочки, сэр, — ответил я.

— Я все-таки не понимаю, как вы думаете выходить вместе с ним на сцену, — заметил Уайли. — Вы посмотрите на него.

— Теперь уж это моя забота, — сказал Эммет. — Идем, Джим.

Эммет хлопнул меня по спине, и все виргинские менестрели обступили меня, принялись похлопывать по спине, а потом развернули меня, и мы все как единое целое вышли из конюшни.

Глава 28

“Виргинские менестрели” разбили лагерь у самой окраины города. Когда мы пришли, там уже стояли палатки и горели костры. Какой-то коротышка протянул мне оловянную кружку с коричневой жидкостью. Кофе я ни разу не пробовал, знал его только по запаху. Я кивнул и взял кружку. Эти белые внушали мне страх. Они внушали мне страх, потому что даже и не пытались меня запугать.

— Как тебе кофеек? — спросил меня костровой. — Оченно хороший, так ведь?

Я кивнул.

— Ребята, Джиму нравится наш кофий, — крикнул он остальным и добавил тихонько, мне одному: — Джимбо попробывал кофий и ему пондравилося.

Я выслушал его речь, по-собачьи наклонил голову. Можно было бы предположить, что он передразнивает меня, но мне показалось, что он скорее репетирует или даже хочет, чтобы я чувствовал себя свободно — вроде и добрый жест, но ужасно обидно. Не говоря о том, что речь его, хоть и плавная, все же звучала ненатурально.

— Оченно хороший, — согласился я.

Костровой расплылся в улыбке.

— Меня Кэссиди звать. Я играю на тромбоне.

— Чево такое тромбон? — спросил я.

— Это такая труба. Я после тебе покажу.

— Спасибочки вам за кофе, мистер Кэссиди.

— Просто Кэссиди.

Ко мне подошел Эммет, встал в стороне от костра.

— Здесь жара и без этой штуки, — сказал он.

— Чего вы хочете, чтоб я делал? — спросил я, возможно, немного утрируя, но происходящее меня озадачило. Впрочем, дальнейшие события озадачили меня еще больше.

— Я хочу, чтобы ты пел, — сказал Эммет. — Когда придет время.

— Просто пел?

— Да. Для этого я и нанял тебя.

— Нанял?

Эммет посмотрел на меня и, кажется, улыбнулся.

— Я тебя не купил, я тебя нанял. Я нанял себе тенора.

— Что вы говорите, — произнес я.

— Не говори никому, но я против рабства.

— Что вы говорите, — повторил я.

— То и говорю. — Он обвел взглядом лагерь и всю свою труппу. — Мы все против него.

— То ись вы абалицинизды?

— Ну, это громко сказано. Мы не трудимся ради того, чтобы освободить тебя, мы просто трудимся. И нам нужен тенор.

Тут Эммету принесли банджо. Другие музыканты тоже взялись за инструменты. Кэссиди держал длинную трубу — видимо, это и был тромбон.

— Что же, Джим, ты готов учить песни?

Я молча уставился на него. Он посмотрел на меня и, расплывшись в безумной ухмылке, затянул песню:

Старый Дэн Такер мужик хоть куда,
Вместо мочалки сковорода,
Колесом от телеги расчесывал чуб,
И помер, как в пятке разнылся зуб.

Прочь, Дэн Такер, ты нам не нужен,
Ты уже опоздал на ужин,
Прочь, Дэн Такер, ты нам не нужен,
Ты уже остался без ужина.

— Твое дело сейчас — подхватить припев. Вот это: “Прочь, Дэн Такер, ты нам не нужен, ты уже опоздал на ужин”. Понятно?

Я кивнул. Они снова затянули песню, я подпевал. Мне нравились звуки музыки, и трубы, и банджо, и гитары, и барабан.

А Эммет завел другую песню:

Когда молод я был, я массе служил

За столом тарелки ему подносил

И бутыли, чтобы горло смочить, подавал,

И еще синекрылых мух отгонял.

— А вот припев:

Хрусти кукурузой, Джимми, мне на всё наплевать,

Хрусти кукурузой, Джимми, мне на всё наплевать,

Хрусти кукурузой, Джимми, мне на всё наплевать,

Моего массы нет.

Днем хозяин мой ездит верхом,

Я за ним с метелкой бегом,

Коли муха укусит лошадь,

Та живо хозяина сбросит.

Хрусти кукурузой, Джимми, мне на всё

наплевать,

Хрусти кукурузой, Джимми, мне на всё наплевать,

Хрусти кукурузой, Джимми, мне на всё наплевать,

Моего массы нет.

— Хорошая, правда?

— Еще бы, — сказал я.

Происходящее не укладывалось у меня в голове. Я, если честно, не поверил Эммету, когда он сказал, что я ему не раб: ведь он у меня на глазах отдал за меня деньги. Тем более что у него есть купчая, где меня, несомненно, описывают как раба со светло-коричневой кожей, футов шести росту, с большими ступнями и шрамом на лбу, купленного у человека по фамилии Уайли. Это все-таки купчая, а не трудовой договор.

— Надень вот это. — Долговязый мужчина сунул мне в руки стопку одежды. — Надень.

Я посмотрел на Эммета, он кивнул.

— Можешь переодеться вон в той палатке, — сказал Кэссиди.

Их доброта и учтивость меня, мягко говоря, потрясали. Я ушел в палатку и, как умел, оделся в предложенное. В шерстяных брюках было

жарко, кожа чесалась, но хуже всего, что грубая ткань царапала и натирала открытые раны. Я облачился в белую рубашку и жилет. Я знал, что этот лоскут материи называется галстуком, но не знал, как с ним быть. Я вышел из палатки, и все надо мной засмеялись.

— Давай помогу. — Кэссиди принялся заправлять мою рубашку в брюки, но я отодвинулся от него. Он деликатно дал мне понять, что в его помощи нет ничего постыдного. И заткнул мне рубашку в брюки. Потом, все так же с улыбкой, застегнул как надо пуговицы на рубашке. — Теперь жилет. Тебе, наверное, будет в нем жарковато, но со временем ты привыкнешь. Отчасти.

— Вы правы, мне жарко, — сказал я.

— Нижнюю пуговицу жилета мы не застегиваем никогда, — сказал Кэссиди.

— Почему?

— Не знаю.

Он взял галстук, повесил себе на шею, завязал петлю и продел в нее мою голову. Кэссиди поправлял на мне воротник, когда к нам подошел Эммет.

— Неплохо. Не блестяще, но все же неплохо. И даже очень неплохо.

— Спасибочки, — сказал я.

Эммет посмотрел на мои ноги.

— А вот с ботинками дело швах. Лишних у нас нет. Наш прежний тенор покинул нас в ботинках.

— Босые ноги дополнят образ, — сказал плотно сбитый мужчина, сидевший по другую сторону от костра. — Намажем их ваксой вместе с лицом, и всё.

Эммет кивнул.

Глава 29

— Сиди смирно. Не хватало еще, чтобы эта штука попала тебе в глаза, — сказал плотно сбитый мужчина.

Его звали Норман. Руки у него были большие, и одной из них он вертел мое лицо так и этак. В другой руке он держал плоскую жестянку.

— Чево енто? — спросил я.

— Сперва намажь ему белила вокруг глаз и губ, — посоветовал Кэссиди.

— Я думал намазать белилами уже после, — сказал Норман.

— Тебе видней, — сказал Кэссиди.

— Чево енто? — повторил я.

— Это вакса, но у тебя есть выбор. Я могу накрасить тебя ламповой копотью, сажей или жженой пробкой. Пахнут они по-разному. Но все три адски трудно смыть.

— Не знаю, сэр.

— Тогда я возьму ваксу.

— Она пекёт? — спросил я.

— Только если ты дернешься и она попадет в глаз. — Норман оглянулся и увидел, что Кэссиди ушел. — И оставь уже рабью речь.

— Чевой-то?

— Хватит этих “спасибочки” и “пекёт”.

— Как вы догадались? — с подозрением спросил я.

— Раб раба всегда узнает, — пояснил Норман.

— Что?

Я всмотрелся в его лицо, однако ничего особенного не заметил. Но с чего бы врать о таком, да и где белому меня раскусить? Я решил, что, наверное, оговорился, вот как тогда с Геком. Эта мысль напугала меня до ужаса.

— Ты не оговорился, — успокоил Норман. — Просто я в ентом смыслию.

Выговор его был безупречен. Он знал оба языка и бегло говорил на том, которым белому не овладеть.

— Они знают? — спросил я.

— Нет.

— Что это вообще такое? — спросил я. — Это пение?

Норман огляделся по сторонам.

— Это такое новшество: белые мажутся ваксой и передразнивают нас на потеху друг другу.

— Они поют наши песни? — уточнил я.

— Не все. Еще они пишут песни, которые, по их мнению, мы тоже охотно пели бы. Странная

штука, однако бывает и хуже.

— Что же, по-твоему, хуже?

— Мне пора тебя красить. — Он показал мне жестянку с ваксой.

Я сел неподвижно, вытаращился в пустоту.

— Готов?

Я кивнул.

Норман заложил полотенце мне за воротник.

— Чтобы рубашку тебе не испачкать. — Он намазал ваксой мой лоб. — Они даже отплясывают кекуок.

— Но мы же так передразниваем их самих, — сказал я.

— Да, но они этого не понимают, не доходит до них. Они даже и не задумываются о том, что мы можем смеяться над ними.

— Двойная ирония, — сказал я. — Забавно. Может ли одна ирония сводить другую на нет, отрицать ее?

Норман пожал плечами.

— Пока накладываешь эту штуку, она холодит, но это скоро пройдет. Особенно когда мы начнем выступление.

— Ты поёшь? — спросил я.

Он намазал ваксой мою шею и подбородок.

— Я играю на барабане.

— Почему? Почему ты с ними?

— Денег хочу. Мне нужны деньги. Хочу вернуться в Виргинию и выкупить жену, — сказал Норман.

— Они ни о чем не догадываются?

— А как они догадаются? Думаешь, кто-то из них проснется однажды утром и скажет мне: “Слушай, Норман, а ты ведь похож на негра”?

— Нет.

Он отошел, всмотрелся в мое лицо с результатом своей работы.

— А мне заплатят? — спросил я.

— Вот этого я сказать не могу. Эммет так поступил впервые. Все его музыканты не из рабов, но едва ли они считают, что мы такие же, как они.

— Ясно. А раньше они принимали к себе чернокожих? — спросил я, обведя взглядом лагерь.

— Нет, ты первый. По правде сказать, я удивился. Но этот тенор исчез внезапно. Он вообще был со странностями. В последнем городке, где мы выступали, его застукали с чьей-то дочкой, вот он, наверное, и струхнул. Утром сбежал без единого звука. Для тенора это странно.

— Эммет идет, — предупредил я.

— Не могу решить, наносить ли белила ему вокруг рта, — сказал Норман. — Что думаешь,

Дэн? — Норман повернулся к Эммету.

— Выглядит очень естественно, — сказал Эммет. — И костюм сидит как влитой. Встань-ка.

Я встал.

— Брюки коротковаты, — заметил Эммет.

— Вполне естественно, — произнес Норман.

В шерстяных штанах было жарко, хотя меня забавляло, что ниже колен не лохмотья. И я не понимал, почему Эммет недоволен, что штанины коротковаты. Штаны есть штаны — задницу прикрывают.

— Намажь ему ваксой щиколотки, — скомандовал Эммет. — И, может, добавь каплю белил вокруг глаз.

— Будет сделано, — сказал Норман.

Эммет поймал мой взгляд.

— А ты пой. “Хрусти кукурузой, Джимми, мне на всё наплевать, хрусти кукурузой, Джимми…” Пой, пока не заучишь. Норман, проследи, чтобы он пел.

— Прослежу.

— Ребята, мажьтесь ваксой. Нам вот-вот выдвигаться в город. — Эммет прошелся по лагерю на манер командира.

— Объясни мне, — попросил я Нормана. — Я должен выглядеть естественно, как негр, но при

этом мне нужен грим.

— Не совсем так. Ты черный, но если об этом узнают, тебя не пропустят в зал, поэтому под ваксой ты должен быть белым, но чтобы зрители думали, что ты черный.

— Теперь понял. — Я коснулся своего лица. — А как мне говорить?

— Лучше вообще не говори ничего. И не трогай грим.

— А песни? Я же их не знаю.

— Они простые. Выучишь, когда будем петь. Поверь. Песни у Эммета — музыка для идиотов.

Я лихорадочно соображал. Затея с выступлениями была мне, разумеется, удивительна и незнакома, но я не оставлял надежды, что Дэниел Эммет заплатит мне за пение. И тогда у меня, возможно, появятся деньги на выкуп жены и дочери.

— Джим, ты идешь? — окликнул меня Эммет.

Я замялся, не зная, как правильно отвечать, говорить ли как я или как раб. И выбрал самое безопасное:

— Поспешаю, сэр.

Глава 30

Никогда еще происходящее не казалось мне таким абсурдным, смешным и нелепым. А я ведь всю жизнь в рабстве. Все мы, числом двенадцать, шагали по главной улице, разделявшей свободную и рабовладельческую части города, десять белых мужчин с лицами, вымазанными ваксой, один чернокожий, выдающий себя за белого и тоже вымазанный ваксой, и один со светло-коричневой кожей, вымазанный ваксой, но так, чтобы все думали, что он белый, выдающий себя за черного. Витрины лавок, банк, склад и прочие заведения все до единого казались плоскими, без глубины: пни — опрокинутся. Я поймал себя на мысли, что невозможно определить, какая часть свободная, а в какой рабство. Но потом я смекнул, что это, в общем, неважно. Мы шагали в ногу, потом стали приплясывать, как в кекуоке. Эммет пропел строчку из песни, все остальные подхватили:

Божечки, божечки, шлепни мула, шлепни этого мула.

Божечки, божечки, шлепни мула.

Масса хранит кукурузу в старой коричневой бочке.

Масса хранит кукурузу в старой коричневой бочке.

Евонные дети бегают в школу валять дурака.

Евонные дети бегают в школу.

Старая мисс за ними на деревянной ножке.

Старая мисс за ними на деревянной ножке.

Из домов выходили белые, выстраивались вдоль улицы, улыбались, смеялись, хлопали. Я встретился глазами с одним-двумя из толпы: они смотрели на меня совсем не так, как прежде белые люди. Они смотрели открыто, но то, что я разглядел, присмотревшись к ним, не произвело на меня особого впечатления. В эту минуту они как один потешались надо мной, потешались над черномазыми, высмеивали несчастных рабов, весело и оживленно хлопали и притопывали. Я заметил женщину, которую я как артист, видимо, заинтересовал или даже очаровал. Я видел ее наружность, только внешнюю оболочку, и осознал, что она вся до мозга костей — исключительно

оболочка.

Концертный зал находился в ратуше. По правде сказать, он больше смахивал на зал суда. Я видел такой однажды, когда меня послали отнести обед судье Тэтчеру. Мы с пением вышли на сцену и там затянули новую песню. Эммет, Кэссиди и Норман потом говорили, что я довольно быстро выучил песни, по крайней мере, чтобы подхватывать на припевах. Признаться, мне было больно видеть все эти белые лица, смеющиеся надо мной, смеющиеся над нами, но зато я их одурачил.

Подходите, парни, девки, сам-то я из Такахоу,

Да послушайте припевки. А зовут меня Джим Кроу.

Повертися, покрутися колесом,

А когда кручуся я, прыгай, Джим Кроу!

Я спустился к речке, думал, на минутку,

Как увидел девок – пропал не на шутку.

Повертися, покрутися колесом,

А когда кручуся я, прыгай, Джим Кроу!

Думал лодку я спустить, посидев в те-

нечке,

Но свалился в воду я и поплыл по речке.

Повертися, покрутися колесом,

А когда кручуся я, прыгай, Джим Кроу!

Попал я в Норлеан, полез там было в драчку,

Но меня на целу ночь швырнули в каталажку.

Повертися, покрутися колесом,

А когда кручуся я, прыгай, Джим Кроу!

Я слопал аллигатора, подрался с ягуаром,

Я выпил Миссисипи – остался только кратер.

Повертися, покрутися колесом,

А когда кручуся я, прыгай, Джим Кроу!

Поклоны бью я грифам, киваю ворона́м,

И если я кручуся, то прыгаю и сам!

К концу этого номера все зрители прыгали, как и велела песня. Концерт завершился. Белые были счастливы. Мы сделали свое дело. Однако члены

нашей труппы не покинули зал, а смешались с толпой. Почему бы и нет? Они же белые. Норман занялся барабаном, меня бросили одного, беззащитного. Я сидел на стуле, дожидаясь, пока Норман или другой музыкант осознает, в каком положении я оказался, и выручит меня, как вдруг, подняв глаза, я увидел женщину, которой я приглянулся на улице. У нее были желтые, выступающие вперед зубы и большие голубые глаза: ни одно живое существо, хоть человек, хоть нет, за всю мою жизнь не внушало мне такого страха. А я ведь раб.

Женщина огляделась по сторонам и подалась ко мне, чтобы я услышал ее за гомоном зала.

— Как вас звать?

Я озирался в поисках того, кто мне поможет. Нормана зажал в углу один из зрителей с расспросами про барабан. Кэссиди был далеко, на другом конце зала, он показывал кому-то, насколько можно раздвинуть тромбон.

— Джим, — произнес я. И сказал себе: “Отвечай односложно”.

— А я Полли, — представилась женщина.

— Полли Уолли Дудл, — сказал я. Мы эту песню спели.

Она засмеялась.

— А вы забавный.

— Спасибо.

— Откуда вы все?

— Из разных мест, — ответил я.

— Божечки, как бы я хотела побывать в разных местах. Увидеть разные места. Почувствовать запах разных мест. Это место противное и воняет. Расскажите же мне, где вы побывали.

Меня трясло. Я глубоко вздохнул, зажмурился, открыл глаза: она никуда не делась.

— А вы молчун. Мне понравилось, как вы пели.

— Спасибо, — сказал я.

И взглядом поискал в толпе Эммета.

— П-п-п-п-п-полли, я должен вам кое о чем сообщить, — сказал я.

— Так скажите мне, Джим.

— Я женат. У меня есть жена, — прошептал я.

— Она здесь? — спросила Полли.

— Нет, — ответил я.

— А в Вашингтоне вы бывали? — спросила она. — Как бы мне хотелось поехать туда. Я ведь даже в Сент-Луисе не была. Вы-то наверняка бывали в Сент-Луисе.

К нам подошел крупный белый мужчина с белой бородой, в белом костюме, с белым галсту-

ком-шнурком, и уставил на нас неодобрительный взгляд.

— Поете вы правда славно, молодой человек, — сказал он. — Но Полли негоже водить компанию с артистами.

— Ну папочка, — сказала Полли. — Мы просто разговаривали. Он собирался рассказать мне про Сент-Луис.

— Это правда? — Отец Полли всмотрелся в мое лицо. — Какой у вас грим искусный. — Он коснулся пухлой рукой моих волос. — Господи, на ощупь ну чисто волосы негра.

— Знатный парик, не так ли?

Это был Эммет. Он подошел к великану сзади, тот даже вздрогнул от неожиданности.

— Этот парик очень дорогой, и мне бы не хотелось, чтобы вы его трогали, — продолжал Эммет.

Мы переглянулись.

— У вас парики не как у него, — заметил отец Полли.

— У нас небогатая труппа. Денег хватило всего на один такой, и Джиму он подошел идеально. Скажите же, сэр, мисс, вам понравилось наше выступление?

— Понравилось ли? — переспросила Полли. — Было просто чудесно. Я несколько раз готова была

поклясться, что все вы взаправду негры.

Ее отец рассмеялся.

— Выступали вы славно, сынок. Но меня вам не одурачить. Мажьтесь ваксой сколько хотите, но меня вам не провести. Я негра учую за пятьдесят сельских ярдов. Меня вам не одурачить.

— Да, сэр, полагаю, вы правы.

— Черт побери, сынок, да я раба за полмили учую. У них такой сладковатый душок. Особенно у черномазых.

Норман наконец подошел ко мне.

— Идем, Джим. В лагере полно дел.

Я кивнул и, сутулясь, направился к выходу.

— Джим, — окликнула меня Полли.

Я обернулся к ней.

Она растянула юбки и сделала реверанс. Я кивнул, но ничего не сказал.

Выйдя из ратуши, мы с Норманом прислонились к стене, задыхаясь и обливаясь потом, и от волнения даже не посмотрели друг на друга.

— Ни разу в жизни мне еще не было так страшно, — признался я.

— Мне тоже.

— Эммет ненормальный?

— Вероятно.

— Мне надо выбираться отсюда, — сказал я. —

Ты можешь выдать себя за белого. Но посмотри на меня. Не могут же меня все время гримировать. Мое присутствие здесь — это какая-то чушь. Мне надо бежать.

Вскоре и вся остальная труппа с Эмметом во главе высыпала из ратуши. Эммет взял меня за плечо.

— Иисусе Христе, — сказал он. — Я уж думал, твоя песенка спета. — Он рассмеялся и хлопнул себя по ляжке. — Что с тобой сделали бы, если б узнали, что ты именно тот, за кого себя выдаешь?

Норман посмотрел мне в лицо.

— Что сделали бы со всеми нами? — спросил он Эммета.

Эммет осекся.

— Верно подмечено.

Труппа пылила по главной улице к лагерю. Я обнаружил в себе новое чувство. Даже два чувства. Отец той женщины коснулся моих волос. Беспокойство для рабов роскошь, но в тот миг я почувствовал беспокойство. Злость на белых людей для рабов роскошь, но я почувствовал злость. Злость — хорошее дурное чувство. Вдобавок Дэниел Эммет будил во мне чувства сложные, двойственные. Да, он купил меня, но, по его

уверениям, не для того, чтобы я стал его собственностью, хотя что-то ему от меня все-таки было нужно — мой голос, как он говорил. Интересно, что сделает Эммет, если я попытаюсь бежать. Я мысленно слышал, как он кричит: “Я заплатил за тебя двести долларов”. Человек, не желавший владеть рабами, но не возражающий против того, чтобы рабами владели другие, все-таки рабовладелец, как по мне.

Глава 31

Мы с Норманом ночевали в палатке с кларнетистом по прозвищу Большой Майк. О том, что Норман черный, Большой Майк, невеличка, разумеется, не догадывался. Но против моего присутствия не возражал. Ему в моем присутствии было куда спокойнее, чем мне в его. Большой Майк проделал, как я понимаю, ежевечерний свой ритуал. Очень ровно и аккуратно разместил футляр с кларнетом в ногах своего раскатанного одеяла, накрыл тряпицей и лег спать. Норман кивнул мне, и мы тоже отыскали себе постели.

Не знаю, долго ли я проспал, как вдруг что-то коснулось моего уха. Я поднял руку, чтобы отмахнуться — от мошки ли, от пчелы, — но глаза не открыл. Снова прикосновение. Насекомые меня не смущают, и я лежал зажмурясь. Но, отмахнувшись в третий раз, наткнулся на чью-то руку. Я вскочил с одеяла и крикнул: “Господи, что происходит?”, — да так громко, что перебудил всю труппу. Обернувшись, я увидел вчерашнего здоровяка, отца белой девицы Полли. Я не знал, что кричать и как именно. Для него мне надо было разговаривать как белые. Для всей остальной

труппы я должен был разговаривать, как черный раб. И для второго своего вопля я выбрал расово нейтральное “Божечки! О Божечки!”

В палатку вбежал Эммет с фонарем. И едва не упал, увидев мужчину в белом костюме.

— Мне нужно было еще раз потрогать этот парик, — объяснил здоровяк.

— Что? — Эммет уставился на него так, будто здоровяк горит. — Ради всего святого, что вы тут делаете?

— Мне просто нужно было еще раз потрогать этот парик, — повторил тот.

Эммет повернулся ко мне. Он растерялся не меньше моего, а испугался, наверное, и того пуще.

— Он на ощупь как настоящий, — продолжал отец Полли. — Скажите-ка, почему он у вас спит в гриме и парике?

— Смывать слишком трудно, — ответил Эммет.

— Но вы-то смыли.

— Зачем вы здесь? — спросил Эммет.

— Вы-то смыли, — повторил здоровяк.

— Мне послать за шерифом? — спросил Эммет.

— Валяйте, — сказал отец Полли. — Мой племянник по части законов дока.

Эммет затравленно посмотрел на него, но на-

конец нашелся:

— Тогда я пошлю за вашей дочерью?

— Что?

— Ей известно, что вы рыщете по ночам и щупаете спящих мужчин?

Отец Полли хотел было ему ответить, но запнулся и промолчал.

— Где он вас трогал, Джим? — спросил Эммет и тут же добавил: — Не говорите ни слова.

— Волосы, — сказал отец Полли. — Я всего-то пощупал его волосы.

— Прикажете сообщить вашей дочери, что вы всего-то пощупали волосы этого человека? Что вы ночью пробрались в палатку, чтобы пощупать волосы постороннего человека?

— Сэр, мне не очень-то нравится ваш тон, и я, разумеется, возмущен вашими оскорбительными намеками.

— Какими еще намеками? Как вас зовут?

Мужчина попятился к выходу из палатки.

— Я пойду. — Он покачал большой головой. — Я знаю, тут что-то не так. Я это знаю.

— Сэр, как вас зовут?

Мужчина сбежал.

Эммет огляделся по сторонам. Посмотрел на меня, на Нормана, потом на Большого Майка.

Вскинул руки и закричал:

— Собирайтесь! Собирайтесь! Этот болван скоро опомнится от испуга. Вернется и обнаружит, что это был не парик. Собирайтесь!

— Плохо дело, — сказал Норман.

Я застыл на месте. Я все еще чувствовал в волосах пальцы этого сумасшедшего.

Большой Майк маленькой ладошкой хлопнул меня по плечу.

— Помоги мне убрать палатку, — попросил он.

Все собирали вещи, и громоздкие, и небольшие. Эммет прервался было, взглянул на меня. И сказал такое, что меня озадачило. Озадачило, потому что я толком не понял, что означают эти слова. Озадачило, потому что прежде мне их не говорили. Он сказал:

— Извини.

Я хотел было помочь Большому Майку убрать палатку, но от услышанного замер как вкопанный.

— Идем, — сказал Норман.

Я направился прочь. Последние члены труппы еще укладывали свои пожитки, а мы уже топали по изрезанному колеями проселку, что вел из города. Я шагал впереди, рядом с Дэниелом Эмметом.

— Это я виноват, — сказал я.

— Ты, возможно, причина, но ты не виноват.

— И все равно, сэр, я извиняюсь.

— Хочешь послушать мою новую песню? — спросил Эммет.

— Да, сэр.

Он откашлялся и запел:

Эх, попасть бы мне снова в тот хлопковый край,

Где жива старина по сей день, так и знай,

Посмотри, посмотри, посмотри, Диксиленд.

В Диксиленде я появился на свет;

С того давнего утра прошло много лет.

Посмотри, посмотри, посмотри, Диксиленд.

Эх, попасть бы мне снова в Дикси.

Ура! Ура!

В этом краю себе слово даю

Жить и скончаться в Дикси.

Я еду, еду, еду на юг в Дикси.

Я еду, еду, еду на юг в Дикси.

Последнюю ноту Эммет держал на удивление долго.

— Я назвал ее “Диксиленд”. Что думаешь? — спросил он.

— Сэр?

— Тебе понравилось?

— Песенка знатная, — сказал я.

— Как будто ты в этом понимаешь, — бросил он пренебрежительно.

— Я понимаю, что песня мне по душе, — сказал я. Пусть думает, что я не способен распознать его сарказм.

— Спасибо, Джим, — произнес он, чтобы меня заткнуть.

Эммет оглянулся и с явным удовлетворением увидел, что погони за нами нет.

— Признаться, я сам не знаю, почему мы сбежали.

Я не стал ему говорить, что я-то как раз знаю, почему бегу.

— Мистер Эммет, можно спросить вам вопрос?

— Конечно.

— Я ить таперича ваш? Я же видел, как вы купляли меня у того малого на конюшне.

— Нет, ты не мой.

— То ись ежели я захочу, могу убежать в лес, только меня и видели, и ничего?

— Я взял тебя тенором. Заплатил двести долларов, и ты обязан их отработать.

— Понятно. Убежать я не могу, и вы будете мне платить, но денежки попридержите, пока я не выплачу ентот долг.

— Пока я не получу обратно те двести долларов.

— И сколько вы будете мне платить? — уточнил я.

— Мы это еще не обсуждали, так ведь? Думаю, доллар в день справедливая цена, как считаешь? Доллар в день — хорошее жалованье, тем более что тебе никогда еще не платили.

— Енто столько обычно зарабатывает тенор?

— Тенор-негр — да. Я считаю, это хорошее жалованье. — Эммет кивнул большой головой и замурлыкал под нос мотив своего “Диксиленда”.

— Доллар в день, — повторил я. — Получается, две сотни дней.

— Двести выступлений, — поправил меня Эммет.

— Сто девяносто девять, — сказал я.

Эммет выразительно промолчал.

— Сэр, я ить понять пытаюся. То ись вы говори-

те, что ежели раб ваша собственность — это не то же самое, когда он у вас в рабстве, пока отрабатывает свой долг?

Я сам не ожидал, что задам ему этот вопрос, но, видимо, так и вышло, поскольку произнес я все это на правильном и надлежащем рабьем наречье.

Эммет бросил на меня косой взгляд.

— Не мог бы ты повторить?

— Боюсь, не мог бы, — ответил я.

Глава 32

Шагали мы долго; в скрипучих ботинках, которые все-таки отыскали мне менестрели, я заработал страшные мозоли. Ноги болели так, что в конце концов я разулся и пошел босиком. Сырая земля холодила ступни и облегчала боль. Я то и дело гадал, где Гек, все ли у него в порядке, удалось ли ему сбежать от того жулья. Я догадывался, что не удалось. Если бы Гек сбежал, наверняка вернулся бы ко мне.

Мы пришли в городишко — скорее даже поселок, — где занимались главным образом заготовкой леса. Там-сям лепились друг к другу хижины, было несколько лесопилок; всюду витал едкий душок лесозаготовок. Черные мужчины пилили бревна пилами длинными и короткими, белые мужчины стояли вокруг, болтали, смеялись. У одного-двух белых в руках были кнуты. На голых спинах черных рабов виднелись следы их деятельности. Я сжал карандаш в кармане. Интересно, удастся ли мне еще когда-нибудь раздобыть бумагу.

Мы прошли городишко насквозь и остановились на противоположной окраине. Там мы

принялись ставить палатки, а Эммет отправился обратно в город договариваться о выступлении.

— У этого города есть название? — спросил Большой Майк.

Тромбонист засмеялся.

— Ага. Ад. Может, Адик.

Засмеялись и все остальные.

— Вот бы сейчас в Сент-Луис, — произнес один.

— В Новый Орлеан, — подхватил другой.

— Да, в Новый Орлеан. В Новом Орлеане знают толк в развлечениях.

— Ты бывал в Новом Орлеане? — спросил меня Большой Майк.

Я покачал головой.

Он задумался.

— Обязательно съезди. Натяни бечеву потуже.

Я натянул, а он молотком забил колышек в землю.

— Я нигде никогда не бывал, — сказал я.

Он ударил по колышку еще раз-другой и выпрямился. И посмотрел на меня так, будто хотел сказать: нам разговаривать не о чем.

— Мистер Эммет хороший человек? — спросил я.

Большой Майк огляделся по сторонам.

— Пожалуй, что неплохой.

— Он говорит, вы рабства не признаваете. Это правда?

Большой Майк пожал плечами.

— А лично вы?

— У некоторых есть рабы. Кто еще будет работать? У меня рабов нет. У меня и собаки-то нету.

Когда палатки поставили, приготовили еду и кофе, вернулся Дэниел Эммет и объявил нам:

— Местечко, конечно, буйное, даже, пожалуй, жуткое. А поскольку оно лишено и вкуса, и малейшего подобия взыскательности, я почитаю осмотрительным и разумным на время сегодняшнего выступления оставить нашего нового тенора здесь.

Эммет обвел взглядом наши лица.

— Что он сейчас сказал? — уточнил тромбонист.

— Он сказал, что эти ребята, скорее всего, убьют Джима, если поймут, что он негр.

Я бы выразился иначе, но суть он передал верно.

Эммет вздохнул.

— Мы просто не можем позволить себе потерять еще одного тенора, — произнес человек, которому я задолжал сто девяносто девять концертов.

Я поймал взгляд Нормана. Он стоял неподвижно, но я чувствовал, как он качает головой.

Пока все прочие гримировались перед концертом, я собрал и вымыл посуду. Я делал рабью работу, а они мурлыкали себе под нос, пели, поправляли жилеты и воротники.

Когда все выстроились в колонну, чтобы идти в поселок, Норман взглянул на меня. Он знал. Он знал так же верно, как то, что сейчас вся труппа была чернее меня, что, когда они вернутся в лагерь, меня в нем уже не застанут. Едва они скрылись из вида под не то чтобы неприятные звуки кекуока, я взял хлеб, тесные ботинки и, к своему немалому удивлению и даже, пожалуй, стыду, блокнот в кожаном переплете, тот самый, в который Дэниел Эммет записывал свои песни, — и припустил в чащу. Беглецу нет ни большака, ни проселка, ни тропки. Я не знал, бегу ли я от Дэниела Эммета, от мысли о том, чтобы вновь оказаться в рабстве, или навстречу Геку. Я знал лишь одно: у меня есть часа два, чтобы уйти как можно дальше от менестрелей. И еще я понимал, что теперь я дважды беглый раб, которого, возможно, также разыскивают за похищение, убийство и уж конечно затем, чтобы взыскать с него долг, а теперь еще и за кражу. Но никто

понятия не имел, в какую сторону я бежал: в этом я не сомневался.

И я бежал, как может бежать только раб. Раны мои болели, ноги протестовали, но я во весь дух несся по лесу, по высохшим руслам ручьев, шлепал по протокам, забирался на встречавшиеся пригорки и чуть не кубарем с них спускался. Я остановился, лишь когда уже толком не видел, куда бежать. Я поел хлеба и уснул.

Часть II

Глава 1

Меня разбудил шорох в сухой листве; занималась заря. Олень? Медведь? Дичь помельче, которую я сумею убить и съесть? Я сел и попытался на слух отследить ее перемещение. В сухой листве даже птичка в поисках корма шумит будто крупный зверь. Но ни птичка, ни медведь, ни олень не окликнули бы меня: “Джим, Джим”.

Как меня выследили? Собак я не слышал.

— Джим, это я.

— Кто — я?

— Норман.

— Сюда.

В свете зари унылейшим из привидений явился Норман.

— Какого черта? — спросил я.

— Не мог я там оставаться. Хватит с меня. Ты хоть знаешь, каково это, притворяться белым?

Я наклонил голову.

— Вообще-то совсем недавно я притворялся белым, чтобы потом притворяться черным.

— Утомительно, правда? — Норман подался в сторону, и теперь, когда солнце светило ему не в спину, я заметил, что он все еще в гриме.

— Что ты тут делаешь? — спросил я.

— Мы вернулись, обнаружили, что тебя нет, и Эммет разорался, как все те рабовладельцы, которых я повидал на своем веку. Он проклинал черномазых, кричал, что выстегает тебя кнутом, а после вздернет на дубу.

— Я догадывался, что он такой. Как ты меня отыскал?

— Я сбежал. Сбежал, как беглец — а я ведь и есть беглец. Пока они там носились кругами, я побежал по прямой, запрыгивая на все камни и бревна, чтобы замести следы.

— Ты бежал всю ночь?

— Да.

— Сядь. Отдышись. Думаешь, они видели, в какую сторону ты побежал?

— Точно нет.

— Значит, такие наши дела, — сказал я. — Что дальше?

— Ты часом не знаешь, где мы?

Норман закрыл глаза, и я увидел, что его вот-вот сморит сон.

— Нет, — ответил я. — Ты поспи. А я покараулю.

Он не ответил. Он уже провалился в сон.

Норман, вздрогнув, проснулся и уставился на

меня, округлив глаза.

— Ты все еще здесь. — Он сел и потер глаза.

— Где же мне быть?

— Я думал, ты убежишь.

— А я вот не убежал. — Я подвинул к нему остатки хлеба, он взял. — Я вот что думаю. Ты ведь хочешь выкупить жену, верно?

— Да.

— И я хочу выкупить жену и дочь. Мое положение осложняется тем, что меня, возможно, разыскивают за похищение и убийство, вдобавок я раб. Раб не может выкупить раба. И если я заявлюсь, чтобы их выкупить, — в общем, ты и сам знаешь, что будет.

— Черт-те что, — сказал Норман.

— Но у меня есть идея. Безумная идея.

— Расскажи.

— Тебе ведь не сложно было выдавать себя за белого? Я помню, ты говорил, от этого устаешь, но ведь это все же легко?

Норман кивнул.

— И никто тебя даже близко не заподозрил?

— Нет.

— Я хочу, чтобы ты продал меня.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты стал моим белым хозяином.

Я хочу, чтобы ты меня продал. Я сбегу, и мы провернем этот трюк еще раз. Подкопим деньжат, ты приедешь в мой город и выкупишь мою семью. Потом заберешь свои деньги и выкупишь свою жену.

— Ты ополоумел?

— Нет. Впрочем, я и впрямь позаимствовал эту идею у одного полоумного. Но чем тебе плох этот план?

Норман задумчиво потянул себя за ухо.

— Не считая вполне очевидной опасности для тебя, а следовательно, и для меня за кражу собственности, то бишь тебя, он не плох ничем. Но если обман раскроется, последствия будут серьезные.

— Я ценю, что ты так прямо об этом говоришь, но, как я уже и сказал, мы оба рабы. Что может быть хуже?

— Верно.

— Шел бы ты лучше умыться, — сказал я.

Поодаль тек ручеек. Норман снял рубашку и принялся отмывать жженую пробку. Ему пришлось изо всех сил тереть кожу, отчего та болезненно покраснела. Щетку ему заменили песок и листья.

— Твой план начинает мне нравиться. Я скучаю

по жене.

— Ты знаешь, сколько она будет стоить? — осведомился я и подивился тому, как дико звучит в моих устах этот вопрос. — Я спрашиваю потому, что сам понятия не имею, во что мне станет свобода моей семьи.

— Думаю, тысячу долларов, — предположил Норман. — Она очень красивая. Бедра широкие, про нее говорили, такую впору пускать на племя. — Эта мысль его явно разволновала. Он продолжал тереться песком, хотя пробка давно отмылась.

— Нам надо идти дальше.

Норман кивнул и заметил блокнот у меня в руках.

— А его ты зачем прихватил? — спросил он, одеваясь.

— Бумага была нужна.

— Эммет разбушевался, когда не смог его отыскать.

— Ты только послушай:

Обожает негр арбузы, ха-ха-ха!
Обожает негр арбузы, ха-ха-ха!
Их неспелыми приходит собирать,
С голодухи и не то готов сожрать.

— Черт, — сказал Норман, — это он написал?

— Думаю, да. Что это вообще значит?

— А зачем тебе бумага? — спросил Норман.

Я пожал плечами.

— Ты умеешь писать?

— Да.

— Я немного умею читать, — сказал Норман и обвел взглядом лес. — Знать бы еще, где мы.

— Предлагаю двинуть на юг, — сказал я.

— Что? Черные на юг не ходят.

— Ходят, если один из них — трещотка[8], который хочет продать раба.

Мы шли целый день. Запрудили ручей, наловили рыбы и отменно поели. Других людей я не видел и не слышал — и был очень этому рад. Утешало меня и отсутствие собачьего лая. Вечером набежали тучи, закрыли луну, и ночью был непроглядный мрак.

— Темнее, чем у коровы в брюхе, — сказал Норман.

Меня его слова позабавили, и я рассмеялся. Норман тоже расхохотался; мы веселились как дети. Приятное ощущение. И ведь не было ничего особо смешного, но нам нужно было посмеяться.

---

[8] Примечания: 8

Презрительное прозвище белых бедняков из южных штатов.

Мы шли почти три дня, стараясь держать на юг, но особенности рельефа вынуждали нас забирать к востоку, и в конце концов мы вернулись к большой реке, к Миссисипи. На другом берегу маячил городишко: исходя из всего услышанного, я заключил, что это Кейро. Если бы это хоть что-то меняло! Ведь и в свободном штате беглый раб — по-прежнему раб. Однако к югу лежал Кентукки: вот где можно с выгодой продать раба. А деньги нам были нужны. Но перебраться на тот берег нам было не на чем, мы направились дальше на юг и наконец пришли в небольшой городок. На указателе значилось “Блуберд-Хоул”. Я снял рубашку, чтобы более походить на работящего раба, которым я был и за которого выдавал себя.

— Неужели мы правда сделаем это? — спросил Норман.

— Да, масса, — ответил я.

— Прекрати.

— Поняx, — сказал я. — Кстати, тебе понадобится фамилия. Как ты звался до этого?

— Браун.

— Правда?

Норман кивнул.

— Идемте же, масса Браун, сэр.

Вид города был под стать его названию. Он

кишмя кишел благодушными с виду, прилично одетыми белыми — самый пугающий тип. Они с улыбкой приветствовали незнакомца, Нормана, меня же не удостаивали и взглядом. Я заметил нескольких черных: они что-то чистили и чинили. Чернокожая старуха взбивала масло на крыльце лавки, где продавалась всякая всячина. Я чувствовал, как нервничает Норман.

— Слушай, тебе надо успокоиться, — сказал я. — Для них всех ты белый. Черт, да ты даже для меня белый.

— Незачем так оскорблять.

Мимо плелась дряхлая белая старушенция.

— Я не это имел в виду, масса.

Норман негромко хихикнул, и старуха угрюмо глянула на него.

— Прошу прощения, — сказала она.

Я потупился.

— Мэм? — произнес Норман.

— Ваш негр что-то сказал?

Норман оцепенел.

— Он что-то сказал про меня?

— Скажи ей, что я просто издаю звуки, — пробормотал я Норману.

— Вот опять он что-то сказал, — не унималась карга.

— Извините, мэм, но этот мой раб, который мне принадлежит, просто-напросто издает звуки. Ему нравится делать вид, будто он умеет разговаривать, как мы, белые. Но сам он может только визжать и мычать, как олененок. Вам случалось слышать крик олененка?

— Господи, смилуйся над ним, — сказала старуха, хотя явно не желала, чтобы надо мною смиловались. — Господь ли, человек. Она вперила в меня злой взгляд. — Они точь-в-точь обезьянки, не так ли.

— Вылитые обезьяны, — подтвердил Норман.

— Да он никак поглядел на меня? — удивилась старуха.

— Ручаюсь, что нет.

— Пусть только попробует — вот и весь мой сказ.

— Он не посмеет. Он смирный малый.

Старуха хмыкнула.

— И работник хороший, правда, капельку глуповат, даже для негра. Только задерживает меня в пути. Быть может, кто-то из ваших знакомых захочет его купить? Он могучий, как миссурийский мул.

Старуха покачала головой, развернулась и пошла прочь.

— Как говорится, сразу за дело, — заметил я.

— Мне страшно.

Мне тоже было страшно, но меня пьянила мечта о том, как я увижу и освобожу моих Сэди и Лиззи. Чернокожая старуха, пахтавшая масло, взглянула на меня, как мне показалось, многозначительно, и я ругнул себя за то, что попался в ловушку, устроенную мне рабовладельцами: увидел в этой старухе ведьму. То, что я почти в это поверил, заставило меня усомниться в прочих моих суждениях. На миг я задался вопросом, действительно ли Норман чернокожий раб. Вдруг он сумасшедший белый, воображающий себя черным? Но потом меня осенило: нет разницы, белый он или черный, и что из этого следует? Норман Браун может меня продать и скрыться, только его и видели. И даже если он черный, точно так же может это проделать. Какими бы скверными ни были белые, у них нет монополии на двуличие, коварство и подлость. Наверное, эти размышления отразились на моем лице.

— Чего ты? — спросил Норман.

— Ничего. Продолжаем спектакль.

Он кивнул.

— Норман, пусть это будет у тебя. — Я вытащил из-за пояса штанов блокнот в кожаном переплете

и протянул ему. — Не надо, чтобы меня с ним увидели.

Расставаться с блокнотом мне было жаль. Страницы с песнями Эммета я так и не вырвал — почему-то они были необходимы для моего рассказа. Но в этом блокноте я восстановлю историю, которую начал, которую начинаю снова и снова, пока она не станет историей.

— Ты прав, — сказал он.

Но карандаш я все же оставил себе. У меня появилась привычка то и дело щупать его сквозь ткань кармана — для успокоения.

Глава 2

Я старательно изображал раба, шаркал босыми ногами по пыльной дороге, а тесные ботинки, связав за шнурки, повесил себе на плечо, будто понятия не имел, как с ними быть. Вид у Нормана был замызганный: что правда, то правда. На спине моей были всего-навсего два рубца от кнута, а это значило, что со мной обращались не слишком грубо, однако же и потачки мне не давали. Я отлично помнил, как заработал эти два шрама. Их оставил на мне судья Тэтчер. Мне было тринадцать, и я допустил оплошность: заговорил с белой девушкой, поздоровавшейся со мною. Я сказал ей всего одно слово: “Здравствуйте”. Судья Тэтчер слыл хозяином *добрым*, но боль от кнута объяснила мне, что это значит. Первый удар вызвал во мне удивление — не потому, что я не ожидал его, а потому, что почувствовал, что огрели меня не без удовольствия. И наслаждение, ощущавшееся во втором ударе, уже меня не удивило: его, к сожалению, можно было предвидеть.

— Здравствуйте! — крикнул встречный прохожий, приземистый, круглый и с окладистой бородою.

— Поздоровайся с ним, — шепотом подсказал я Норману.

— Добрый день, — произнес тот.

— Я здешний констебль. Фрэнк Макхарт.

Он протянул Норману руку.

Выдавать себя за белого Норману было не привыкать, и я чувствовал, как он входит в роль, хотя, разумеется, встреча со служителями закона всегда действует на нервы.

— Норман Браун. Рад знакомству, шериф.

— Мы здесь, в Блуберд-Хоул, говорим “констебль”. Звучит не так сурово. Нам нравится считать себя *деревенькой*.

Норман обвел взглядом улицу, лавку-другую, аккуратные дворики и рабов.

— Куда ведет эта дорога? — спросил он.

— Да много куда. В Уайетт, Уолф-айленд и, если угодно, до самого Мемфиса. Правда, от нас всюду путь долгий.

— Воображаю, — сказал Норман. — А с моим негром и того дольше: из-за него мы едва плетемся.

Я стоял, уставившись на свои ноги, но почувствовал, что Макхарт на меня смотрит.

— С виду он крепкий, — заметил констебль.

Норман взглянул на меня; я коснулся ботинок,

висящих на моем плече.

— Крепкий-то крепкий, — ответил Норман, — да вот никак не заставлю его обуться.

— Болван, — заметил Макхарт. — Они все болваны. Простаки. Это более точное слово. Простаки. Наша деревенька тоже проста, да на другой лад.

Норман кивнул.

— Люблю, знаете, поразмышлять о словах. Я вдобавок школьный учитель.

— Понятно.

— И почтальон.

— Вы занятой человек.

— И впрямь занятой. Не чересчур, но все-таки занятой. Достаточно занятой. Еще я торгую куриными яйцами. У меня тридцать семь несушек.

— Наверняка вам нужен помощник — собирать яйца, кормить кур. Учитывая, сколько у вас забот.

— Да, за курами глаз да глаз.

— Куры, они такие — только и следи, чтобы лиса не уволокла, или ястреб, или еще кто.

У Нормана был талант.

— Что у вас на уме? — спросил Макхарт.

У меня на уме было одно: дурень, не продавай меня полицейскому.

— У вас столько работ, да еще куры, а у меня есть

раб, крепкий, как вы сказали, но мне от него нет проку, только одни проволочки, вот я и подумал: быть может, вы купите его у меня по хорошей цене, и он будет ходить за вашими курами.

Макхарт смерил меня взглядом.

— У меня никогда не было рабов. Трудно их содержать и смотреть за ними? Во что станет прокормить одного раба?

— Вода, еда. Как собаке. Разве что эти вроде как говорящие.

— Как его звать?

— Его зовут Джим.

У меня екнуло сердце. Что если констебль видел плакат с беглым рабом Джимом? Наверняка на стене у него в кабинете висит мое изображение.

— И содержать его куда проще, чем собаку, — добавил Норман. — Рабы не оставляют кучки повсюду, в которые так легко наступить, и не ссут по углам. Не гоняются за скунсами и дикобразами. А этот, черт его побери, еще и умеет петь.

— Ну не знаю. У меня столько дел, что некогда мне возиться с рабами, — сказал Макхарт.

— Вот поэтому вам и нужен раб. — Норман окончательно вошел в роль. У меня снова мелькнула мысль, что он, может быть, белый, но передо мной притворяется черным. — Он не храпит. Ест

что дают. Делает, что говорят, разве только обуться его не заставишь. Если честно, эти ботинки на его ногу чуть маловаты. У негров ножищи-то будь здоров, это все знают.

Макхарт рассмеялся.

— Рабовладелец, — сказал он себе. — И сколько?

— Тысяча долларов.

Макхарт присвистнул.

— Мне придется продать уйму яиц, чтобы скопить эту сумму.

— Пятьсот, — сказал Норман.

Макхарт покачал головой.

— Лучше поговорите с кем-то из здешних фермеров. Или, может, со старым Хендерсоном. Он всегда держит рабов. У него маленькая лесопилка на другом конце города.

— Хендерсон, — повторил Норман. — Что ж, спасибо, шериф.

— Констебль.

— Ах да. Констебль.

Мы с Макхартом разошлись в разные стороны.

— А у тебя ловко выходит, — сказал я.

— Что именно?

— Быть белым.

— Я долго практиковался. Это и сложней, и

проще, чем кажется с виду. — Он заметил, что я молчу, и взглянул на меня. — Что-то не так? Тебя что-то тревожит? Я думал, тебе будет приятно, что я одолел волнение.

— Чуть-чуть волноваться не повредит.

Глава 3

У одного из нас жалобно заурчало в желудке. А может, и у обоих. Я отправился следом за Норманом в магазинчик через дорогу. На крыльце стоял стол со скатертью, на нем лежали картофелины и булочки. Старуха — до нее было рукой подать — по-прежнему взбивала масло. Я кивнул ей в знак приветствия. Она и бровью не повела, опустила глаза и вернулась к своему занятию. Из магазина вышла белая женщина на добрую голову выше Нормана.

— Картошка пенни за штуку. Булочки пенни за штуку, — сказала ему великанша. — Глазеть можно бесплатно, хоть мне это и не по нраву.

Норман выудил из кармана пенни.

— Берите картофелину или булочку, — сказала женщина. — Картофелину или булочку. Мне все равно что. А пенни давайте сюда.

Норман покосился на меня, спрашивая, что взять, но белая великанша не спускала с меня глаз. Норман потянулся было к булочке, но не успел он коснуться ее, как старуха, взбивавшая масло, чихнула. Великанша пронзила ее строгим взглядом, но старухе все было как об стенку

горох.

— Я возьму картошку, — сказал Норман.

Великанша развернулась и утопала в магазин. Старуха на Нормана даже не посмотрела, ко мне же на миг обратила взгляд. Я заметил глубокие морщины вокруг ее глаз. Но старуха снова ушла в себя: мысли ее явно витали далеко, и мы не вызывали у нее ни малейшего интереса.

Мы отправились на другой конец Блуберд-Хоул и, отойдя от дороги подальше в лес, сели передохнуть. Норман поднес картофелину к губам, намереваясь откусить кусок. Я схватил его за руку и покачал головой.

— От сырого тебе будет плохо, — сказал я. — Его надо сперва приготовить. Картофель же из пасленовых.

— Но я голоден как собака.

— Лучше еще немного поголодать, чем потом разболеться. Или чего похуже.

Мы развели костер, насадили картофелину на палку и долго держали над пламенем.

Никогда еще половина картофелины не казалась мне такой вкусной, особенно там, где обуглилась кожура.

— Та баба меня напугала, — сказал Норман.

— Я такой великанши еще не видал, — при-

знался я.

— Я и мужчин таких не видал. — Норман покрутил головой, хрустнул шеей. — И куда теперь?

— На лесопилку к Хендерсону?

— Да кто тебя купит? — спросил Норман.

Мы посмеялись.

— А вот увидишь, — сказал я.

Мы подремали. Проснувшись, Норман заметил, что я пишу в блокноте. Я чувствовал, что он за мной наблюдает. Наконец он спросил:

— Что пишешь?

— Сам не знаю.

— Может, тебе песни писать? Ну, знаешь, стихи.

— Как у Эммета?

— Вот-вот, вроде того. О том, как негритосы возвращаются на плантацию, потому что соскучились по своему массе.

— Я сперва думал вырвать его песни и сжечь, но они ведь от этого не исчезнут. Эти трещотки все равно будут их петь. Лучше знать, что они существуют. Как думаешь?

— А если тебе не удастся сбежать? Ну то есть если я продам тебя, а обратно не получу?

Я молча закрыл блокнот.

— Я не наелся, — признался я.

Норман оттолкнулся и встал.

— К Хендерсону?

Я кивнул.

— А если он закует тебя в кандалы?

— В кандалах я не смогу работать.

Нормана это, похоже, не убедило.

— Нам нужны деньги, — сказал я. — И не говори им, что меня зовут Джим. Сейчас все ищут беглого негра по имени Джим.

— Как прикажешь тебя называть?

— Скажи им, что меня зовут Февруари, но что я родился в июне. Им нравится думать, что мы настолько глупы.

Норман кивнул.

— Как думаешь, ты найдешь обратную дорогу сюда? — спросил я.

— Да.

— Значит, здесь мы и встретимся. Если через два дня я не вернусь…

Норман поднял руку, чтобы я замолчал.

— Вот, возьми обратно. — Я протянул ему блокнот.

— Я буду его беречь, — пообещал Норман.

— Идем.

Мы вышли опять на дорогу и направились на юг, в сторону от городка. На лесопилке сто-

яла грязь, как обычно на лесопилках. Эта была небольшая и с виду жалкая, и пахло здесь не опилками, а человеческими и звериными испражнениями. Семеро рабов орудовали топорами и стругами, еще двое продольной пилой. У двух-трех недоставало пальцев, причем стольких, что их по праву можно было б назвать однорукими. Строение имелось всего одно, без четвертой стены, как у сарая, где жеребятся лошади. Работники обтесывали и складывали в штабеля здоровенные брусья, круглые и квадратные. Единственный белый направился к нам. Роста он был среднего, сложения худощавого. При его приближении меня охватила тревога, потому что лицо его показалось мне знакомым. Но где я видел его, я вспомнить не мог.

— Что вам угодно? — спросил мужчина.

— Моя фамилия Браун, — представился Норман. — А вы, наверное, Хендерсон.

— Точно так, — подтвердил Хендерсон, оглядел меня с головы до ног, но ничем не выдал, что узнал меня.

— Славная работа, — продолжал Норман. — Какое дерево вы заготавливаете?

Хендерсон взглянул на Нормана, но только на миг.

— Кипарис. Один кипарис. Кипарис — это деньги.

— Почему?

— Из кипариса строят причалы и прочее на реке. Он не гниет. Неужели же вы не знаете?

— Я в древесине толком не разбираюсь, это правда, — сказал Норман. — Но я разбираюсь в хороших работниках и разбираюсь в рабах. — Норман посмотрел на меня. — И еще я знаю, что значит трудные времена. Потому-то я к вам и пришел.

— Я вас не понимаю.

— Видите этого крепкого парня, которого я привел? Это мой раб, Февруари. Но родился он не в феврале. Он родился в июне.

— Тогда зачем его назвали Февруари?

— Понятия не имею. Вы же знаете этих черных. Они тупее ведра с волосами.

Хендерсон расхохотался.

— Ох, умора. Ведро с волосами. Ха-ха-ха.

— Этот вот Февруари силен как бык.

Хендерсон замолчал и посмотрел на меня.

— Покажи-ка мне руки, малый.

Я показал ему руки, отметил, что он обратил внимание на то, что у меня все пальцы целые. Я повернул руки ладонями кверху и показал ему

мозоли.

— Тебе случалось валить лес? — спросил Хендерсон.

— Да, сэр, — ответил я.

— Как ты относишься к тому, что твой масса тебя продает?

Какой странный вопрос. Он озадачил меня, сбил с толку. Я уставился на Хендерсона, ожидая, что он сейчас рассмеется, но он был серьезен. Я посмотрел на Нормана и увидел, что он смутился не менее моего.

— По моему разумению, сэр, как я есть евонная законная сопцвенность, он могет изделать со мною, чево захотит.

Хендерсон кивнул и пощупал мой бицепс.

— Видал я и посильнее, — сообщил он. — И сколько вы за него хотите?

— Пятьсот, — сказал Норман.

— С ума вы сошли, должно быть, — сказал Хендерсон. — Я могу съездить в Мемфис и купить трех таких негров на эти деньги.

Норман меня удивил.

— Но ведь вам не придется ехать в Мемфис, верно? Этот самый раб явился к вам на порог.

Хендерсон задумался. Обвел взглядом свой двор, работу, двух рабов, сражающихся с продоль-

ной пилой.

— Февруари может трудиться за двоих от зари до зари, — продолжал Норман.

— Триста, — сказал Хендерсон.

— Четыреста.

— Триста пятьдесят, — предложил Хендерсон.

Норман протянул ему руку.

— Идет.

— Ох и здоровы вы торговаться, — сказал Хендерсон. — Люк! — крикнул он через плечо.

К нам подбежал коротышка.

— Сэр?

— Люк, отведи вот этого Февруари в сарай и дай ему воды, — велел Хендерсон и окинул меня долгим взглядом.

— А еды, сэр? — уточнил Люк.

— Нет. Поест потом, с остальными. И приставь его к работе, пусть пилит вместе с Сэмми. Рейнбоу тебе поможет.

— Да, сэр, — произнес Люк и обернулся ко мне: — Идем.

Я бросил прощальный взгляд на Нормана, заметил, что ему страшнее, чем мне, и ушел за Люком.

Глава 4

Я шагал за сильно хромавшим Люком по лесопилке. Он указал мне бочку с водой, и под его наблюдением я умылся и напился.

— Тебе не противно, что тебя продают? — спросил Люк.

— Так же противно, как то, что меня покупают, — ответил я.

Люк рассмеялся.

— Он тебя бил?

Я покачал головой.

— Ну так этот будет. Он обожает таску.

— Жаль это слышать.

Я уставился на искалеченную правую руку Люка.

Он поднял ее и продемонстрировал мне кисть, где уцелели только мизинец да большой палец.

— Знаешь, тупые орудия гораздо опаснее острых.

Я молча восхитился этой метафорой, а Люк продолжал:

— Этот болван не дает нам наточить их как следует.

— Ясно.

— И все равно он хороший хозяин, — добавил Люк.

— Ты же сам только что сказал, он любит порки, — заметил я.

— Он хозяин. И обязан держать нас в узде, верно?

Я вгляделся в лицо этого человека. Немногим старше меня, но совершенно другой. Когда он повернулся попить воды, я заметил шрамы, бороздящие его спину. Быть может, его здесь совсем забили? Я силился отыскать в себе сострадание.

— А другие думают так же? — уточнил я. — О Хендерсоне? Они тоже считают, что он хороший хозяин?

— Они думают так, как думают они. А я думаю так, как думаю я.

То есть нет.

— Он справедливый, — продолжал Люк. — Чего еще ждать от жизни? Он бьет нас всех одинаково, ни больше ни меньше.

— Идем-ка лучше уже к пиле.

Мы вышли на двор; ни Нормана, ни Хендерсона я не увидел. Мне оставалось только надеяться, что Норман вскоре вернется в условленное место встречи. Меня отвели к длинной яме, над которой лежало толстое бревно. Продольную пилу тянут

за ручки двое: один сверху, с краю бревна, другой из ямы. Я рассматривал двор, где что расположено, и проселок, ведущий от лесопилки. Когда придет время, я должен буду найти дорогу отсюда быстро и в темноте.

Работать мне предстояло с Сэмми, у него обе руки были целые. Он был мельче Люка и существенно мельче меня.

— Ты будешь снизу, — крикнул он мне.

Я спустился в яму, поглядел оттуда на Сэмми. Из ямы казалось, что он совсем далеко. Над ним было серое небо. Сэмми встал на большое бревно, которое нам предстояло распилить, я удивился было, почему он так стремился остаться сверху, как вдруг мои ноги увязли в грязи. Вытаскивать их пришлось, помогая себе руками.

Я ухватился за большую деревянную рукоятку длинной пилы. Инструмент совсем запустили, это было видно даже неспециалисту. Полотно не только затупилось, но заржавело и покоробилось. Мы принялись за дело. Работы трудней и мучительней мне выполнять еще не приходилось. Я стоял по щиколотку в грязи и, кажется, в испражнениях человеческих и звериных. Воняло ужасно. Сэмми был слишком слабый, даже с двумя руками, чтобы с силой тянуть пилу вверх,

и слишком мелкий, чтобы налегать на нее всем весом, направляя вниз. Тупое полотно часто застревало, пилило нормально считаные секунды. И всякий раз, как его зажимало, я вздрагивал от испуга, что тонкий металл сломается и оторвет мне палец, кисть, а то и всю руку.

Стемнело, а мы не распилили еще и половины бревен. Я поднял глаза и увидел у края ямы Хендерсона. Он посмотрел на меня и покачал головой.

— Если будешь бояться пилы, ни черта у тебя не получится, — сказал он. — Вылезай, пороть тебя буду.

Я посмотрел на Люка, стоявшего за его спиной.

— Вылезай, — повторил Хендерсон.

Мне пришлось руками вытаскивать ноги из грязи. Я ухватился за веревку с узлами и выбрался из ямы.

— Пороть? — произнес я.

Хендерсон вновь покачал головой.

— Ох и хамло я купил, — сказал он.

Я соображаю быстро, с миром моим отлично знаком, а потому ничего ему не сказал. Я ничего не сказал, направляясь за Хендерсоном в большой сарай. Я ничего не сказал, когда Люк с легкой ухмылкой на противном теперь лице привязал

пеньковой веревкой руки мои к столбу. Я ничего не сказал, когда на мне рванули рубаху — кто именно, я не видел. Я ничего не сказал, когда плеть ожгла меня, уязвила, рассекла. Перед тем, как лишиться чувств, я с удивлением осознал, что кровь, льющаяся по моей спине, не охлаждает горящие раны.

Очнувшись, я увидел лицо маленького Сэмми. Я не знал, сумею ли сесть, что уж говорить о побеге.

— Я жив? — уточнил я.

— Мне жаль тебе об этом сообщать, но да, — ответил Сэмми.

Сесть мне все-таки удалось. Было еще темно, но светила луна.

— Любит таску, — повторил я слова Люка.

Сэмми кивнул.

— Первые дня два он будет бить тебя регулярно. На третий день он оставит тебя в покое, и ты будешь ему благодарен.

Я с трудом поднялся на ноги. Больно было ужасно, а страшно и того больше.

— Долго я был без сознания? — Я хотел узнать, далеко ли до рассвета.

— Какое-то время, — ответил Сэмми.

— Где мы? — спросил я. — Где яма? — Я пытался

сориентироваться.

— Пройдешь через сарай — и вот она, — ответил Сэмми. — А ты куда?

Мне было неловко, что я не доверяю этому чернокожему. Может, дело вовсе не в том, что я не доверял Сэмми, но я не мог быть уверенным, что он не доложит Люку, а Люку я точно не доверял.

— Хочу вымазать спину грязью, чтобы раны зажили, — солгал я, но Сэмми такой ответ, похоже, устроил. — Я спущусь в яму за грязью. Только Люку не говори, хорошо?

— Мне не нравится Люк, — ответил Сэмми.

Я посмотрел на этого коротышку.

— Сколько тебе? — спросил я.

— Не знаю. Говорят, пятнадцать. А я не знаю.

— Хендерсон тебя бьет так же, как избил меня?

Сэмми кивнул. Задрал рубашку и показал мне рубцы. И я увидел грудки.

— Так ты женщина, — сказал я.

— А я и не говорила, что я мужчина.

— Ты девушка. — Я смотрел на нее и видел лицо моей дочери, представлял, что ей вот так исполосуют спину. — Опусти рубаху.

Она послушалась.

— Пятнадцать, — сказал я. — И ты храбрая?

— Нет.

Ее ответ меня огорчил. Я подумывал взять Сэмми с собой. Я, конечно же, понимал, что поступаю необдуманно, но бросить ее там не мог.

— Хендерсон знает, что ты девушка?

Она не ответила, но я догадался. Разумеется, знает.

— Послушай, я сегодня сбегу отсюда. Хочешь бежать со мной? Хочешь попытаться попасть на Север?

Несмотря на признание Сэмми, что храбрости у нее нет, она задумалась над моими словами.

— У меня есть дочь, — продолжал я. — Помладше тебя, но она близкий мне человек. Я не желал бы ей такой доли. Я не смог бы жить, зная, что ей причиняют такую боль.

— Как можно не хотеть жить? — спросила Сэмми.

— Долго объяснять, — ответил я. — Сегодня я отсюда уйду. Меня больше не будут бить. Хочешь пойти со мною?

Сэмми кивнула.

— Тогда идем. Идем сейчас.

Я обрадовался, что Сэмми пошла со мной, и не только потому, что спас и ее, и себя от неминуемых порок и от того, что Хендерсон — я в этом не

сомневался — с нею проделывает.

Мы шли по сараю и наткнулись на Люка, он спал в проходе, как сторож. Мы застыли на месте.

— Он всегда тут спит, — прошептала Сэмми.

Мы на цыпочках прокрались мимо него и вышли в рабочий двор. Моросил дождь. Я пытался сообразить, где мы, но в темноте все выглядело иначе. Я растерялся. Я не мог разглядеть дорогу, по которой пришел сюда.

— Сэмми, где дорога?

Она вывела меня с лесопилки. Без нее я ходил бы кругами или вовсе вышел бы прямиком к дому Хендерсона, где бы этот дом ни был.

— Что мы делаем? — спросила Сэмми. — Куда мы идем?

— Мне нужно попасть на дорогу, которая ведет в город, — сказал я.

— В какой город?

Я не мог ей ответить. Запамятовал название. Я попытался припомнить указатель, но тут в моей голове раздался голос констебля.

— Блу-что-то-там, — произнес я.

— Блуберд-Хоул, — сказала Сэмми.

— Да. — У меня прибывало сил с каждым шагом от лесопилки. — Мы встретимся с моим другом и

тогда пойдем дальше.

— С каким другом?

— Увидишь.

Дождик был совсем слабенький и к заре уже перестал. Я увидел окраину города и свернул в рощу. Отыскал большие камни, которые приметил раньше, и повел Сэмми в глубь рощи. Я увидел кусты, сквозь которые мы с Норманом продирались накануне, нашел остатки костра, над которым мы пожарили нашу картофелину. Нормана не было.

— Твой друг должен был ждать тебя здесь? — уточнила Сэмми.

Я не ответил.

— Хендерсон быстро нас хватится?

— Как только Люк заметит, что нас нет, Хендерсон сразу же обо всем узнает. То есть он уже знает.

— А собаки у него есть?

— Есть одна.

— Охотничья?

— Вроде да, — ответила Сэмми.

— Подождешь здесь? То есть вот прямо здесь, никуда не уходя?

— Куда ж я пойду.

Ей было страшно. Я это видел.

— Я обещаю тебе, что мы скоро отсюда уйдем.

Я всматривался в рощу, силясь разглядеть за деревьями Нормана. К несчастью, мы с ним условились встретиться к северу от лесопилки, то есть именно в том направлении, куда и направится беглый раб.

— Сэмми, останься здесь. Я сейчас вернусь. Обещаю.

Я взобрался на холм, чтобы сверху взглянуть на город. Увидел пустой большак. Прислушался, не раздастся ли собачий лай.

Я наблюдал и ждал. Не хотелось надолго оставлять Сэмми одну. Мне нужно было увидеть, что Норман вышел из города и направляется ко мне. Быть может, я правильно делал, что не доверял ему? Быть может, он вовсе не чернокожий? А просто чокнутый белый, решивший меня продать. С другой стороны, я сам предложил продать меня — хотя, возможно, этот трюк был настолько очевиден, что Норман просто дождался, пока я до него додумаюсь. Я ругнул себя за глупость и направился обратно в лес к юной Сэмми.

Я увидел ручей, протекавший неподалеку от условленного места, и уверился, что не заблудился, как вдруг послышался крик.

Глава 5

Я несся сквозь чащу, удивляясь себе. Если Хендерсон или другой белый нашел Сэмми, и ей, и мне крышка. Но бросить ее я не мог. Я мчался вперед и увидел, что Сэмми, крича и плача, стоит на коленях, а рядом какой-то мужик. Не раздумывая — я уже стал привыкать так действовать — я ухватил его за ноги и повалил на землю. Изготовился было врезать ему кулаком, как вдруг сообразил, что подо мною, прикрывая рукою голову, лежит Норман.

— Норман, — сказал я.

Он столкнул меня с себя.

— Что происходит? Кто это, черт возьми?

Норман глазел на меня, раскрыв рот.

— Сэмми, — ответил я.

— Это не ответ, — возразил Норман и посмотрел на девушку. — Это не ответ. Почему он здесь?

— Она пойдет с нами, — пояснил я.

— Она?

Я кивнул.

— Ты не только сбежал, но и украл рабыню? — проговорил Норман. — Можно спросить почему?

— Потому что ей пятнадцать, если не меньше,

а этот избивает ее кнутом и еще сам понимаешь что, — уныло ответил я.

Норман понял, что я имею в виду. Он посмотрел на Сэмми, потом на меня, потом снова на Сэмми.

— Ясно. Но что нам теперь делать?

— Где ты был? — спросил я.

— Купил продуктов на наши деньги. Галеты, сушеное мясо.

Я не стал возмущаться. Он поступил разумно.

— Нам надо убираться отсюда, — сказал я. — Наверняка этот Хендерсон за нами погонится. Сэмми, это Норман. — Я помог Норману подняться.

Сэмми от страха с трудом переводила дух. Она так растерялась, что никак не могла опомниться.

— Норман раб… бывший, — пояснил я.

— Я не хотел тебя напугать, Сэмми, — сказал Норман.

Но она словно нас не слышала.

— Сэмми, — проговорил я. — Посмотри на меня. Норман и есть тот друг, которого я дожидался. Он черный, как мы с тобой. — Я примолк. — В общем, черный.

— Но он белый, — возразила Сэмми.

— Нет, он только кажется белым, — поправил я. — Так бывает.

Норман отвернулся, посмотрел в сторону дороги.

— Мы вместе, — сказал я.

— Нам надо идти, — заметил Норман.

— Этот ручей наверняка выведет нас к реке, — сказал я.

— Или к другому ручью, — поправил Норман.

— А тот приведет нас к реке.

— Так мы идем на юг или на север? — уточнил Норман.

— Главное — не попасться.

— Забудь про ручей. Я предлагаю двинуть на юг по суше. Они этого не ожидают.

Норман, конечно, был прав. Мне почему-то казалось, на реке безопасно, но я и сам понимал, что это не так.

— Ладно. На юг.

И тут мы услышали лай собак.

В города нам путь заказан. Не может же Норман прикидываться, что мы оба его рабы, ведь вести о нашем побеге облетят всю округу. Придется скрываться в густых лесах. Но сначала нам нужно как можно скорей оторваться от наших преследователей.

Передвигаться быстро не получалось из-за меня. Порка меня подкосила. Наверно, перед

побегом мне следовало набраться сил, но страх гнал меня прочь. И мы бежали. Большую часть пути мне казалось, что Сэмми бежит столько же от Нормана, сколько от всего остального. Она то и дело оглядывалась на него, так и не поверив, что он тоже черный, и уж точно не поверив, что он для нас не опасен.

К полудню я окончательно выбился из сил. Мы прибежали в овраг, где протекал ручеек, и увидели валуны, образовывавшие нечто вроде пещеры: там мы передохнули. Собак больше не было слышно. Я прислонился к камню и поморщился.

— Покажи-ка мне спину, — попросил Норман и побледнел. — Господи боже, Джим. У тебя тут открытые раны. Чем тебе помочь?

— Тут неподалеку растет монарда, — сказал я. — Это такое растение с красными цветками. Я заметил, когда мы пробегали мимо.

— Я тоже видела, — подтвердила Сэмми.

— Мне нужны ее корни и еще вон та глина. — Я указал, где взять глину.

Сэмми умчалась за растениями.

— Думаешь, вернется? — спросил Норман.

Я кивнул.

— Попробуй промыть мне раны, — попросил я.

Я стащил лохмотья, прежде бывшие моей рубашкой, и Норман вытер ею мне спину. Жгло безумно. Я старался расслабиться и не прикусить язык.

— Что ты натворил? — спросил Норман.

— Что я натворил? Я раб. Я вдохнул, когда требовалось выдохнуть. Что я натворил?

Прибежала Сэмми. Положила на землю корни монарды и еще какие-то широкие листья.

— Я нашла подорожник, — сказала она.

— Молодчина, Сэмми. Спасибо. А теперь положи корешки и листья на тот камень и хорошенько их истолки. Норман, принеси мне еще глины и сложи кучкой.

Норман ушел.

— Молодчина, Сэмми. С подорожником ты умно придумала.

Я наблюдал, как она камнем толчет растения.

Вернулся Норман.

— Смешай растения с глиной и намажь мне спину. — Сэмми с Норманом принялись мазать мне спину. — Думаю, здесь безопасно. — Я предполагал, надеялся на это и упомянул об этом главным образом потому, что понимал: если мы побежим дальше, я буду их задерживать. — Мы подождем здесь, а как стемнеет, двинемся в путь.

Правильно, как по-вашему?

— Думаю, да, — ответил Норман.

Сэмми кивнула.

— А теперь нам надо поспать. Теперь мне надо поспать.

Кажется, я отключился.

Глава 6

Очнувшись, я увидел, что Сэмми с Норманом глядят на меня и жуют сушеное мясо.

— Галету? — предложила мне Сэмми.

— Спасибо. — Я взял у нее галету.

— Бери мясо. — Норман подтолкнул ко мне бумажный сверток с сушеным мясом.

— Нет, спасибо. Я буду только галету.

— Она же на вкус как опилки, — сказал Норман.

Я огляделся. Темнело.

— Что-нибудь слышно?

— Нет, — ответила Сэмми. — Ни собак. Ни голосов.

— А птицы? — спросил я.

— Что — птицы? — Норман наклонил голову.

— Когда люди идут по лесу, птицы смолкают.

— Вроде бы птиц я слышала, — сказала Сэмми. — Мне так кажется.

— И все-таки нам пора выдвигаться, уйти как можно дальше отсюда.

Я с трудом поднялся на ноги и пошатнулся.

— У тебя сил-то хватит? — спросил Норман.

— Хватит, — ответил я. — Идем. Думаю, нам

лучше выйти к реке и как-то ее переплыть.

— Мы даже не знаем, где мы, — сказал Норман. — На том берегу наверняка рабовладельческий штат.

— Возможно, — ответил я. — Мы вообще-то рабы. Мы там, где мы есть.

— Что это значит?

— Не знаю. — В моей голове это звучало лучше.

— А я знаю, что это значит, — вмешалась Сэмми. — Мы рабы. Мы нигде. Свободный человек может быть там, где хочет. А мы можем быть только в рабстве. — Она посмотрела на Нормана. — Вы действительно раб? — уточнила она.

— Да.

— И вы цветной, — сказала Сэмми.

Норман кивнул.

— Кто это заметит?

— Никто, — сказал Норман.

— Тогда зачем вам считаться цветным?

— Из-за матери. Из-за жены. Из-за того, что я не хочу быть белым. Я не хочу быть одним из них.

Сэмми посмотрела на меня.

— Очень хороший ответ.

— Согласен, — сказал я.

— Может, пойдем уже? — спросил Норман.

— Пошли, — ответил я.

Ночь была лунная, ясная, возле подножий деревьев лежали круглые тени. Мы передвигались легко, порою даже проворно. Мы держали в уме, что нам надо следовать за водой, следовать за малой водой к большой воде. Когда люди бегут, они не думают о земле, не думают о природе. Интересно, сколько змей, напуганных нашими торопливыми ногами, от удивления не бросились на нас, сколько раз мы оступались, но не падали, потому что тут же и делали следующий шаг, резво минуя опасность. И все-таки из-за спешки ни одно из мест не показалось нам новым. Наверное, такова природа бегства.

Большая Грязюка рокотом объявила о своей близости, но с берега показалась нам мирной и тихой. Лишь кое-где мерно бурлила вода да шлепало колесо парохода, идущего по стремнине.

— Смотрите, сколько воды, — сказала Сэмми.

— Ты ни разу не видела реку? — спросил я.

— Я никогда не отходила от той пилы дальше, чем на двадцать ярдов.

Мы замолчали, обдумывая ее слова.

— Ну вот, теперь видишь, — сказал я. — Могучая Миссисипи. Течет на юг к Новому Орлеану и на север… — Я осекся.

— К свободе, — закончил Норман.

— Предположительно, — сказал я.

— Нам надо ее переплыть? — уточнила Сэмми.

— Да, — сказал я.

— Как? — спросила Сэмми.

— Как? — вторил ей Норман.

— Вы плавать умеете? — спросил я обоих.

— Нет, — ответил Норман.

— Не знаю, — сказала Сэмми.

— Если мы останемся на этой стороне, они нас найдут.

Я огляделся. До воды оставались считаные ярды. Между рекой и нами тянулась широкая полоса ила. — Слишком мутная, не поплавать, слишком жидкая, не вспахать. Слышал я от кого-то эту фразу.

— Похоже на правду, — сказал Сэмми.

Я посмотрел на торчащие из ила коряги.

— Надо нам сделать плот. Дерева тут полно, но нам понадобится веревка или еще что-нибудь, чтобы его связать.

— Пойду поищу, — сказал Норман. — Если придется, даже куплю.

Норман скрылся в кустах, мы с Сэмми проводили его взглядом.

— Он правда раб? — спросила Сэмми.

— Он так говорит. Признаться, я ему верю.

Собирать коряги оказалось ужасно трудно. Ил не только крепко удерживал эти палки, но пытался засосать и нас. И чем сильней мы тянули, тем глубже вязли. Несколько раз нам приходилось друг друга вытаскивать.

— Тут работенка потяжелее, чем у Хендерсона, — заметила Сэмми.

Я кивнул.

— Но плата лучше.

— Зачем ты взял меня с собой? — спросила она.

— Не мог же я тебя бросить.

— Других же бросил.

— Может, и зря. Но да, бросил. Ничего не попишешь. Ну да Люк все равно не пошел бы с нами.

Добытые ветки мы оттащили на каменистый берег. Попытались соединить их и закрепить, как могли, без бечевы и веревки.

— Так ты родилась на лесопилке? — спросил я.

— Мне так говорили.

— А твоя мать где?

— Я не помню ее. И отца тоже.

— Сочувствую.

— А ты свою мать помнишь? — спросила Сэмми.

— Не уверен, — ответил я.

— Я рада, что убежала, — сказала Сэмми.

— Почему это?

— По-моему, я поступила правильно.

Я кивнул.

— Он насиловал меня, даже когда я была совсем маленькой, — добавила Сэмми.

Я кивнул.

— Ты и сейчас еще маленькая.

— Сперва почти каждую ночь.

Я хотел что-то сказать, но не знал что. Я снова представил себе свою дочь и пришел в ярость.

— Он тебя больше не тронет.

Возвращения Нормана мы ждали почти весь день. На юге появились облака и двинули вверх по реке в нашу сторону.

— Гроза? — спросила Сэмми.

— Да вроде не такие уж они темные, — сказал я. — Разве что ливень. — Я посмотрел в лес. — Надеюсь, Норман вернется до темноты. Мне бы хотелось связать эти ветки, пока можно хоть что-нибудь разглядеть.

Мы сели, и я, наверное, задремал, потому что, вздрогнув, проснулся от крика. Это был Норман. Я увидел, как он выбежал из кустов возле полоски

ила. Норман заметил нас и со всех ног бросился к нам.

— Хендерсон! — кричал Норман. — Это Хендерсон!

Должен признаться, что от страха я не сразу смог пошевелиться. Норман подбежал ко мне и выкрикнул снова:

— Этот подонок здесь.

Я взглянул на бечевку в его руке, забрал у него моток. Прикинул, как быть. Стояли сумерки. Я хотел было уточнить у Нормана, далеко ли наши преследователи, как вдруг из кустов выбежал Хендерсон.

— Толкай, — приказал я. — Толкай на воду уж что есть.

Мы попробовали столкнуть на воду кое-как скрепленные между собой ветки, но они развалились.

— Вот они! — орал Хендерсон.

Следом за ним появились еще двое белых с пистолетами.

Мы с Сэмми и Норманом столкнули в реку три крепких бревна.

— Хватайтесь за бревна и работайте ногами, — велел я. — А я попытаюсь связать их в воде. — Выстрел возмутил воздух. — Обнимайте

бревно! — крикнул я.

Снова выстрел.

— Я сползаю, — сказала Сэмми.

Нас троих разделяли считаные ярды; мы отплыли подальше друг от друга. С берега река всегда кажется медленной и ленивой, но это не так. Нам еще повезло, что в тот вечер особо не было пароходов, потому что течение швыряло нас как хотело.

Опять грянул выстрел.

— Норман! — крикнул я.

Вроде бы я разглядел его макушку. Он не ответил. Я оглянулся на берег и увидел, что разъяренный Хендерсон указывает на нас. Я видел, как он шевелит губами, но слов не слышал. Тогда-то я осознал, что по нам до сих пор палят, просто выстрелов не слыхать. Каким-то чудом мне удалось подгрести к бревну Сэмми. Я обхватил ее и втащил на бревно. Потом связал наши бревна бечевкой. Сделать это было трудно, я боялся, что утоплю клубок. Я вообще всего боялся.

Сэмми глотнула воздуху, но ничего не сказала. На миг открыла глаза, но тут же опять закрыла.

— Работай ногами, — подсказал я. — Постарайся доплыть до Нормана.

Норман был во власти течения. Я видел, что он

даже не пытается работать ногами. Я направил бревно наперерез ему. Почти ничего не было видно. Полил дождь, но не сильный. Ветер поднимал волны.

Наши бревна уткнулись в спину Нормана. Я схватил его, подтащил к нам. Он ничего не сказал. Потом вдруг выпрямился и едва не выпустил бревно.

— Я тебя поймал, — сказал я.

— Они стреляли в нас? — недоверчиво спросил Норман. — А где эта девушка? — добавил он.

— Держится, — ответил я и взглянул на макушку Сэмми. Руки ее обхватывали бревно. — Сэмми, — позвал я, но она не откликнулась.

— Они стреляли в нас, — повторил Норман. — Но от мертвого раба нет проку. Почему они в нас стреляли?

— Они ненавидят нас, Норман.

Вокруг бурлила река.

— Нам не доплыть на ту сторону, — сказал я.

— Что?

— Течение отнесет нас вниз и прибьет к тому же берегу, — пояснил я. — Правда, уже темно, так что они не узнают, где мы причалим. Они, наверное, думают, что мы гребем на тот берег. Как бы то ни было, мы будем в нескольких милях от них.

— Ладно, — ответил Норман. Он пытался собраться с мыслями.

— Сэмми, — снова позвал я. — Сэмми!

— Что с ней? — спросил Норман.

Я подобрался к ней, приподнял ее голову. Сэмми обмякла.

— Она захлебнулась? — спросил Норман. — Она умерла?

Я положил руку ей на спину.

Мне удалось удержать нас вместе. Течение, как я и думал, прибило нас к яру, поросшему колючим кустарником — кажется, ежевикой. Ветки цеплялись за нашу одежду и кожу, когда мы выбирались на берег. Шипы впивались в раны на моей спине, больно было до крика, но я больше боялся за Сэмми. Я закрывал ее собою. Норман первым вылез на берег и вытянул нас из воды. Я перевернул Сэмми на спину, посмотрел ей в лицо. Глаза ее были закрыты, дыхания я не почувствовал.

— Она умерла? — спросил Норман.

Я перевернул ее на живот, чтобы выдавить из нее воду. Нажал ей на спину, рубашка задралась и обнажила дыру.

— Неужели это… — Норман осекся.

Я прикоснулся к почерневшей вмятине.

— Ее подстрелили, — сказал я.

— Господи боже, — проговорил Норман.

— Она мертва.

— Надо было оставить ее там, где она и была, — сказал Норман. — Она была бы рабыней, но хотя бы живой. А не очередной мертвой беглянкой.

Я оглядел лежащее на земле бездыханное тело.

— Я встретил ее уже мертвой, — сказал я. — И сейчас она умерла опять, только теперь свободной.

— Чушь какая-то, — сказал Норман.

— Ой ли?

Он посмотрел на Сэмми.

— Не знаю. Она мертва.

Я стоял и смотрел вместе с ним.

— Такая маленькая, — сказал он. — Мы ее закопаем?

— Ты веришь в Бога? — спросил я.

— Наверное, верю, — ответил Норман.

— А я нет. Но Сэмми, может, и верила. Поэтому — да, мы ее закопаем. Не того ли хотят все, кто верит в Бога?

— Не знаю.

— Ты разве не хотел бы, чтобы тебя закопали? — спросил я.

— Мне будет уже все равно, — ответил Норман.

— Вдруг Сэмми не все равно?

Я нашел две крепкие палки, раздвоенные на конце, и принялся рыть берег. Ночь была такая темная, что я с трудом видел яму, которую мы копали. Норман рыл бодро, в отличие от меня. Рыл так, будто хотел побыстрее управиться. Стоя спиной к спине, мы терзали землю, словно ее ненавидели.

Мы выцарапали, выскребли яму в мире и опустили в нее маленькую Сэмми. Когда мы начали засыпать ямку, Норман сказал:

— Наверное, надо прочесть молитву.

— Валяй. Прочти.

— Господи, прими Сэмми. — Норман приоткрыл глаз, посмотрел на меня, будто спрашивая, достаточно ли.

— Что тут еще скажешь? — произнес я.

— Надо, наверное, заложить могилу камнями, — предложил Норман.

— Не трудись. Река все равно ее здесь не оставит, — сказал я. — Река выкопает ее и заберет. В свое время река заберет всех нас.

Норман повернулся и взглянул на Миссисипи.

— Да уж, воды в ней много.

— Это меньшее, что можно о ней сказать.

— Час-другой — и рассвет, — добавил Норман.

— Я тебе так скажу: я уже никогда не буду рабом.

Глава 7

Сэмми похоронили ночью, во мраке, в дождь. Мы обхлопали ладонями холмик, представляющий ее жизнь; дождь перестал, облака расступились, обнажая ноготь луны. Я только тогда осознал, как продрог.

— Надо снять мокрую одежду, — сказал я.

Стекло, которым я разводил огонь, я ухитрился не потерять, но без солнца от него, разумеется, не было проку. Мы забрались поглубже в лес, где нет ветра, и прижались друг к другу. Так было теплее.

Проснувшись, я обнаружил, что на груди у меня лежит блокнот Дэниела Эммета. Блокнот весь вымок, но формы не потерял.

— Он лежал у меня в мешке, — сказал Норман.

— Спасибо. — Я боялся открыть блокнот: вдруг рассыплется. — Пожалуй, надо его обсушить.

— Что теперь? — спросил Норман.

Я посмотрел на реку в утреннем свете, ровную и обманчиво тихую. События этой ночи мелькали в памяти, точно кошмар. Могила девушки в считаных ярдах от нас выглядела в точности как могила.

Норман уселся рядом со мной.

— Мы будем пробираться на юг, пока не найдем ничейную лодку или каноэ и не украдем их, — предложил я.

— Украдем? А если поймают?

— Я сам украду, — сказал я. — Если, конечно, найдем. Может, нам удастся спрятаться на пароходе, который идет на север. Может, ты снова меня продашь.

— О да, в прошлый раз нам это удалось как нельзя лучше.

Я кивнул.

— Теперь все нас ищут с собаками, думают, мы бежим на юг, а я предлагаю двинуть на север.

— С чего ты взял, что мы найдем лодку?

— Обычно их оставляют на берегу, — пояснил я. — Не тащить же каждый раз домой. Главное — чтобы хозяина лодки поблизости не оказалось. А то на лодке тебя долго видно.

— Гм…

Мы ушли, больше не взглянув на могилу Сэмми. И направились лесом на юг, стараясь не потерять из виду реку. Я не сомневался, что от Хендерсона и его подручных мы отделались, но не мог поручиться, что весть о нашем побеге не достигла и этих краев.

Ближе к полудню мы опасливо вышли на берег, и я углядел прикрепленный к колышку перемет. Рядом еще был привязан ялик. Норман караулил, а я зашел в воду и снял с крючков четырех крупных сомов. Мы забрались поглубже в лес и позавтракали. Две рыбины мы съели, а оставшиеся я разрезал на полосы и повесил коптиться над дымящимися углями.

— Лодку возьмем? — спросил Норман.

— Нет. В сумерках наверняка явятся проверять перемет, но на ночь уйдут домой. Вот тогда-то мы и возьмем лодку.

Мы легли на землю и уставились в небо.

— Как у тебя ловко все получается, — сказал Норман.

— Я знаю эту реку. Я знаю белых, которые на ней живут.

Я открыл блокнот и разлепил страницы, чтобы их просушить.

Только начало темнеть, как меня разбудил Норман. С реки доносился плеск. Приблизившись, мы увидели лодку: мужчина и мальчик плыли проверять перемет. Улов оказался богатый, и они не заподозрили, что мы их обворовали. Сомов забрали, а лодку снова оставили без присмотра на берегу. Правда, весла взяли с собой.

— До утра они не вернутся, — сказал я. — Надо смастерить весла.

Целый час мы остатками бечевы привязывали к крепкой раздвоенной палке ветки поменьше. Нам хватило всего на одно весло — правда, доброе. Когда мы наконец отвязали ялик и отплыли, уже стемнело. Мы прихватили с собой несколько рыбин, поймавшихся на перемет. Другой берег был далеко и тонул во мраке, мы его не видали. Впрочем, и при свете дня мы вряд ли его разглядели бы. Лодку качало.

— Она не потонет? — спросил Норман.

— Вот и узнаем, — сказал я. Но потом вспомнил, что Норман не умеет плавать, и понял, как ему страшно. — Не потонет. Сиди спокойно, река сама о нас позаботится.

— Этого я и боюсь.

— Все будет хорошо.

Когда мы выгребли на середину, я уже выбивался из сил. Мы едва ли не целиком были во власти течения. Я не знал, как далеко на юг нас отнесет, прежде чем нам удастся пристать к восточному берегу, но все равно направлял наш ялик туда.

— Смотри, — сказал Норман. — Огни!

Я увидел фонари парохода. Он был еще далеко и направлялся вверх по течению, в нашу сторону.

Мы его пока что не слышали, но меня осенило:

— Норман, иди сюда, — сказал я.

Он подполз ко мне.

— Греби что есть мочи.

— Ладно. Что мы намерены делать?

— Мне нужно, чтобы мы очутились прямо вон перед тем пароходом.

— Ты в своем уме?

— Если колесо у него на корме, я попробую привязать нас к кранцам или к канату, и мы заберемся на борт.

— Но? — уточнил Норман. — Всегда имеется “но”.

— Если колесо у него сбоку, нам придется труднее, — сказал я, но умолчал, что нас, возможно, порубит в куски.

Пароход приближался; мы услышали, как колесо с шумом взбивает воду. Нам удалось встать прямо по курсу судна. Неважно, с какого борта мы будем, наветренного или подветренного: главное, быть готовыми к волнам и качке.

Пароход надвигался, громкий, огромный; Норман орал и едва не выпрыгивал из ялика. Мы чуть не перевернулись на волне от правого борта. Нас развернуло носом против течения. Норман вцепился в сиденье. Мы приблизились к парохо-

ду, и нас толкнуло на борт. Я принялся шарить по корпусу в поисках чего-то, к чему привязать наш ялик, и чувствовал, что в любую минуту могу выпасть в воду.

— Господи боже! — крикнул Норман.

Я обернулся и увидел, что у этого парохода колесо расположено сбоку и лопасти его взбивают воду прямо за нами. Страшное зрелище. Я ощутил, как нас затягивает под колесо. Я попытался ухватиться за канат, свисающий с борта, и в кровь разодрал руку. Я уцепился за чалку и подтянул нас туда, но долго я так не продержался бы. Я едва не уронил мешок, висевший на моей шее.

— Хватайся за меня! — крикнул я Норману. Я стоял на носу нашей лодчонки. Нас все сильнее затягивало, засасывало под колесо. — Хватайся!

Я почувствовал, как Норман повис на мне всею тяжестью. Дальше цепляться за чалку не было сил, я подтянулся и повис на толстом канате. Норман заорал.

— Перелезай на канат! — крикнул я.

Стало легче, и я догадался, что Норман — хотя бы частично — повис на канате. Вскарабкаться по нему он догадался и без моих понуканий. Страх гнал его прочь от воды, на палубу, при этом Норман наступил на мое плечо и голову. Лезть было

невысоко, но подъем отвесный; ряды веревок послужили опорой для наших ног. Я полз следом за Норманом и, как мог, подталкивал его вверх. Оглянувшись, я увидел, что колесо парохода измололо наш ялик в щепу. Норман, наверное, тоже это заметил, поскольку рванул прочь от меня, на палубу. Я из последних сил подтянулся и рухнул рядом с ним.

— Господи Иисусе, — бормотал Норман. — Господи Иисусе.

— Иисус не имеет к этому ни малейшего отношения, — сказал я. — Ни к хорошему, ни к плохому.

— Мы живы?

Я не ответил. Я сел и обвел взглядом палубу. Над нами топали люди. Потолок был низкий, не выпрямишься во весь рост. Казалось, ходят прямо по нам. Мы слышали, как пассажиры вопили — некоторые, как ни странно, весело, — заметив обломки ялика.

— Господи! — вскрикнула женщина.

— Им точно крышка! — заорал мужчина.

Вдоль борта не было ни леера, ни даже порожка. Плеск волн и шлепанье колеса сливались в пугающую мелодию.

— Нам надо спрятаться, — сказал я.

Послышались чьи-то шаги. Мы открыли деревянный люк и очутились в помещении, где лампы светили так тускло, что ничего было не разглядеть. Мы юркнули в тень и замерли. Шум двигателя оглушал. Если к нам кто-то подойдет, мы даже и не услышим. Мне под ногти забилась смола, было ужасно больно.

Глава 8

— Ентo кто тута? — крикнул кто-то, заглушая рев двигателя. Вокруг все шипело, лязгало. — Ентo кто еще тута? — Жилистый чернокожий перешагнул через трубы и уставился на меня. — Чево ты здесь делашь, малый? — В руке у него была свеча в под- свечнике.

Я не знал, есть ли поблизости белые, а потому ответил:

— Прячуся.

Норман был у меня за спиной, за столбом.

— Тебе здеся не место.

— Сам знаю.

Пришедший чуть приподнял свечу и вдруг увидал Нормана.

— Извиняюся, сэр. Я ить не видал, что вы тута.

Норман хотел было его успокоить, но я еле заметно качнул головой.

— Мой масса привел меня сюды, чтобы связать, — пояснил я.

Чернокожему показалось странным, что я вообще разговариваю, — он так и сказал:

— А чево ентo ты болтаешь?

— Не смей так разговаривать с моим рабом, —

вмешался Норман.

— Извиняюся, сэр. — Он потупился. — Я ить просто не понял, зачем вы здеся, внизу. Сюда ить никому нельзя. Ни черным, ни белым.

— Что ты сказал, малый?

— Ничаво, сэр.

— Ступай прочь, не мешай мне разговаривать с моим рабом.

Чернокожий поплелся прочь и скрылся за двигателем. Мы проводили его взглядом.

— Оттуда он нас не услышит, — сказал я.

— Зачем? Зачем мне перед ним притворяться белым?

— Мы же не знаем, можно ли ему доверять.

— Но он раб.

— И что? — спросил я. — Некоторые рабы ничуть не против быть рабами. Я это недавно понял. Вдруг он тоже такой?

Норман посмотрел туда, где скрылся чернокожий.

— Я не вижу его.

— Что, если он расскажет? Ему незачем знать, что я беглый. Что мы беглые. Что тогда с нами будет?

— Ты прав. Мы так и останемся здесь?

— Может, тебе удастся подняться на палубу и

раздобыть еды?

— Посмотри на меня.

Даже в тусклом свете я разглядел, до чего он растрепанный. Одежда не только мокрая, но и вся в смоле. Глядя на Нормана в таком виде, я с новой силой осознал, как много значит цвет кожи. Его оказалось достаточно, чтобы запутать раба из машинного отделения и принудить к повиновению. Норман выглядел как самый бедный и жалкий из белых, но все равно внушал страх и уважение. А вот с белыми наверху этот номер не пройдет — они, может, и не догадаются, что он черный, но уж точно сочтут его хуже себя, очень бедным белым.

Снова явился тот раб, что уже подходил к нам.

— Я извиняюся, сэр, но вам тута нельзя. Вы на меня беду навлекете, — сказал он.

Я шепнул Норману:

— Спроси его, где хранится багаж.

— Эй, малый, где хранится багаж?

— Чево?

— Не чевокай мне тут, черномазый. Ты меня слышал, — отрезал Норман.

Раб посмотрел на Нормана, на его одежду. Он явно был в недоумении.

— Багаж, малый.

— А вот тамотка, в носовом трюме. — Раб примолк. — Сэр, у меня две работы. Мне надобно следить, чтобы огонь горел и вот ентот котел кипел, и еще чтобы здеся никого не было.

— Так иди и кидай уголь, — рявкнул Норман так властно, что я удивился и восхитился.

— Ежели мистер Кори придет и увидит вас тута, он мене самого сунет в огонь. Может, и вас. — Раб смерил меня взглядом. — А тебя так особенно.

— Так не говори ему ничего. Ну, ступай!

Раб поспешно ушел.

— А неплохо, — похвалил я Нормана. — Правдоподобно.

— Терпеть этого не могу, — признался он.

— Понимаю. — Я подтолкнул его вперед. — Пойдем поищем тебе костюм. Все лучше твоих обносков.

Носовой трюм оказался открытым отсеком в передней части судна. Багаж здесь не хранился, а скорее валялся, покрытый угольной сажей от пароходной топки. Мы разглядели только край этой груды, поскольку единственный свет в помещении шел от светильников, оставшихся далеко позади нас.

— То есть мы вот так возьмем и залезем в чужой сундук? — спросил Норман.

— Не залезем, а залезешь. Если тот раб увидит меня за этим занятием, мигом побежит доносить, — сказал я.

Норман принялся открывать сундук за сундуком. У некоторых подцеплял крышку моим ножом.

— Тут всё женские вещи, — сказал он.

Я караулил: вдруг покажется кочегар или еще кто-нибудь.

— Ищи дальше, — сказал я. — Обязательно что-то найдешь.

Чуть погодя Норман вздохнул с облегчением.

— Я кое-что нашел.

— Одевайся.

Я отошел от него и стал смотреть, как чернокожий бросает уголь в топку. В оранжево-красном свете раб казался диковинным существом — если не демоном, так, значит, его подручным. Работал он с улыбкой.

Я вернулся к Норману; вид у него был диковинней, чем даже у кочегара. Норман нашел костюм какого-то коротышки. Толстяка с неестественно длинными руками. Штаны едва прикрывали ему колени. Пальцев не было видно из-под рукавов сюртука. Норман закатал рукава, что-то бормоча себе под нос.

— Чего ты? — спросил я.

— Что, если тот, наверху, узнает свою одежду?

— Бог?

— Да не “Тот наверху”, а хозяин этих вещей. — Норман покачал головой и едва не рассмеялся.

— Не узнает, — заверил я. — Белые тщеславны. На тебе эти вещи смотрятся жутко. А он наверняка считает свой костюм изящным.

— Клянусь Тем, наверху, я очень надеюсь, что ты прав. Если мне придется прыгать за борт, мне конец.

Из-за жары в кочегарке и волнения Норман обливался потом.

Я кивнул.

Мы подошли к топке, кочегар воззрился на Нормана.

— Как мне попасть на верхнюю палубу? — спросил Норман.

— А вы рази не знаете?

Норман пронзил его взглядом.

Кочегар указал путь.

Норман повернулся ко мне.

— Жди меня здесь. Слышал, малый? А если этот черномазый станет протестовать, не слушай.

— Да, сэр, — ответил я.

Норман вскарабкался по низенькой лестнице и

скрылся за низенькой дверью. Я отметил, как легко он ступает. Он двигался, точно крупный кот. Обратил я внимание и на то, как глядел на него кочегар — пожалуй, с ненавистью, и уж точно со страхом, но в конце концов с восхищением.

— Значит, это твой масса, — сказал кочегар.

— Да.

— Какой-то он странный.

— Тебя как зовут? — спросил я.

— Брок. А тебя?

— Джим.

— Ну, Джим, иди сюда, покидай уголек.

— Что?

— Если ты здесь, внизу, значит, будешь работать. Такое у меня правило. Или я пойду наверх и скажу массе Кори, что ты тут. И тогда он придет сюда и своим плетеным кнутом спустит с тебя шкуру.

Признаюсь, напугал он меня до смерти, но куда больше смутил. Я взял лопату и принялся кидать уголь в топку. Шум от нее шел столь же сильный, как и жар. Деревянная рукоятка лопаты раскалилась так, что больно было держать. Я то и дело перехватывал черенок руками.

— Не останавливайся, — понукал меня Брок. — Работай давай. Покидаешь подольше, привык-

нешь. И даже полюбишь это дело.

— Ты-то сам его любишь? — спросил я.

— Люблю, — ответил Брок. — Это же для моего массы.

— Почему ты так его называешь, когда говоришь со мной?

— Потому что так уж положено. — Он впился в меня взглядом. — И не думай, что я ничего не заметил.

— И что именно ты заметил? — уточнил я.

— Кое-что. — Он схватил висевшее на трубе грязное полотенце, вытер лицо и шею. — Кое-что происходит. И когда масса Кори спустится в кочегарку, я ему кое-что скажу.

— Лучше не надо, — попросил я.

— Что твой масса вообще здесь делал? И почему ты с ним так разговариваешь? Что-то здесь не то.

Я закинул в топку еще несколько лопат угля.

— Сколько еще кидать? — спросил я.

— Сколько ни кинь, все мало. Двигатель все время жрет. Чем жарче огонь, тем быстрее идет пароход.

— И ты никогда не отдыхаешь?

— Отдыхаю, пока уголек летит в топку.

— А спать когда?

— Дремлю по чуть-чуть. — Он примолк. — Пока

уголек летит в топку.

От печи шел небывалый жар.

— И помощника у тебя нет.

— Ты.

— И все?

— Это моя машина. Без меня она встанет.

— Ты делаешь это для массы, — уточнил я.

Он обиделся.

— Это моя машина.

— Ты хоть выходишь из кочегарки? Поссать или там посрать?

— У меня есть дыра в полу. На корме.

— Тут даже окон нет, — не унимался я. — Как ты определяешь, когда день, когда ночь?

— А какая разница? Огонь горит, колесо крутится. Колокол звонит один раз — я открываю клапан. Два раза — два клапана. Четыре раза — эти закрываю, этот открываю, и весь пар идет в колесо. Так и плывем.

— А когда пароход в порту?

Он уставился на меня.

— Когда он стоит, — пояснил я.

— Тогда сюда по тому желобу загружают уголь, а я протираю все детали и приборы. И еще в баки доливают воду.

— И еще в кочегарку спускается Кори.

— Масса Кори, — поправил меня Брок.

— Масса Кори. Он ведь тогда спускается?

Брок не ответил.

— Ссыпают уголь, я опять развожу огонь, колесо крутится, мы плывем.

— Когда масса Кори в последний раз сюда приходил?

— Бывает, котел постукивает. Уж не знаю почему. Раньше так не стучало. И еще пароход дрожит.

Я посмотрел на гигантский паровой котел, темно-серый, почерневший от сажи, порыжевший от ржавчины. Отер пот с лица, посмотрел на испачканные сажей ладони.

— Ты все время здесь этим дышишь? — спросил я.

— Тут нет ничего страшного. Я дышу распрекрасно. А вот ты и тот человек, которого ты называешь массой, странные.

Колокол прозвенел четыре раза.

— Надо все распахнуть на полную, — обрадовался Брок, покрутил какие-то колесики, потянул рычаги.

— Поддай, — скомандовал он.

Я подбросил в топку угля.

Трубы шипели, котел дрожал и издавал почти

человеческие звуки. Мне не хватало познаний определить, нормально это или нет.

— Слышишь? — спросил меня Брок. — Послушай. Будто женщина плачет.

— Ты рассказывал Кори про этот звук?

— Массе Кори.

— Так рассказывал или нет?

— Ни к чему это, — ответил Брок.

— Послушай, я устал. Я сделаю передышку.

Брок забрал у меня лопату и подбросил в топку угля.

— Как же здесь жарко. — Я уселся на пол, прислонился спиной к стене. — У тебя есть что поесть?

— Нету.

— Когда же ты ешь? — спросил я.

— Когда пора. Поднимаюсь, забираю поднос — его мне оставляют у двери — и ем. Каждый день.

— То есть ты вообще отсюда не выходишь?

— А как нам иначе плыть, — сказал Брок. — Масса Кори следит за этим. — Кочегар потер лоб запястьем. — Иногда мне дают кукурузный хлеб.

Я закрыл глаза, стараясь не думать о зное. Спать я не мог, но меня убаюкал ритмичный шорох угля. Потом Брок запел. Голос у него был низкий и не очень-то музыкальный, хриплый и сбивчивый.

Я гну спину на пароходе,
И-ха, и-ха!
Я гну спину пароходе,
Без мене он не поплыветь.

Дождики капчут в реку,
И-ха, и-ха!
Дождики капчут в реку,
А пароход плыветь.

Пароход раздвижает воду,
И-ха, и-ха!
Пароход раздвижает воду,
Без мене он не поплыветь.

Масса Кори харчи мне носить,
И-ха, и-ха!
Масса Кори харчи мне носить,
А пароход плыветь.

Я открыл один глаз, понаблюдал за Броком и снова зажмурился, потому что зрелище мне не нравилось. К сожалению, ни мне, ни реву двигателя не удавалось заглушить его жуткое пение.

Тянулись часы. Я, наверное, уснул, хотя, проснувшись, решил, что мне это показалось.

Время застыло, но застыло уж очень надолго. Я гадал, каково сейчас Норману наверху — он, наверное, нервничает, но ему там хотя бы удобно, не жарко, к коже не липнет сажа, правда, ему там страшнее, чем мне тут, и более одиноко. Злится ли он? А я-то сам разве жил когда-то без злости?

Я вдруг осознал, что не слышу ни пения, ни шороха угля. Я открыл глаза и увидел, как Брок что-то ест грязными руками из оловянной миски.

— Что там у тебя? — спросил я.

— Кукурузный хлеб, — ответил он.

Я взглянул на лестницу у двери.

— Еще есть?

— Нет. — Он сунул в рот последний кусок.

— А поделиться ты не подумал? — спросил я.

— Тебя тут вообще быть не должно.

— Ты сказал про меня Кори?

— Массе Кори.

— Так сказал или нет?

— Тебя тут быть не должно.

— Ты не видел его. Он оставляет тебе еду под дверью, как псу. Как хоть выглядит твой масса Кори?

— Как масса, и все тут.

У меня заурчало в животе. Я хотел было слизать

крошки с его миски, но не стал. И снова закрыл глаза.

Наверху распахнулась дверь. Я юркнул в тень. Вдруг это Кори? Еще одной порки я просто не выдержу. Не выдержу — то есть не стану терпеть. Я острее чувствовал злость, копившуюся во мне двадцать семь лет.

Но это оказался не Кори, а Норман.

— Что ты выяснил? — не подумав, спросил я его, и Брок тут же ко мне обернулся. Ведь я обратился к белому не на рабьем наречье.

— Божечки, — сказал Брок. — Так и знал, чево-то тут не тово. Уж не знаю, чево именно, но не тово, енто точно.

Нормана смутил его выпад.

— Иди сюда, — сказал он мне. — Нам надо поговорить.

— Божечки, божечки. Ажно жуть берет! — сказал Брок.

Я поплелся за Норманом, оставив Брока кидать уголь. Он работал лопатой усердно, проворно.

— В чем дело? — спросил я, едва мы отошли так, чтобы он не услышал.

— Там Эммет.

Я посмотрел на топку.

— Он меня не заметил, а вот тромбонист,

кажется, да. Никогда мне не нравился этот тип. — Норман полез в карман. — Я тебе хлеба принес.

— Спасибо.

— И вот еще что, — продолжал Норман. — Народу на пароходе тьма тьмущая. Битком. Все пытаются попасть домой, на Север, потому что идет война.

— Война?

— Рабовладельческие штаты пытаются выйти из союза. Так я слышал. Я толком не понимаю, что все это значит. Но всем все равно страшно.

— Война, — повторил я.

— Ну а вы здесь как? — спросил Норман.

— Во-первых, этому рабу нравится быть рабом, — ответил я. — И еще он, кажется, обожает своего "массу", как он его называет.

— Бывает.

— Да, но, по-моему, нет у него никакого массы.

— Что?

— По-моему, нет у него никакого хозяина. Массы Кори. Он все время торчит в кочегарке, чтобы пароход плыл по реке. А масса Кори, может, и вовсе помер. Может, даже сгорел в этой самой топке.

Норман покосился на Брока.

— Ты гляди, как он разошелся.

Я обернулся. Брок двигался как одержимый, лихорадочно лопатил уголь; пламя, казалось, силится вырваться из топки, охватить кочегара. Огромный котел заверещал снова, на этот раз громче, пронзительнее. Пронзительнее и дольше. Двигатель содрогнулся и загрохотал. Ритмичный стук двигателя не совпадал с плеском колеса.

— Тут что-то не так, — сказал Норман.

Глава 9

Вся кочегарка тряслась и гремела. Гудел не только котел: в помещении стоял гул, который скорее чувствовался, чем был слышен. Колокол прозвонил не четыре, а шесть или семь раз. Я подошел к Броку. Следом за мною Норман. Брок, как прежде, неистово подбрасывал в топку уголь.

— Семь звонков — это что? — спросил я.

— Ентого я не знаю, — ответил он. — Больше, чем четырех, он никогда не звонил. Я не знаю, чево это — семь звонков.

— Почему он так суетится? — спросил Норман.

— Полоумный, — ответил я.

Брок остановился.

— Почему ento ты так говоришь с ентим белым? Я ить знал, чево-то тут не тово. И не раб ты ему вовсе.

— Я не белый, — пояснил Норман.

Брок опешил.

— Чево?

Я пожалел, что Норман этот сказал.

— Успокойся, Брок. Все в порядке.

— Вот ты опять.

— Я не белый, — повторил Норман.

В это мгновение грохот, стоящий в кочегарке, резко усилился. Котел завизжал пронзительнее, трубы зашипели, коленчатый вал, казалось, вот-вот погнется. Откуда-то вылетела заклепка и ударила в стену прямо за Норманом, едва его не убив.

— Господи Иисусе. — Норман пригнулся и повертел головой — не летит ли еще заклепка.

Брок обернулся и посмотрел на двигатель. Коленчатый вал заело, он остановился. Брок повернулся к нам и взглянул на нас с таким страхом, какого я еще не видал ни у кого, ни у белого, ни у черного, ни у свободного, ни у раба.

— Черт, — произнес он.

Опомнился я в ледяной воде. Я едва не захлебнулся, и это привело меня в чувство: средство действенное, хоть и страшное. Небо подсказало мне, что уже рассвет, но едва ли это имело значение. Меня окружали доски, сундуки, стулья, кричащие, плачущие мужчины и женщины. Всюду качались головы. Ко мне прибило какого-то мужчину. Я его отпихнул. Безжизненное лицо какой-то женщины ткнулось в мое плечо. Казалось, женщина улыбается.

— Норман! — крикнул я.

Я разглядывал глаза, рты, мертвые и живые,

тщась отыскать моего друга. Люди скрывались под водой и уже не выныривали. До берега было ярдов сто, может, больше.

— Норман!

Что-то схватило меня за щиколотку — может быть, чья-то рука — но потом отпустило.

— Джим! — окликнули меня.

Я обвел взглядом доски и мебель, чувствуя, что сильно обжег плечо. Раны на спине, казалось, снова открылись. А потом я увидел его. Норман был ярдах в тридцати от меня, то скрывался из виду, то появлялся снова. Он цеплялся за какую-то досочку. Изо всех сил старался удержать голову над водой. Норман снова окликнул меня, попытался мне помахать. Он силился отыскать что-то побольше, за что можно уцепиться. Он увидел, что я его вижу, и на его испуганном лице мелькнуло облегчение.

— Джим! — окликнул меня другой голос, повыше.

Голос был знакомый. Я отыскал глазами лицо Гека. Он барахтался в воде. Лоб его покраснел от крови. Гек тоже был ярдах в тридцати от меня.

Оба звали меня, и один, и другой. Оба были от меня на одинаковом расстоянии, но не рядом друг с другом. Я словно попал в дурной философский

пример. Гек ушел под воду и снова вынырнул на поверхность, шлепая руками по воде. Норман цеплялся за досочку. Я застыл, не двигался ни туда, ни сюда: мне нужно было выбрать, к кому плыть.

Воздух полнился криками, воплями, рыданиями, но только два голоса я слышал ясно, два голоса, выкликавшие мое имя.

Часть III

Глава 1

Я вытащил его тело на берег, ухватив за штанишки. Я выдохся, выбился из сил, он был почти без сознания. Но живой. Он лежал, уткнувшись лицом в песок, и кашлял водой.

— Как вы себя чувствуете? — спросил я.

— Так я не помер?

Я похлопал его по ноге и рухнул на спину, уставился в ярко-синее небо.

— Джим?

— Что, Гек?

— Откуда ты взялся? — спросил парнишка. — И как получилось, что ты именно сейчас оказался в воде?

— Из Ганнибала я, как и вы. Вот я откудова взялся. — Я обвел взглядом берег: всюду виднелись люди и обломки кораблекрушения. Нормана я не заметил. — Лутше нам уйтить в лес. — Я поднял мальчика на ноги, и мы побрели в густой подлесок.

— Ничего не соображаю.

— Все будить хорошо.

Мы уселись на жесткую траву, поглядывали из-за кустов на берег, слушали крики, стоны, руга-

тельства. Кто-то из спасшихся, видимо, умирал.

— Может, пойдем им поможем? — предложил Гек.

Я покачал головой.

— Но они же ранены.

— Мы ить не докторы, — сказал я.

— Знаешь, будет война.

— Какая война?

— Север супротив Юга, — ответил Гек. — На пароходе говорили, что Север хочет освободить вас, рабов.

— Прямо так и говорили? А скажите мне, Гек, вы-то как оказалися на ентом пароходе?

— Меня туда притащили Король и тот тип, Бриджуотер. Я разок-другой пытался от них убежать, но они меня изловили. Они прознали, что будет война, а они вроде бы оба с Севера. В общем, они напугались и решили ехать в Огайо. Наверное, теперь они оба померли. Может, валяются на берегу.

— Тем боле не надоть туда соваться, — сказал я.

— Когда мы были в реке, тебя звал какой-то мужчина, — продолжал Гек. — Кто это был?

— Друг, — ответил я.

— Друг? Что за друг?

— Просто друг.

— Как его звали?

— Звали его Норманом.

— Плохи его дела, — сказал Гек. — Он ушел под воду. Наверняка утонул. Как Бриджуотер и Король — не знаю.

Я кивнул.

— Он ведь звал тебя.

— Знаю, Гек.

— Но ты спас меня.

— Что уж таперича.

— Как, говоришь, его звали? — спросил Гек.

— Норман.

— Ты подружился с белым?

— Он был не белый, Гекльберри, — сказал я.

— Почему ты спас меня, а не его? — допытывался Гек.

— Спас, да и вся недолга. Не мог же я вас двох спасати.

— Но почему меня, Джим?

Может быть, я устал от рабьего говора. Может, возненавидел себя за то, что лишился друга. Может быть, ложь сжигала меня изнутри. Но по всем этим причинам я ответил ему:

— Потому что, Гек — надеюсь, ты не подумаешь, что я спятил или шучу, — потому что ты

мой сын.

Гек отрывисто хохотнул.

— Что?

— Ты мой сын. А я твой отец.

— Почему ты так говоришь?

— Ты имеешь в виду дикцию или содержание?

— Что? Что такое содержание?

— Не обращай внимания. Мы с твоей мамой были знакомы с детства. Мы дружили. И потом мы выросли. И. И ты мой сын.

Гек совсем растерялся, но я ничем не мог ему помочь. Я закрыл глаза, и от усталости меня сморил сон.

Проснувшись, я обнаружил, что Гек пристально глядит на меня. Было еще светло, но солнце клонилось к закату. Я снова попал на миссурийский берег, на тот берег, где беглого раба Джима помнят, могут узнать и неотступно разыскивают разные люди с дурными намерениями.

— Папаша знал? — спросил Гек.

— Сомневаюсь.

— Ух он тебя ненавидел. Думаешь, он поэтому так тебя ненавидел? Потому что знал?

— Он мог ненавидеть меня просто за то, что я черный.

— Так-то оно так, — ответил Гек. — Но мне

всегда казалось, что он тебя как-то особенно ненавидит.

— Мне тоже так казалось.

— Джим?

— Да, Гек?

— Значит, я негр?

— Ты можешь быть кем считаешь нужным, — сказал я.

— Я раб?

— Какая разница, что говорит о тебе закон? Никто, кроме нас, не знает, кто твой отец, значит, ты не раб. Даже если папаша и знал, его больше нет. Помнишь тот плавучий дом?

Гек кивнул.

— Помнишь, там был труп? Я еще не дал тебе на него посмотреть?

— Папаша?

— Да.

— Сколько же у тебя секретов.

— Уж извини.

Гек уставился на свои босые ноги.

— Я папашу всегда ненавидел. Он меня избивал.

— Знаю, — сказал я.

— А Том всегда говорил, что у меня волосы как уткины перья, не намокают, быстро сохнут, —

продолжал Гек. — Это поэтому?

Я пожал плечами.

— И ты всегда был моим папой?

— Так уж устроен мир.

— Значит, Лиззи моя сестра.

— Вроде того.

— А Сэди мне кто? — уточнил Гек.

— Никто.

— И ты всегда так разговаривал?

— Да.

— То есть ты врал мне все время? Ты врал мне всю жизнь?

— Врал, чего уж там.

Гек замолчал. Закрыл глаза, свернулся клубочком и забылся сном.

Когда он проснулся, было уже темно. На берегу все стихло, только местами горели факелы. Я по-прежнему видел глаза Нормана, как его голова то скрывалась в волнах, то вновь появлялась, и как он махал мне, а потом скрылся под водой. Он ведь мне доверял. И погиб. Все прочие лица мертвых белых не значили для меня ничего, а Норман, с такой же кожей, значил для меня многое.

— Нам бы надоть бежать отсюда, — сказал Гек.

Я посмотрел на него в лунном свете.

— Куды нам иттить? — продолжал Гек.

— Почему ты так говоришь?

— Я ить твой сын, значица, по закону я раб.

— Я же сказал: я понятия не имею, что говорит о тебе закон. Но прекрати так разговаривать. В твоих устах это звучит нелепо. Тем более что ты не знаешь этого языка.

— Так научи меня.

— Незачем тебе его знать.

— Я же черномазый, как ты, как мой папа.

— Я не черномазый, — одернул я Гека. — А ты можешь быть кем хочешь. Особенно ты. Хоть белым, хоть черным. Никто тебя ни о чем не спросит.

— И кем же мне быть?

— Живи как жил, — посоветовал я. — Только помни: если тебя увидят или увидят меня в тебе, значит, тебя раскусили. Сейчас ты вряд ли поймешь. Но когда-нибудь — непременно.

Гек ничего не сказал, лишь таращился на меня, или в меня, или сквозь меня.

— Живи как жил, — повторил я. — Если хочешь, можешь быть свободным. Если хочешь, можешь быть белым. А мне надо на север, чтобы найти денег и отправить кого-нибудь выкупить Сэди и Лиззи.

— Если Север выиграет войну, их и так освободят, — сказал Гек.

— Не знаю насчет войны, о которой ты говоришь. Я знаю только, что мне нужно вызволить мою семью. Мне нужно вызволить их из рабства.

— Я твоя семья.

— Ты не раб. Ты белый, вот и будь белым. Возвращайся в Ганнибал, никому ничего не рассказывай. А я поеду на север.

— Но ведь война… — начал Гек.

— Мне от войны никакого проку, Гекльберри.

— Я хочу с тобой.

— Тебе нельзя.

— Ты ведь даже не знаешь, где мы.

— Я знаю, что север там. — Я кивком указал направление.

— Я хочу с тобой.

— Нет.

— Зачем ты меня спасал, если мне нельзя с тобой? Тебе понадобится моя помощь. Я буду добывать нам пищу.

— Я спас тебя, потому что ты мой сын.

Гек таращился на свои руки.

— Они не потемнеют.

— Врешь ты все, Джим. Врешь напропалую. Ни одному слову твоему не верю. Ты врал мне

всегда, значит, врешь и сейчас. Ты врал мне всю жизнь. Обо всем. С чего мне вдруг верить твоим рассказам?

— Вера никак не связана с правдой. Верь во что хочешь. Верь, что я вру, и живи себе белым парнем. Верь, что я говорю правду, и все равно живи себе белым парнем. Разницы нет.

Я посмотрел на Гека и понял, что я ему небезразличен, оттого-то он и злится. Гек всегда чувствовал ко мне симпатию, если не любовь. Он всегда искал у меня защиты, даже когда считал, что это он меня защищает.

— Врешь! — крикнул Гек.

Я смолчал.

— Я не твой сын. Я не черномазый.

Глава 2

Я слыхал о подземной железной дороге. Я был бы рад, если бы она действительно существовала, пусть даже мне и не воспользоваться ею. Но у кого-то же получалось пробраться на Север: вот во что хотелось верить и мне, и многим из нас. Мне было больно при мысли, что без белого спутника, без того, кто сойдет за белого, я не могу свободно перемещаться по свету и обречен скрываться в лесу. Без белого, который заявит, что я его собственность, нет оправдания моему присутствию где бы то ни было — а может, и существованию.

Из укрытия я посмотрел на берег. Все выжившие собрались в одном месте ниже по течению. Мертвые остались лежать где лежали. Я поискал взглядом длинное тело в короткой, дурно сидящей одежде. Сам не знаю зачем. Видеть мертвого Нормана у меня не было ни желания, ни нужды. Однако рядом с безжизненным телом какой-то толстухи я заметил коричневый квадратик. Не сознавая, что делаю, я спустился с травянистого склона холма, на котором мы прятались, на берег. Чем ближе я подходил, тем более убеждался, что это мой блокнот. Так и оказалось. Мне сле-

довало бы оглядеться по сторонам, действовать осмотрительнее, но я не подумал. По глупости, по рассеянности я допустил промах.

— Эй! Глядите! — крикнул кто-то. — Этот негр грабит мертвую белую женщину!

— Он притронулся к ней? Он притронулся к ней? — завопил другой. — Господи помилуй, он точно к ней прикоснулся.

— Эй, да я же его знаю!

И я, как идиот, обернулся к тем, кто указывал на меня.

Среди них был и Дэниел Эммет. Он мигом смекнул, чем именно я занимаюсь.

— У этого раба мой блокнот! Он не ее, он меня ограбил!

К счастью, люди на берегу от изнеможения могли только указывать пальцами и громогласно негодовать. Движимый страхом, я припустил прочь. Я понесся на север по берегу, потом ринулся обратно в лес.

Утомленный, я прислонился к платану, чтобы перевести дух. Я так силился отдышаться, что не сразу заметил Гека. Все это время он бежал за мной по пятам.

— За нами никто не гонится, — сказал он.

— Это пока. — Я посмотрел на него. — Что ты

творишь?

— Ты спас мне жизнь, — сказал Гек. — Твой друг тонул, но ты выбрал меня. Ты спас меня.

— Ну да.

— Нам нужно держаться вместе.

— Нам нужно отнюдь не это, — возразил я. — Мне нужно попасть на Север и стать свободным. Мне нужно заработать денег и послать кого-нибудь выкупить мою семью.

— Я тебе помогу.

— Даже если я вру? — я всмотрелся в его лицо. — Слушай, ступай на берег, а как придет шериф, скажешь ему, что ты из Ганнибала, и тебя отправят домой.

Я выпрямился и направился прочь. Гек увязался следом.

— А это что? — Он указал на блокнот.

— Книжка, — ответил я.

— И ты умеешь читать? Я так и знал. Мы же дружим с тобой всю жизнь! А ты настолько мне не доверяешь, что даже этого не сказал. Что за книжка?

— Она пустая. Я в ней пишу.

— Она вся мокрая.

— Высохнет.

— Ты умеешь писать? Я вот с трудом. Что еще

ты умеешь? Летать? О чем еще ты мне не сказал?

— Теперь я сказал тебе обо всем.

Гек впился в меня взглядом.

— Будет лучше, если каждый из нас пойдет своей дорогой, — добавил я.

— Нет, я с тобой.

— Зачем? Я же тебе вру. Я же тебе не доверяю.

Он пропустил эти слова мимо ушей.

— Если тебя увидит кто-то из белых, я могу, как и раньше, сказать, что ты мой. Я могу сказать, что ты мой раб и мы направляемся домой, что мы искали корову, она потерялась или ее украли.

— Ты, как и раньше, еще ребенок. Никто не поверит, что я твой раб. Идея дурацкая — и была, и есть. — Я направился дальше.

Гек не отставал.

— Я тебе пригожусь.

Как ни досадно мне было это признавать, но он был прав. Если я буду изображать преданного раба, любой белый поверит в россказни Гека. И еще в глубине души мне не хотелось бросать его здесь одного. Я шел впереди, он следом. Мы шли несколько часов, и река все время была от нас сбоку, текла рядом с нами.

Глава 3

Переметов нам не попалось, своего у нас тоже не было, так что мы с Геком решили ловить сомов руками. Занятие это опасное — ловля вручную — и не только потому, что у сома есть зубы, но и потому, что некоторые из них такие громадины — уму непостижимо. Здоровый сом способен утопить взрослого мужчину. В общем, решили, что я буду ловить, а Гек мне поможет, если вдруг что. Мы зашли в воду у яра, я присел и принялся щупать дно. Пошевелил пальцами — будто бы червяки — и пошарил рукой по глинистой стенке в поисках норы, где притаился сом. Принцип я понимал, но попробовал это впервые. Я понимал, что, когда рыба попытается заглотить мою руку, мне надо будет просунуть руку поглубже ей в глотку и вытащить из воды. При мысли об этом меня пробирал холодок. *Дать заглотить мою руку.*

— Не думай его хватать, — напутствовал меня Гек. — Напорешься на колючки — пиши пропало.

— На какие колючки?

— У них сверху и снизу колючки с ядом. Тебе на-

до сделать так, чтобы он сам на тебя набросился.

Из воды торчала только моя голова. Я шевелил пальцами. Проходили минуты, потом еще много минут.

— Ничего у нас не получится, — сказал я.

— Получится.

— А если я вдруг наткнусь на кусающуюся черепаху?

— Я никак не привыкну к тому, как ты разговариваешь, — сказал Гек.

— Твое дело. Я вот боюсь, что тут проще простого наткнуться на черепаху. А может, и на бобра. Здесь и мокасиновые змеи наверняка водятся. Что я делаю? — Я посмотрел на Гека. — Не буду я это делать.

— Подожди немного, — сказал Гек.

Я почувствовал, как меня куснули за средний палец правой руки.

— Я что-то нащупал. То есть правда нащупал. Что-то нащупало меня.

Я энергичнее зашевелил рукой, и меня тяпнули за другой палец. А потом заглотили всю кисть. Страшное ощущение, тем более неприятное, что, когда я попятился, меня потянуло вперед, и рука моя едва не по локоть скрылась в пасти рыбины. Та оказалась такой огромной, что я мигом забыл

и о змеях, и о черепахах.

— Поймал? — спросил Гек.

— Это меня поймали, — ответил я.

— Тащи.

— Тащу.

— Давай помогу. — Гек побрел ко мне, но обнаружил, что ему здесь с головой. Он вынырнул, перепуганный.

— Стой где стоишь, — приказал я.

Сом явно попался гигантский. Я никак не мог отыскать точку опоры — ноги скользили по дну, — и приходилось рассчитывать только на силу рук, а ее оставалось не так чтобы много, поскольку рыбина билась и пыталась меня утопить. Сом извивался. То есть мне казалось, что он извивается, потому что я сам извивался. Мир стал мокрым и черным. Я погрузился в муть Миссисипи. Я не видел ни зги. Не мог поймать равновесие. Я ничего не слышал, хотя Гек наверняка кричал. Грудь мою сдавило — но отчего именно, я не понял. Я боролся отчаянно. Представил себе лицо Нормана. Вспомнил его выражение, когда я видел его в последний раз, перед тем как Норман пошел ко дну, — смесь страха, досады, смятения и злости. Иными словами, в тот миг он выглядел как раб. Я увидел безжизненное лицо маленькой Сэмми

и увидел в ее лице мою красавицу Лиззи. Если я хочу еще раз увидеть Сэди и Лиззи, мне надо высвободиться, глотнуть воздуху. Тут мне снова явился Джон Локк, пусть для того лишь, чтоб сообщить, что жизни моей угрожает опасность.

— Опять вы, — сказал я. — Вы пришли, чтобы снова выступить в свою защиту из-за оправдания рабства?

— Думай об этом как о войне, — ответил мне Локк. — Тебя победили, и пока война не закончится, ты будешь рабом.

— И когда же война закончится? — полюбопытствовал я.

— А закончится ли? Вот в чем вопрос. Кто осмелится утверждать, что она закончится? Война продолжается, пока победитель не объявит, что она завершилась.

— Но если я на войне, у меня есть право давать отпор. Логичный вывод, не так ли? Мое право, а может, и долг, убивать врагов.

— Видишь ли…

— Мои враги — те, кто готов меня убить. Я прав, Джон?

— Видишь ли…

Я рванул, оттолкнулся и выскочил на поверхность. Я вдохнул этот мир и увидел небо, полное

облаков. Собравшись с силами, я потянул что было мочи. Зверюга выскочила из своей земляной норы и пулей — голова, жабры, хвост, — вылетела из воды.

— Иисусе, Джим! — закричал Гек.

Я рухнул на мелководье, рука моя так и осталась в рыбе.

— Он весит добрые полсотни фунтов, — сказал Гек.

Я заметил усы, и на мгновение мне показалось, что это не рыба вовсе. Но потом я увидел ее ясно, и она, признаться, меня напугала — тем, как вытаращила на меня глубокие черные глазища, тем, как упорно цеплялась за жизнь. Я поднял рыбу над водой и перенес на берег. Только тогда она выпустила мою руку из своей широченной пасти. Сом плюхнулся на землю. Гек подкрался, схватил его за жабры и оттащил на траву.

— Иисусе, Джим, — повторил он.

Я вымыл руку от слизи мутной водой Миссисипи. Гек был прав — сом и впрямь весил добрые полсотни фунтов, если не больше, — а я вытащил его из норы и выбросил на сушу, но не почувствовал ни удовольствия, ни радости, ни облегчения. Гек крепким сучком лупил рыбу по голове, пока она не затихла.

— Ужин. — Гек выпрямился.

Я улегся на берегу — корневища кустов впивались мне в спину — и зажмурил глаза так плотно, будто бы запер на ключ.

При виде нашей добычи Гек обрадовался как ребенок. Я вспомнил, что он, по сути, и есть ребенок. Он мог бы идти по жизни, не зная того, о чем я ему рассказал, и труднее ему от этого не жилось бы. В эту минуту я осознал, что открыл ему правду ради себя самого. Я хотел, чтобы у него был выбор.

Глава 4

Полсотни фунтов сомятины — столько двоим не осилить, кем бы ни были едоки. Я переел, поскольку считал, что в долгу перед этой рыбой. Столько еды пропадет даром, ведь сушить ее на потом некогда. Немного рыбы Гек завернул в листья — сказал, для наживки: он по пути постарается что-нибудь поймать. До заката оставались считаные часы, и мы решили отдохнуть, а ночью отправиться дальше по берегу. Было ясно, что те, от кого мы бежали, не последовали за нами: им сейчас лишь бы выжить. Белые часто дивятся, как им удалось выжить в той или иной передряге. Наверное, потому что зачастую им выживать не приходится — только жить. И теперь они не погнались за мною, но, несомненно, рано или поздно погонятся, ведь к ширящемуся непрестанно списку моих прегрешений добавилась кража блокнота.

Мы шли в темноте, и если не видели реку, то, по крайней мере, слышали. Не знаю, злился ли на меня Гек, но со мною не разговаривал. Меня это не огорчало: я так устал, что беседовать не хотелось, и так злился, что не было сил слушать чужие

мысли. Ярость меня по-прежнему завораживала. Чувство уже знакомое, но вот масштаб его, размах и цель были для меня новы и непривычны.

Я подумал, что держаться реки — не самое разумное решение. Слишком просто нас отыскать по следам на мягкой земле.

— Надо б уйти подальше от берега, — сказал я.

— Уже темно, — возразил Гек.

Тут он был прав, я не стал с ним спорить, но и я тоже был прав.

— Значит, давай отдохнем, а с зарею двинемся дальше, — предложил я.

Мальчик, кажется, понимал, что меня беспокоит. И мы легли отдыхать. Я быстро и крепко уснул, Гек вроде бы тоже, потому что, когда рассвело — а солнце взошло слишком быстро, — я с трудом его добудился.

— Есть хочу, — сказал Гек.

— И я, но надо идти.

Мы прошагали около мили на запад и наткнулись на тропу, ведущую с севера на юг. За последнее время она повидала немало путников, и я опасался по ней идти. Уж не часть ли это подземной железной дороги, подумал я. Едва я об этом подумал, как послышался топот множества ног, и я утащил Гека в кусты.

Гек, округлив глаза, смотрел на семерых мужчин в одинаковой синей одежде: они направлялись на юг. На спине у них висели ружья, вещмешки и скатанные одеяла. Все семеро были белые и молодые.

— Это солдаты, — сказал Гек. — Как и говорили люди на пароходе. Они говорили, что рабовладельцы напали на Южную Каролину. Говорили, это случилось несколько месяцев назад, и вот так все началось.

— Не нравятся мне эти ружья, — сказал я.

— А других рассердило слово “рабовладельцы”. Два мужика подрались. Один тип другому типу зуб изо рта выбил. А пароход затрясся и развалился.

Солдаты скрылись из виду.

— Как думаешь, за кого они? — спросил Гек.

Мы застыли, услышав чьи-то шаги. Спрятаться мы не успели. К нам приближался белый солдатик, с виду совсем мальчишка. Должно быть, отстал от товарищей. Мы столкнулись с ним на тропе. Он ошалело уставился на меня, чуть дольше задержал взгляд на Геке, но ничего не сказал — собравшись с силами, бросился догонять отряд. Я едва ли не носом почуял, до чего ему страшно.

— Война. Кто бы мог подумать? — произнес

Гек. — Он ведь ненамного старше меня.

Мысль о войне ничего для меня не значила. Я не знал, что такое война. Я не знал, кто с кем будет драться и почему это должно меня заботить. Я задумался о войне — точнее, попытался задуматься — и почувствовал себя по-детски наивным. Даже Геково мальчишечье романтическое восхищение идеей войны показывало, что он в этом смыслит больше меня. Я же думал лишь об одном: мне надо идти на север.

— Я хочу с ними, — сказал Гек. — Наверняка они будут сражаться или что-нибудь вроде того.

— На север, — произнес я.

— Ты мне не хозяин, — возразил Гек.

Я всмотрелся в его лицо, в его поджатые губы.

— Нет, Гек, не хозяин. И надеюсь, что у тебя никогда не будет хозяина. Тебе бы это не понравилось. Пожалуйста, давай вместе пойдем на север.

— Зачем?

— Потому что мне хочется знать, что ты в безопасности. У мисс Уотсон и судьи Тэтчера ты будешь в безопасности.

— А ты? Ты придешь с повинной?

— Нет, сынок. Я так и буду в бегах. Раз уж мне не выкупить Сэди и Лиззи, я разыщу их, и мы сбежим в свободный штат.

— Это в какой? — спросил он.

— Не знаю. Может, в Иллинойс. А может, даже в Канаду.

— А меня взять с собой тебе в голову не пришло, — сказал Гек. — Почему ты не хочешь взять с собой своего сына?

— Ты и так свободен, — пояснил я.

— Тогда я, пожалуй, пойду на войну, — сказал Гек. — Раз я свободен, значит, могу идти на войну? Я могу делать что захочу.

— Так-то оно так, но скажи мне, за кого же ты будешь сражаться?

— Я как-то об этом не думал. У этих молодцев в синих мундирах вид такой щегольской. Все-таки интересно, на чьей они стороне?

— Как по мне, обе стороны стоят друг друга. Ты же сам говорил, одна сторона против рабовладельцев. Я не совсем понимаю, кого ты имел в виду. Тех, кто рабами торгует, или тех, кто ими владеет.

— А какая разница? — спросил Гек.

— Не знаю, — ответил я.

— Взять и пойти воевать, — сказал Гек. — Представляешь?

— То есть каждый день смотреть смерти в лицо и делать, что говорят? — уточнил я.

— Видимо, так.

— Да уж, Гек, представляю.

Гек всмотрелся в следы солдат, только что прошедших мимо, словно надеялся разглядеть в них какой-то смысл.

— Полагаю, нам лучше вернуться к реке, чтобы понять, где мы, — сказал я. — Эти протоки сбивают меня с толку. Бог знает, куда ведет эта тропа — может, она вообще идет по кругу, если на то пошло.

— Что ты будешь делать, когда мы вернемся в Ганнибал? — спросил Гек.

— Если ты никому не скажешь, что я там, я попытаюсь уйти вместе с Сэди и Лиззи. Я спрячусь и буду выжидать. Денег мне не достать, а даже если бы и достал, раб не может купить раба. Правда, я слышал, что рабы могут выкупиться из рабства. Но я-то беглый.

— И ты бросишь меня? — спросил Гек.

— У тебя все будет хорошо.

— Что это значит?

— Я уже говорил: ты будешь в безопасности. Мисс Уотсон любит тебя. Они все тебя любят. Даже судья Тэтчер готов о тебе заботиться.

Гек замолчал, отвернулся.

— А чего ты хочешь? Ты хочешь податься в бега

вместе с нами? Хочешь прикидываться рабом? Я тебя уверяю, ты этого вовсе не хочешь. Такого не хочет никто. Это вовсе не приключение, Гек.

— Но если то, что ты говоришь, правда, если ты мой отец, разве мы с тобой не должны быть вместе?

— Когда ты верил, что папаша Финн — твой отец, ты тоже считал, что вы с ним должны быть вместе? Подумай.

— Я, наверное, в глубине души знал, что он мне не отец, — ответил парнишка. — Поверить не могу, что ты не сказал мне об этом давным-давно.

— Долг отца — заботиться о том, чтобы его детям ничего не угрожало, так? — Мне было неловко говорить такие банальности. И, по правде сказать, я понятия не имел, что положено делать мне или кому другому.

Гек не ответил.

— Давай найдем реку. А с этим решим потом.

И я направился по густому подлеску на восток.

Если ты заплутал у реки, путь найти тем сложнее, что, когда ты идешь на север, окрестности выглядят иначе, чем когда ты идешь на юг. Как будто два разных скопления вод. А Миссисипи и вовсе сойдет за множество рек. Вода вечно то поднимается, то отступает. Илистые наносы

меняют расположение рифов и отмелей. Острова изменяют форму, порой целиком скрываются под водой, старые скопления валунов исчезают, новые появляются в одночасье. Вот почему мы понятия не имели, где находимся. Красть лодку не было смысла, ведь идти на веслах вверх по течению еще медленнее, чем пешком, а сил отнимает больше. И мы снова отправились в путь на своих двоих, река была справа от нас, но видели мы ее не всегда.

Глава 5

Если ад стал тебе домом, получается, вновь очутившись в аду, ты вернулся домой? Но даже в аду, коль скоро он существует, найдется такой уголок, где жар от огня прохладнее и камни язвят не так больно. Таков был мой ад. Там ждала меня и семья, там ждали меня и напасти: выгребная яма, караульный надсмотрщик. В город мы с Геком прибыли поздно вечером, выспавшись на берегу напротив острова Джексона. Как давно мы с ним прятались в этой пещере! Казалось, теперь, когда Геков папаша мертв, нам в здешних лесах особо бояться нечего, но, разумеется, это было не так. Меня разыскивали за побег и, пожалуй, вдобавок за похищение, кражу, убийство. Солнце давно закатилось, когда мы вышли к лачугам рабов. Костер горел там же, где он горел всегда, но вокруг него не было ни души.

— Беги к мисс Уотсон, — сказал я Геку.

— Я останусь с тобой, — заупрямился он.

Парнишка прошел за мной по двору к моему дому. С тех пор как я убежал, здесь все переменилось и ощущалось иначе. Тишина стояла такая, что меня одолел испуг. Я прибавил шаг.

— Джим? — Это был Дорис. Он приблизился к нам и уставился на меня. — Джим? Бог ты мой. Где же тебя носило? — Тут он заметил Гека и повторил вопрос: — Божечки мои боже, и где енто ты шлялси?

— Вот те на, и ты тоже, Дорис? — удивился Гек.

— Что здесь происходит? — спросил я.

Мир обрушился на меня, как все воды реки Миссисипи.

Дорис покосился на дверь моей хижины и снова уставился на меня.

Я переступил порог. Над очагом спиною ко мне стояла женщина. В дальнем углу на соломенном тюфяке валялся мужчина. Меня охватила злость. Неужели Сэди назначили нового мужа? Неужели такое возможно?

Женщина повернулась ко мне. Она была не Сэди. И от этого меня охватило облегчение и вместе с тем тревога. Мужчина встал. Высокий, широкоплечий.

— Вы кто? — спросил я женщину.

Она бросила долгий взгляд на Гека.

— Я ить Кэти. А енто вон Коттон. — Она указала на мужчину.

— Я пытался тебе сказать, Джим, — добавил Дорис.

— Расслабьтесь, — ответил я. — Парень знает.

— Чево знает? — уточнил Дорис.

— Про наш язык, — пояснил я.

Дорис вздохнул.

— Хорошенькое дело.

— Что ты хотел мне сказать, Дорис? Что ты собирался сказать мне?

— Про Сэди и Лиззи, — ответил он.

— Где они? — Я снова обвел взглядом хижину.

Женщина посмотрела на Дориса и уставилась на земляной пол.

— Дорис?

— Джим, их продали.

Я прекрасно расслышал эти слова, но все равно уточнил:

— Что?

— Их продали.

То, что случилось дальше, расплывается в моей памяти: помню, как стою на коленях. Я рыдал, натурально рыдал. Я почувствовал, что Гек меня обнимает. Через его руки мне передавалась его тревога. Я поднял глаза и увидел смущенные лица Дориса, Кэти и Коттона. Мне еще никогда не было так горько.

— Кто их купил? — спросил я.

Разумеется, они не знали и не могли мне от-

ветить.

— В какую сторону, Дорис? В каком направлении их увезли?

Дорис покачал головой.

— Но они уехали вместе, — сказал он. — Это же хорошо, Джим. Их не разлучили. Разве это не хорошо? Надзиратель, Хопкинс, пришел, увел их, и они уехали.

Я посмотрел на Гека. Кажется, впервые в жизни он увидел меня по-настоящему.

— Гек, ты должен мне помочь, — сказал я. — Кто-то должен мне помочь. — Я никогда так не плакал. — Гек?

— Да чего я могу? — спросил он. Глаза у него покраснели от слез — наверное, как и мои. — Я всего лишь ребенок.

— После того, что ты пережил? — возразил я. — Ты мужчина, Гек. Ты можешь узнать, кто их купил и куда их увезли.

— И как же мне это сделать?

— Ты смекалистый. Сообразишь. Поспрашивай. Расспроси всех и каждого. Поройся в бумагах на столе судьи Тэтчера и найди купчую. Он ведет все дела мисс Уотсон. В общем, придумай что-нибудь. Представь, что это такое приключение.

Это убедило парнишку: он вдруг вновь превра-

тился в парнишку, в ребенка.

— Может, Том мне поможет.

Я кивнул.

— Джим, тебе нельзя здесь оставаться, — сказал Дорис. — Тебя ищут. И если найдут, наверняка вздернут.

— Так и есть, — подтвердил Коттон. — Тебя ищут будь здоров как. За разные преступления. Я слышал их разговоры.

Кажется, этот здоровяк побаивался меня. Видно, за мной утвердилась грозная слава.

— Гек, — произнес я, — беги к мисс Уотсон и скажи ей, что ты вернулся с того света. И еще скажи, что ты видел, как я утоп при крушении парохода. Сочини ей интересную историю.

— Ты хочешь, чтобы я соврал? — спросил Гек.

— Да, я хочу, чтобы ты соврал. Не можешь же ты сообщить ей, что я мертв, и всерьез думать, что это правда. Да, я хочу, чтобы ты соврал. Ври напропалую. Ну ступай.

Гек выбежал из хижины. Коттон, наклонив голову, проводил его взглядом.

— Ты, наверное, и впрямь человек страшный, раз командуешь белой трещоткой. Пусть он еще мальчишка.

— Извините, что я к вам вломился, — сказал я

Кэти и Коттону. — Мне пришлось нелегко.

Они кивнули.

— Вы не возражаете, если я посплю у вашего очага? — Я видел, что Коттон боится, не за себя, так за Кэти. — Ничего страшного. Я найду, где поспать в лесу.

— Ты голодный? — спросила Кэти и взяла Коттона за руку.

— Нет, просто устал.

— Мы постараемся сохранить твою тайну, — пообещал Дорис. — Но постарайся не попадаться никому на глаза. Если надсмотрщик тебя увидит, ты покойник.

— И мы тоже, — сказал Коттон.

— Знаю, — ответил я.

Дорис вздохнул и выглянул за порог.

— Ладно, Дорис. Спасибо. — Я посмотрел на Кэти и Коттона. — Меня не найдут. Обещаю.

Коттон кивнул.

Я улегся на земляной пол у очага. Тепло отупляло — то, что мне было нужно. Запах горящей сырой древесины навевал привычное ощущение, которого мне не хватало. Я почувствовал, как глаза мои закрываются. Кто-то накрыл меня одеялом.

Глава 6

Nous devons cultiver notre jardin[9], — сказал мне незнакомый парнишка, тощий и косоглазый, похожий на белого.

— Извините, я не говорю по-французски, — ответил я.

— И тем не менее в твоем сне я говорил по-французски.

— И тем не менее говорили, — признал я. — И еще, пожалуй, во сне можно узнать того, кого никогда не встречал.

Приглядевшись, я сообразил, что мой собеседник не белый и вовсе не парнишка. Я решил проверить, куда заведет меня этот сон. Я сел, прислонясь к большому дереву — кажется, к дубу, — смотрящему на зеленеющую долину. Коровы паслись на лугу. Птицы порхали ниже того места, где я сидел.

— Красиво, — заметил я.

— Ты считаешь, что твоя семья где-то здесь, внизу?

---

[9] Примечания: 9

“Надо возделывать наш сад” *(фр.).* Вольтер “Кандид”, перевод Ф. Сологуба.

Я вгляделся в долину.

— Считаю.

— Думаешь, ты их найдешь?

— Думаю.

Она рассмеялась.

— Что смешного?

— Не знаю. Надежда? Надежда смешна. Надежда — не план. Это, в общем, ловушка. Хитрость. — Она долго тянула “с”, будто смакуя звук. — Ты таращишься на одну руку, а вторая в эту минуту сует тебе в задницу палку. Острую палку. Ты думаешь, ты им нужен, потому что можешь таскать тяжести. Ты думаешь, ты им нужен, потому что умеешь забивать гвозди. Ты им нужен, потому что ты стоишь денег.

— Что?

— Тебя заложили, Джим. Как ферму, как дом. Теперь ты собственность банка. У мисс Уотсон есть облигация, клочок бумаги, на котором указано, сколько ты стоишь, и теперь ты будешь жить в таком состоянии. Жить. Ты — часть активов банка, и люди со всего света наживаются на твоей черной шкуре в шрамах. Смекаешь? Никто не намерен тебя освобождать.

— Кто-то все же намерен. Война идет.

Она кивнула.

— Может, рабом ты и не будешь, но и свободным тебе не бывать.

— Кто вы?

— Меня зовут Кунигунда.

Я окинул взглядом простирающуюся внизу долину, разрезавший ее шаблонный ручей.

— И все же в конце истории вы возвращаетесь.

— Ну и что?

— Прячься!

Проснулся я оттого, что Кэти крикнула мне шепотом:

— Прячься!

Она посмотрела на дверь.

— Надсмотрщик идет. Полезай в угол вон за ту бочку. Быстрей.

Со всей прытью, на которую был способен, я уполз по утоптанному земляному полу в тень. Кэти схватила соломенную метелку и замела мои следы.

Дверь еще не открылась, а Кэти уже дрожала от страха и отвращения.

Хопкинс, надсмотрщик, вошел в хижину и запустил руку в свои жидкие сальные волосы.

— Коттона нету, мистер Хопкинс, — сказала Кэти.

— Нет, я не к Коттону, ты же знаешь. Я и так

знаю, где Коттон. — Не отрывая взгляда от женщины, он расстегнул пуговицу пропотевшей рубахи. — Задирай подол, девка.

Мне почудилось, будто Кэти посмотрела в мою сторону, но она всего лишь смотрела куда угодно, лишь бы не на него.

— Нагибайся, девка.

— Пожалуйста, мистер Хопкинс.

Слушать, как плоть шлепает о плоть, было противно, мучительно — скверная музыка для любого уха в любое время. Кэти умоляла его перестать. “Не надо больше. Не надо больше”. Она плакала, прижимаясь щекой к шершавой столешнице.

Мысленно я ринулся ей на помощь, схватил изверга за голову и повернул до хруста. Мысленно. На деле же я притаился в тени. Если бы я убил этого человека, если бы я напал на этого человека, если бы этот человек меня обнаружил, наказали бы всех рабов, а некоторых, наверное, даже казнили бы. И белые все равно будут возвращаться и проделывать это с Кэти. В ее молодом лице я увидел мою Сэди. Я увидел свою дочь. Я не отвернулся. Я хотел чувствовать гнев. Я осваивался с моим гневом, учился не только чувствовать, но и пускать его в ход.

— Так-то, девка, — сказал Хопкинс.

Этот белый подонок застегнулся и вышел из хижины.

Я вышел из укрытия и уселся у очага; Кэти поправляла одежду. Я подбросил хворост в огонь.

Я хотел было сказать, что сочувствую ей, но в этом не было смысла. Мы оба знали, где мы находимся, и знали, что ничего другого мы не знаем. Мы знали, что она, я, все мы вечно голые в этом мире.

В хижину вошел Коттон, и я встал. Не могу сказать, что он что-то учуял в воздухе или Кэти недвусмысленно ему намекнула, но Коттон понурил плечи. Мы с ним переглянулись, я прошел мимо него к двери. Я не обернулся, чтобы посмотреть, как они будут общаться, не стал слушать их речи, их звуки. Я выглянул наружу, в сгущающиеся сумерки, увидел, что никого нет, и ушел.

Я пробрался между хижинами, дошел до опушки густого леса и осознал, что лучшее место для меня — остров Джексона. Я знал тамошнюю пещеру, мог рыбачить, мог дожидаться возвращения Гека с весточкой о моей семье. Я не сказал ни Дорису, никому, куда я иду. Рассказать означало накликать беду и на себя, и на них. А кое-кому из рабов, пожалуй, нельзя доверять, ведь им нра-

вится быть рабами: это я уже понял. Мне было стыдно, что я прятался в доме Кэти и Коттона, пусть и всего одну ночь. Я дал им лишний повод опасаться за свою жизнь.

Когда Гек придет и не застанет меня у рабов, он догадается заглянуть в нашу пещеру на острове. Если мисс Уотсон, судья Тэтчер и остальные после его удивительного воскрешения хоть на минуту оставят его в покое.

В сумерках я вошел в реку и переплыл канал. Я не стал рисковать и пробираться во мраке через густой подлесок, по местам, которые стихия и моя память могли изменить, и спал на песчаном берегу. Чуть свет я нашел чей-то перемет и украл единственного сома.

Пещеру я отыскал не без труда: несколько раз я ошибся и еще сделал крюк, поскольку увидел мокасиновую змею. Я потратил без малого два часа, чтобы развести костер с помощью двух камней и сухого мха. Стеклышко я потерял. Я пожарил рыбу и принялся ждать. В кармане моем лежал карандаш. Он уцелел.

Глава 7

Следующие четыре дня тянулись медленно, и это еще мягко сказано. Дни принудительного труда всегда ползли как недели. Двадцать минут порки ощущались как несколько месяцев. Ожидание, пока в окутавшем нас невидимом занавесе возникнет прореха, отнимало века. По правде сказать, оно и длилось веками. Но сейчас ожидание известий о местонахождении моей семьи длилось до бесконечности, безжизненные пространства, разделенные безжизненными пространствами. Никто не смущал покой острова. Здесь не было ничего и ни для кого. Разве только олени. Еще здесь водились еноты, но они есть и на том берегу, вдобавок здесь множество змей, так к чему рисковать? Время от времени к острову причаливали белые мужчины, жгли костры, напивались на берегу и смотрели на проплывающие пароходы. Я рыбачил, ел, спал, думал, записывал. Я записывал свои мысли, чтобы развить их, я записывал, чтобы наверстать собственную историю, и гадал, получится ли. Сон мой тревожила картина изнасилования Кэти. Я ненавидел этого человека. Я ненавидел себя за

то, что не вмешался. Я ненавидел мир, который не позволил бы мне совершить справедливость, не прибегая к несправедливости. Я ненавидел насилие, которое знавала моя жена и которое предстоит узнать дочери. Я ненавидел надсмотрщика, который еще вернется к Кэти. Снова и снова.

И вот однажды утром я увидел, как белые мужчины на ялике отчаливают от облюбованного ими берега. Но каноэ осталось, а с ним и надсмотрщик Хопкинс. Он подкладывал дров в разведенный ими костер и прикладывался к початой с другими бутылке. Его бросили пьяным на острове. Он мурлыкал себе под нос песню. Они с товарищами смеялись, может, рассказывали друг другу о том, как насиловали кого-то, и о других преступлениях. Я отыскал в себе гнев и распалил его. Под защитой лесной тиши я гадал, как мне поступить. Никто не знал, что я здесь. Я вспомнил молоденького раба, который осмелился бросить взгляд на белую женщину. Кусок веревки, отправившей его в вечность, годами висел на дереве в предостережение остальным. Помню его лицо, окостеневшее в смерти. Мальчишка мальчишкой, хоть и убитый. Помню, приятели Хопкинса палили по трупу из пистолетов, а Хопкинс смеял-

ся над ними за то, что не могут попасть.

Когда я приблизился к нему, гнев мой расцвел пышным цветом. Хопкинс дремал и сквозь сон бормотал песню. Я подобрал лежавший рядом с ним пистолет и засунул за пояс: я видел, так делают белые. Я подбросил дров в костер, потом еще и еще, пока огонь не взметнулся выше. От жара Хопкинсу сделалось неуютно, он очнулся и увидел меня за стеною пламени.

— Кто здесь?

— Обнаковенный негр, мистер надсмотрщик, сэр.

— Который? Я тебя знаю?

— Вы мене знаете, сэр, — ответил я.

— Неужели? — Он уронил руку на землю, поискал пистолет.

— Пистолет ваш туточки, у мене, сэр.

— Дай сюда, — приказал он.

— Испужалися, сэр?

— Отдай мне мой пистолет, черномазый.

— А зачем вам занадобилси пистолет, надсмотрщик Хопкинс, сэр? Али боитеся, што я вас пристрелю?

— Черномазый, ты спятил?

— Какой ответ напугает вас больше?

— Что?

— Это вообще-то простой вопрос, Хопкинс. Чего ты испугаешься больше? Раба, который спятил, или раба, который в своем уме и видит тебя насквозь?

— Никакой ты не раб, если так разговариваешь. Кто ты такой?

Я подался к огню.

— Негр Джим?

— Собственной персоной, — подтвердил я. — Дай-ка переведу. Да, сэр, я ить он самый и есть, надсмотрщик Хопкинс. — Я сделал паузу. — Сэр.

— Что вообще происходит?

— Я сейчас подойду к тебе. Пошевелишься — пристрелю. Если ты хоть во что-то веришь, поверишь и в это. Сиди смирно.

Хопкинс дрожал. Он был бы и рад поверить, что ему мерещится спьяну. Я обошел костер и приблизился к нему. Он следил за мной взглядом. К пистолету я не притрагивался, рукоятка его торчала у меня из-за пояса. Я подошел к нему сзади, зашел за валун, к которому он прислонялся. Медленно обхватил Хопкинса за шею, так что его подбородок уперся в сгиб моего локтя, и сдавил.

— Чтобы не тратить эти минуты даром, надсмотрщик Хопкинс, я попрошу тебя вспомнить всех женщин, которых ты изнасиловал. Вспомни

Кэти. Вспомни ее страх, ее голос, как она умоляла тебя перестать. — Я крепче сдавил его шею. Но удерживала его не только моя сила. Не только я. Он начал лягаться. — Видишь ли ты этих женщин, мистер Хопкинс, сэр? Видишь ли ты их сейчас?

Он силился что-то сказать.

Я чуть ослабил нажим.

— Чего тебе?

— Черномазый, ты спятил?

— Возможно. А скажи-ка мне, что же тебя так тешило, когда ты насиловал Кэти? Ее нежная коричневая кожа? Ее сладкий запах? — Я сжал сильнее. — Ее ощутимый страх? Да, именно так. Ее страх. Тебе нравилось, что она плачет, правда? Мне ты можешь сказать.

Он вновь засучил ногами. Я давил. Я крутил. Я дышал размеренно, глубоко. Он, как безумный, лягнул костер, из него посыпались угли. А потом все стихло. Он уже не лягался. Не говорил. Я опустил глаза и увидел, что он обмочился. А может, это была не моча.

— То-то тебе, должно быть, неловко, — сказал я.

Изо рта его вылетела слюна.

— Ты умрешь, Хопкинс. И знаешь, что меня

больше всего тешит? Знаешь? Угадай.

Хопкинс махал руками, лягался как сумасшедший. От его волос пахнуло кислятиной, мне это не понравилось. Он стал лягаться реже.

— Не твой страх. Ты ведь наверняка так думаешь. А то, что мне плевать. Вот что самое сладкое — мне на тебя плевать.

И плевать, что он сдох и не слышал этих последних слов. Плевать я хотел на него.

Я оттащил Хопкинса к его каноэ. Острым камнем пробил в днище дыру. Свалил тело в лодку. Подумал было кинуть к нему пистолет, но ощутил его тяжесть и вспомнил, что такая штука сделала с маленькой Сэмми. Я оттолкнул лодку от берега. У меня на глазах течение опрокинуло ее, и она утонула.

Глава 8

Прошло еще несколько дней. Я прислушивался к голосам в моих снах, стараясь найти хоть какое-то объяснение тому, что я сделал. Разумеется, с одной стороны, все было слишком уж просто. Я отомстил. Но за кого? За одно злодеяние или за многие? Одному, многим или всему свету? Я не знал, должно ли мне стыдиться. Или, может, гордиться содеянным? Я поступил отважно? Я поступил подло? Подло ли убить подлеца? Если честно, мне было плевать. Это-то равнодушие и побудило меня задуматься о себе — не о том, почему я ничего не чувствую и способен ли я вообще что-то чувствовать, а о том, на что я еще способен. Чувство не то чтобы неприятное.

Я валялся на том же ворохе листьев, на котором отлеживался после укуса гремучей змеи. Вдалеке, в Ганнибале, звонил церковный колокол: так я понял, что воскресенье. Я давно уже потерял счет дням. Я подошел к выходу из пещеры, прислушался к пенью сиалий. Сухая листва зашуршала под чьими-то ногами. Я юркнул в густые кусты и приник к земле.

— Джим?

Это был Гек.

— Гек. Я знал, что ты найдешь меня.

— Честное слово, они следили за мной как ястребы. Я даже поссать не мог в одиночестве. Мне и удрать удалось исключительно потому, что я тайком улизнул из церкви.

— Давай присядем. Кто-нибудь видел, как ты сюда плыл?

— Вряд ли, — ответил парнишка. — Я никому ничего не сказал. Меня не один, а пятьдесят раз спросили, не видел ли я тебя, и я каждый раз отвечал “нет”.

— Я думал, ты скажешь им, что я умер, — заметил я.

— Я просто не смог тебя погубить, — ответил парнишка.

— Спасибо, Гек.

— Они спросили меня, где я был, и я рассказал. Я рассказал им про Короля и Блажуотера. Рассказал им про взрыв парохода. Они уже и сами об этом слышали. И слышали о рабе, который украл рабыню. Джим, это был ты?

— А еще что? — спросил я. — Ты узнал у них про Сэди и Лиззи?

— Я пытался, но они так странно на меня смот-

рели. Один надсмотрщик, ну тот, по фамилии Хопкинс, он знал. Сказал что-то про ферму Грэма, но я не знаю, где это. А потом исчез.

— Исчез?

— Пропал пропадом, так они говорят. Его лодку нашли. Может, река его забрала.

Гек вгляделся в мое лицо.

— Помню его, — сказал я. — Он всегда был скор на расправу.

— Судья Тэтчер считает, что он напился и с ним приключилось то же, что обычно приключается с пьяными на реке. Упал и утонул.

Я досадовал на себя за то, что не догадался расспросить Хопкинса, пока он был в моих руках. Я поддался чувствам, в особенности гневу и жажде мести. Я поклялся себе, что впредь этому не бывать. Отныне я никогда не потеряю головы.

— Надеюсь, они тебя не найдут, — сказал Гек. — А то ты пожалеешь, что не утонул в Миссисипи.

— Да?

— Они готовы повесить тебя дважды.

Я кивнул. И понял, что меня уже запугать, я и так всю жизнь пробоялся.

Мы долго сидели молча.

— Как рыбалка? — спросил Гек.

Я пожал плечами.

— Меня одного даже рыбачить не отпускают.

— Как война? — спросил я.

— Пока не закончилась. Судья Тэтчер говорит, что я еще маленький, чтобы идти воевать.

Я подумал о том, что белые северяне выступают против рабства. Насколько их желание положить конец существующему порядку обусловлено стремлением утишить, унять боль и чувство вины белых? Неужели им так больно глядеть на это? И жизнь в обществе, где приняты подобные вещи, оскорбляет их христианские чувства? Я знал одно: что бы ни послужило причиной этой войны, освобождение рабов — лишь побочный предлог и станет побочным результатом.

— Ты уже решил, за кого ты? — спросил я.

— За Союз, — ответил Гек.

— Они за или против рабства?

— Против.

Я кивнул.

— Спасибо, Гек. А теперь лучше возвращайся, пока тебя не хватились. Мне вовсе не хочется, чтобы здесь рыскал поисковый отряд.

Я проводил парнишку до берега и смотрел из-за деревьев, как он гребет на тот берег. Ферма Грэма. Надо выяснить, где это.

Глава 9

Той месячной ночью — близилось полнолуние — я зашел в воду и переплыл мутный канал, держа над головою узелок с провизией, блокнотом и пистолетом. На остров Джексона я возвращаться не собирался. Ночь ощущалась как диковинное существо, свое собственное время года. Мой голос даже в моей голове укоренился в моей диафрагме, стал глубоким и звучным. Мой карандаш увереннее цеплялся за страницы моего вновь высушенного блокнота. Я видел яснее, дальше, больше. Мое имя стало моим.

В Ганнибале после заката стояла мертвая тишина. Комары меня донимали. Я направился к дому судьи Тэтчера, стараясь держаться в тени. Собаки лаяли, заслышав мои шаги, но собаки лают всегда. Пса судьи я знал, и он меня знал, а потому лишь приподнял большую ленивую голову, поглядел на меня и снова опустил голову. Задняя дверь — единственная, которой пользовались рабы, — была не заперта, поскольку двери в Ганнибале не запирали вовсе. Пистолет оттягивал узелок, его тяжесть пугала меня. Я

прокрался в дом, прошел через кухню. Половицы поскрипывали, но их скрип был похож на звук, с которым дом дает усадку и на который обычно не обращают внимания. Я проскользнул в библиотеку судьи. Остановился, вдохнул затхлый душок книг, его трубочного табака, почувствовал бумажную пыль в воздухе. Мне и прежде частенько случалось пробираться в библиотеку и, притаившись в одном из углов, читать. Но не сегодня. Сегодня книги для меня были яствами, есть которые некогда. У лампы я отыскал спички и зажег огонь. Спички я прикарманил. Мне под руку попалась сумка, и я решил прихватить с собой все, что мне нужно. Книги, спички, карандаши. Еще я нашел карту, но читать ее я не умел. Однако все равно положил в сумку. Я открыл ящики. Я искал купчую, документ, который скажет мне, где находится ферма Грэма и где, следовательно, я найду мою семью. Но ничего подобного не обнаружил.

На пороге показалась спервa тень, потом фигура. Это был судья Тэтчер.

— Кто здесь? — спросил он.

Я ничего не ответил, только выпрямился в его кресле.

Судья шагнул вперед.

— Негр? — произнес он.

Я безмолвствовал.

— Надеюсь, малый, у тебя есть веская, из ряда вон причина сидеть в этом кресле, — сказал судья.

Я сунул руку в свой узелок, отыскал пистолет. Я схватил его и вспомнил, что понятия не имею, как с ним обращаться. Знаю только, который конец опасен. Впрочем, тонкий конец этой штуковины говорит громко, и когда я наставил ствол на судью, тот замер как вкопанный.

— Джим?

— Джеймс, — поправил я.

— Малый, тебя линчуют в любой день кроме вторника, — ответил судья.

Написанная на его лице ярость так меня озадачила, что я опустил ствол. Судья медленно приблизился. Я не стал больше угрожать ему пистолетом, а просто сказал:

— Пожалуйста, не надо.

Он остановился. Всмотрелся в меня, потом уставился на окно за моей спиной, словно искал помощи.

— Что ты здесь делаешь?

— Где мои жена и дочь? Я знаю, что вы их продали. Мне нужно знать, куда их отправили.

— Почему ты так разговариваешь?

— Вас это смущает? — спросил я.

— Рабов продают. Бывает, — ответил он.

— Кто их купил? — Я наклонил голову и снова наставил на него пистолет. — Присаживайтесь. — Я кивком указал на стул перед столом.

Он сел.

— Почему ты так разговариваешь?

— Я направляю на вас пистолет и спрашиваю, где моя семья, а вас волнует моя речь? Вы в своем уме? Где находится ферма Грэма? Они же там, верно?

— Да, — ответил судья. — Ферма в Эдине.

У меня закружилась голова. Я слышал это название, но тогда оно ничего для меня не значило.

— Где это? В другом штате?

— Эдина, Миссури, — пояснил судья.

Я бросил карту на стол, расправил ее на столешнице.

— Покажите мне на этой штуке, где это.

Он показал.

Я вгляделся в цвета бумаги, в линии. Увидел четкую надпись “РЕКА МИССИСИПИ”.

— Реку я вижу, — сказал я. — Покажите мне, где мы сейчас.

— Мы вот здесь. — Он ткнул пальцем в карту.

Я начинал соображать.

— Сделайте тут отметку.

Он схватил перо, окунул в чернильницу и обвел Ганнибал и Эдину. Ганнибал был обозначен на карте, Эдина — нет.

— Почему здесь не написано “Эдина”? — спросил я.

— Ты умеешь читать? — удивился судья.

— Почему здесь не написано?

— Это новое поселение.

— Далеко до нее?

— Черномазый, ты даже представить себе не можешь, как плохи твои дела.

— А с чего вы взяли, что я даже представить себе не могу, как плохи мои дела? Вы пытали меня, обобрали, лишили мужества, бросили меня поджариваться на медленном огне — что еще вы мне сделаете? Скажите мне, судья Тэтчер, чего я не в силах себе представить?

Он поерзал на стуле.

— Вы-то разве могли себе представить, что черномазый, раб, негритос станет с вами так разговаривать? И кому из нас не хватает воображения?

— Ты намерен меня убить?

— Эта мысль приходила мне в голову. Я еще не решил. Ах, извините, дайте переведу. Я ить,

масса, исчо не решилси.

Я никогда не видел, чтобы белый так испугался. Но вот что поразительно: сильнее всего его встревожил и устрашил вовсе не пистолет, а моя речь, тот факт, что я обманул его ожидания, что я умею читать.

— И что теперь? — спросил он.

— Идем отсюда. Только тихо. Я не знаком с принципом действия этого пистолета, он может выстрелить в любой миг, так что, пожалуйста, давайте пойдем тихо и медленно. Только захватим в сарае шнур и веревку — и пойдем прогуляться.

Проходя через кухню к задней двери, я прихватил яблок, булок и ножик.

Я погнал Тэтчера прочь из города, через лесок к реке. На плавучем причале нашлись ялики и каноэ. Я выбрал ялик и велел судье Тэтчеру сесть в середину лицом ко мне. Он греб, я за ним следил. Он греб возле берега, против течения, и продвигались мы медленно, но неуклонно.

— Ты огорчил меня, Джим, — сказал судья Тэтчер.

— Что?

— После всего, что я для тебя сделал. Я кормил тебя столько лет. Я давал тебе кров. Одежду.

— Я раб. — Я посмотрел на него — он греб, вы-

биваясь из сил, — и вдруг осознал, что теперь он на меня работает. — Смотрите, судья, как усердно вы трудитесь. Похоже, пока что это вы мой раб.

Его это оскорбило.

— Я не раб.

— Вы сами решили грести? — спросил я. — Нет, — ответил я за него. — Вам платят за то, что вы гребете? Нет. Вы гребете, потому что боитесь меня и того, что я могу с вами сделать? Да, судья Тэтчер.

— Я не раб.

Я направил ствол ему в лицо.

— Греби быстрее, — приказал я.

Он повиновался.

— Нет, судья, вы раб. — Старик начал уставать. — Помедленнее. Если помрете, не сможете грести.

— Откуда у тебя этот пистолет? — спросил судья Тэтчер.

— От одного человека, — не колеблясь, ответил я.

— Это “кольт патерсон”, — сказал судья.

— Вам видней.

— Такой, как у Тома Хопкинса.

— Был, — уточнил я.

— Ты убил его?

— Да. — Я посмотрел ему в глаза. — Но не из пистолета. Я его задушил. Смотрел, как он перед смертью дрыгал ногами, как будто болтается на веревке. Гадкое зрелище. Мне даже стало его немного жаль. Наверное, этим мы с вами и отличаемся.

Теперь его пугало уже не то, как я изъясняюсь. И не то, что мне случалось убивать. Теперь его пугало, насколько мне безразлично, что он узнал о моем преступлении.

— Я видел, как Хопкинс изнасиловал рабыню, — продолжал я. — Видел, но ничего не сделал. Вам доводилось насиловать рабынь? Когда вы были молоды и полны сил, до того, как сами стали рабом? Вам доводилось насиловать женщин?

Он красноречиво промолчал.

Я кивнул.

— Мне нет интереса убивать вас, судья, хотя это едва ли отягчит мою участь, не так ли? Но я не намерен подпитывать ваши фантазии, будто вы добрый хороший хозяин. Независимо от того, как кротко вы пускали в ход кнут, независимо от того, сколько сочувствия вы выказывали, когда насиловали. Да, наказывая нас, вы давали нам меньше плетей. И не раз позволяли нам отдохнуть, когда стояла жара.

— Я добьюсь, чтобы тебя казнили.

— Не сомневаюсь.

Мы проделали несколько миль вверх по реке. Солнце вставало, и нам нужно было спрятаться. Белый, который везет на лодке негра, непременно привлечет внимание. Судья обливался потом. Он не занимался физическим трудом со времен своей юности. Я заметил, что он собирается вытащить ялик на каменистый берег, и велел ему оттолкнуть лодку от берега.

— Пусть плывет, — пояснил я.

Он повиновался.

— А вы ползите сюда, — добавил я и посмотрел на деревья. — Это место почти весь день должно быть в тени.

— Что ты намерен делать? — спросил судья.

— Привязать вас к этому дереву.

— Еще не хватало.

— Альтернатива громкая и, на мой взгляд, все-таки чрезмерная. Вряд ли вам это понравится.

— Почему ты так разговариваешь? — в который раз спросил он.

— Сядьте, пока я вас не пристрелил.

Он сел, и я надежно привязал его к платану, однако не слишком крепко. Если захочет, сумеет высвободиться. Затыкать ему рот я не стал. Я

оставил ему его голос, он волен был кричать и визжать, насколько достанет сил.

Рано или поздно кто-нибудь обязательно проплывет мимо. На реке всегда многолюдно. Так что, если сюда не заявится медведь или ретивый енот и если у судьи не откажет сердце — скорее всего, он выживет.

— А в сумке что? — спросил он.

— Книги. Вряд ли вы их хватитесь.

— Какие книги?

— Интересный вопрос, — сказал я. — Вы меня удивили. История какого-то раба. Одна из них. Ее ни разу ни открывали, так что вы ее точно не хватитесь. Даже не знаю, зачем она вам понадобилась. “Кандид”. Что-то еще Вольтера. Джон Стюарт Милль.

— Господи боже, что вообще происходит?

— Назовите это прогрессом, — сказал я.

Он поерзал в веревках.

— Ты не можешь оставить меня здесь вот так, — сказал он.

— Как — так? Живым?

Он сплюнул и уставился на реку.

Я посмотрел на карту и понял, что Эдина лежит далеко на запад от Миссисипи и к северу от меня.

— Ничего у тебя не выйдет, — сказал судья.
— Может, и так.

Глава 10

Идти было трудно. Передвигаться только ночью я более не отваживался. Кто знает, когда судья Тэтчер высвободится — или его найдут — и расскажет всем о случившемся. А он знает, куда я направляюсь. Вот я и спешил. Я преодолел огромное расстояние и, хотя понимал, что семья моя все ближе, до нее еще было по-прежнему далеко. Я шагал без малого три дня. Булочки кончились, я голодал.

На краю кукурузного поля я наткнулся на чернокожего мужчину — к своему и его удивлению. Он бросился прочь, но я окликнул его.

— Друг, — произнес я.

Он остановился, обернулся ко мне.

— Откуда ты? — спросил он.

— Из леса. Я беглый.

— Оно и видно. Откуда?

— Из Ганнибала. Я ищу ферму Грэма.

— Заводчика? — уточнил он.

— В каком смысле?

— Грэм занимается разведением. Он разводит рабов, а потом продает.

— Туда забрали мою жену и дочь.

Мужчина молчал.

— Так ты знаешь, где это?

— Пожалуй что. Сам я там не бывал. Это возле города на другой стороне долины.

— Эдина?

— Вроде да.

— Туда? — Я указал направление.

Он кивнул, я поблагодарил его.

— Есть хочешь?

— Да.

— Подожди здесь.

И я стал ждать, радуясь, что вокруг кукурузное поле и высокие стебли скрывают меня от глаз. Я залез в сумку, достал повесть Уильяма Брауна. Я читал, терзаясь печалью и чувством вины, ведь Норман тоже когда-то выбрал себе фамилию Браун. Первые страницы рассказа я читал как свою историю. По правде сказать, она и была моей. Я читал, хоть меня и клонило в сон. Я читал о том, как он попал на борт парохода, направлявшегося в свободные штаты, к городам, которые мнил настоящими, к Канаде. Вот бы попасть в Канаду вместе с женой и ребенком.

Я, наверное, все же уснул. Проснувшись, я увидел того раба и еще какую-то женщину. Они

сидели на корточках рядом со мною. Я сел.

— Я Джеймс.

— Я Эйприл, — ответил раб. — А это Холли.

Я кивнул в знак приветствия.

— Мы тебе принесли поесть. Куриные шейки и потроха, — сказала Холли. — И рис.

— Спасибо.

Еда была жирная, очень вкусная.

— Давно ты в бегах? — спросил Эйприл.

— Не очень. Я хочу отыскать свою семью, жену и дочь. Мне сказали, их отвезли на ферму Грэма.

Холли покачала головой, точно отгоняя дурные мысли.

— Вы там бывали? — спросил я.

— Нет. Но я знаю, что это ужасное место.

Я доел и поднялся на ноги. Стояла ночь, хорошее время, чтобы идти полями.

— Что ты намерен делать? — спросил меня Эйприл.

— Пойду искать семью, — ответил я.

— Ишь ты. То есть вот так вот заявишься на плантацию и спросишь, здесь ли они? — Эйприл смотрел на меня недоверчиво.

Я слишком хорошо понял его вопрос. Я и сам задавался им, но ответа пока не нашел.

— Там на месте разберусь, как быть.

— С ума ты спятил, — сказал Эйприл.

— Не то слово, — согласился я. — Меня разыскивают за побег, похищение, кражу и убийство.

— Ты правда все это сделал? — уточнила Холли.

— Какая разница? — спросил я.

— Пожалуй, и никакой.

— Да, сделал.

Я шагал в темноте по просторной долине, в низинах стояла грязь. Я видел вдали россыпь огней и думал, надеялся, что это Эдина. Послышались звуки людей. Нет ничего страшнее, чем звуки людей. Голоса, смех, стоны. Я увидел кольцо лачуг и догадался, что это жилища рабов. Я почуял вонь нечистот из выгребной ямы и подался в сторону. К одному столбу были прикованы четверо рабов, между ними стояла миска с кашей.

Мое неожиданное появление очень их напугало, но я успокоил их. Я сел рядом с ними, взглянул на их цепи.

— Грэм здесь живет? — спросил я.

— Здесь, — ответил высокий мужчина. Они все были крупнее меня.

— Я ищу свою жену и дочь.

— Женщины в другом лагере, — сказал второй.

— Зачем вас приковали? — спросил я.

— Они нас боятся, — пояснил первый под смех остальных. — Да мы сами не знаем. Наверное, надеются довести нас до животного состояния. Чтобы мы спаривались, как животные.

Я посмотрел на ржавые замки кандалов. Они были точь-в-точь как замок на цепи, что прежде висела на двери погреба мисс Уотсон, и я знал, что открыть его можно ножом.

— Мужики, убежать хотите? — Я специально назвал их мужиками. Во-первых, потому что они мужики, во-вторых, потому что им нужно было это услышать. — Я намерен забрать свою семью и убежать на север. — Я достал нож, который прихватил на кухне у судьи Тэтчера, и отпер их кандалы. — Я хочу найти мою жену и дочь.

— Черт, — сказал один из рабов и потер высвобожденную щиколотку.

Я отпустил их всех. Мы стояли. Они высились надо мною.

— Как зовут твою жену? — спросил первый.

— Сэди. А дочку Лиззи. Ей девять лет.

— Я видел, как привезли женщину с маленькой девочкой, — сказал он. — Недели две назад.

— Ты знаешь, где они? — спросил я.

— Полагаю, с другими женщинами.

Я сунул руку в сумку и достал пистолет. Муж-

чины попятились.

— Кто-то из вас умеет с ним обращаться?

— Мой последний хозяин палил во все подряд, — сказал прежде молчавший. — А я за ним наблюдал. Надо большим пальцем оттянуть вон ту штуку. — Он указал какую. — Это курок.

— А пули в нем есть?

Я протянул ему пистолет.

Он взял его, оглядел и вернул мне так осторожно, точно тот был горячий.

— Да.

На западе в небе висел полумесяц. Я понимал, что разумнее подождать, понаблюдать, проявить терпение и напасть в подходящий момент. Но терпения не оставалось. И я знал, что подходящий момент никогда не настанет. Знал я и то, что, чем дольше я буду ждать, тем вероятней меня обнаружат, случайно ли, по сообщению от спасенного Тэтчера.

— Идем, — сказал я.

— А план у тебя есть? Или “идем и все”? — уточнил самый крупный.

— Боюсь, что так, — ответил я.

— Да кто ты?

— Меня зовут Джеймс. И я намерен забрать мою семью. Можете пойти со мной, можете остаться

здесь. Можете пойти и отведать свободы или можете остаться здесь. Можете умереть со мной вместе, пытаясь найти свободу, или можете остаться здесь и все равно быть мертвецами. Меня зовут Джеймс.

— Морис.

— Харви.

— Луэлин.

— Бак, — представился самый мелкий. — Идем.

Глава 11

План действий пришел мне в голову, едва мы приблизились к хижинам, где жили женщины. Впрочем, его и планом назвать нельзя. По лагерю рыскал белый, на поясе его висел кнут. Надсмотрщик шагал вперевалку, как все белые мужчины после того, как кого-нибудь изнасилуют.

— Разве нам не надо выяснить, где твоя семья? — спросил Бак.

— Они где-то здесь. Я знаю. Я чувствую. Но мы заберем с собой всех, — сказал я.

— Всех?

— Всех. Тут есть тропа на север?

— Есть дорога, — ответил Бак.

— И тропа тоже есть, — добавил Морис.

Я посмотрел на белый дом, высившийся к западу от нас. Видимо, разведение — дело выгодное. К югу от дома тянулось кукурузное поле вроде того, на котором я прятался.

— Как думаешь, у тебя получится одолеть надсмотрщика? — спросил я Мориса.

— Точно получится. Я с радостью. Когда?

— Когда он побежит к кукурузному полю.

— С чего вдруг? — спросил Луэлин.

— Побежит, — заверил я. — Как только мы начнем, обратного пути не будет.

Пригнувшись, я ринулся к кукурузному полю. Схватил стебель, сжал в кулаке и отметил с удовлетворением, что поле сухое. Я определил, что ветер дует на юго-запад. Достал из кармана спичку, чиркнул ею и поджег тот угол поля, возле которого стоял. Он занялся, огонь быстро распространялся. Густой дым наполнил ночь. Со стороны дома послышался крик. Я помчался к хижинам. Женщины в ночных сорочках высыпали из домов, смотрели и указывали на пламя. Я обернулся и окинул взглядом пожар. Жуткое зрелище. Я побежал к остальным; надсмотрщик лежал без сознания. Кнут его был у Мориса.

В дальнем конце поселка, у низкой открытой двери самой маленькой хижины, стояла женщина. Я не мог оторвать от нее взгляд. Я сделал шаг, другой. Моя Сэди. Мне не верилось, что это она. Споткнувшись, я бросился к ней через двор. Я остановился перед ней, мы впились взглядом друг в друга.

— Джим? — спросила она. — Это ты?

Я взял ее за плечи. Она обняла меня.

Из хижины вышла Лиззи. Мой ребенок. Замерла, не веря своим глазам, точь-в-точь как мы с

Сэди. Я прижал Лиззи к себе.

К нам подошли мужчины.

— Скажите всем, чтобы бежали на север, — скомандовал я. — Берите еду, сколько сумеете унести, и бегите!

Буйное пламя лизало небо. Наверняка его было видно за многие мили. Ветер переменился, угли летели к дому. Оттуда вышел белый старик в ночной рубахе и присоединился к женщинам. В руках он держал дробовик. Старик с ужасом уставился на огонь, потом перевел взгляд на нас, рабов. Он направился к нам, крича, чтобы мы скорее тушили огонь.

— Негр! Пожар! — Заметив, что все его рабы бегут прочь от него, прочь от пожара, к лесу, он вскинул дробовик. — Вы куда это собрались?

Я шагнул к нему.

— А ты еще кто такой, черт побери? — спросил он и навел на меня дробовик.

Я наставил на него пистолет.

— Я ангел смерти, пришедший в ночи вершить милосердную справедливость, — ответил я. — Я предвестие. Я твое будущее. Я Джеймс.

Я оттянул курок пистолета.

— Что за черт?

Он взвел курок дробовика.

Я выстрелил, и выстрел мой прогремел в долине, точно выпалили из пушки. Эхо длилось до бесконечности. Все, кто были со мною, замерли и увидели, как старик получил пулю. Грудь его взорвалась, обагрила ночную рубаху. Он не рухнул, как дерево. Не такой уж он был великан. Просто упал ничком в темноту, которую никто из нас не видит. Стоящие за ним женщины завизжали, но их визг утонул в реве пожара и ночи. Поднявшийся ветер раздувал пламя.

— Идем, — сказала рядом со мною Сэди.

И мы побежали. Мы все побежали на север, некоторые по дороге, некоторые по тропе. Лиззи я нес на руках. А она все шептала мне:

— Папа, папа, папа.

Глава 12

Как случается с испуганными и неподготовленными, мы разбрелись кто куда. Некоторых из нас поймают. Некоторых убьют. Некоторые, возможно, приползут обратно.

Мы с Сэди и Лиззи добрались до северного городка, который, как нам сказали, находился в Айове. Морис с Баком остались с нами. Белые нам обрадовались не особо, но ведь шла война. И мы явно имели к этому отношение. На улице нам повстречался шериф, он взглянул на нас с подозрением.

— Беглые? — спросил он.

— Да, — ответил я.

— Есть среди вас негр Джим?

Я по очереди указал на каждого из нас:

— Сэди, Лиззи, Морис, Бак.

— А ты?

— Я Джеймс.

— Фамилия?

— Просто Джеймс.

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить моего редактора Ли Будро. Работа с нею над этой книгой стала яркой страницей моей литературной карьеры. Мне выпала радость, честь, удовольствие на протяжении двадцати девяти лет сотрудничать с Фионой Макрэй из издательства *Graywolf Press*. Творческая свобода и поддержка, которые дает мне Фиона и все сотрудники *Graywolf*, — настоящий подарок. Мой агент, Мелани Джексон, — мой проводник, хранитель и первый читатель. Они с Фионой родные мне люди. Эта книга не появилась бы без моей жены и лучшего друга, Дэнзи Сенны. Она и наши сыновья, Генри и Майлз, не дают мне забыть о том, что я часть мира. И, наконец, надо отдать должное Марку Твену. Его юмор и человечность повлияли на меня задолго до того, как я стал писателем. В раю, конечно, лучше климат, но в аду меня ждет ланч с Марком Твеном.